

Призраки требуют возмездия...

Ирса
Сигурдардоттир
ПОСЛЕДНИЕ
РИТУАЛЫ

**КОРОЛЕВА
СКАНДИНАВСКОГО
ДЕТЕКТИВА**

Расследование таинственного убийства эксцентричного студента-экстремала, на груди которого вырезан рунический знак...

Расследование, которое идет в двух направлениях одновременно.

Один — реальный — уровень этого загадочного дела ведет адвоката, приглашенного семьей жертвы, все дальше на север Исландии.

Второй — мистический — уходит в глубь веков, в далекое прошлое, когда над Европой нависала черная тень инквизиции, ведущей охоту на ведьм и колдунов...

Однажды — на стыке прошлого и настоящего — тайна убийства будет раскрыта.

Но какой ценой?

Ирса Сигурдардоттир

«Последние ритуалы»

Посвящаю эту книгу моему дорогому Оули.

*Особая благодарность Гаральду Шмидту, который одолжил
имя моему герою — и позволил себя убить.*

31 октября 2005 года

Триггви стоял у автомата для приготовления кофе. В пустынном здании исторического факультета слышно было только, как внутри кофе-машины журчит вода. Скоро станет шумно: набегут девушки-уборщицы, начнут переговариваться, смеяться, возить пылесосы и греметь мусорными тележками... А пока Триггви радовался тишине и аромату свежеприготовленного кофе. Смотрителем здания он был вот уже тридцать лет и видел множество перемен, и, пожалуй, самая значительная касалась его подчиненных. Когда уборщицами работали исландки, проблем с пониманием не было, теперь же он вынужден отдавать распоряжения жестами или короткими фразами из двух-трех слов, которые к тому же надо произносить отчетливо и громко, потому что теперь у него в подчинении женщины, приехавшие из Юго-Восточной Азии, а одна даже из Африки. По утрам, когда еще не было преподавателей и студентов, ему казалось, что он находится не в Рейкьявике, а где-нибудь в Бангкоке.

Он взял дымящуюся чашку и подошел к окну, поднял жалюзи, посмотрел на улицу. Сделал ни с чем не сравнимый первый глоток крепкого черного кофе. В Бангкоке нет снега... А здесь — пожалуйста, снежное одеяло, накрывшее университетский двор, сверкает на морозе, будто кто-то среди ночи набросал поверх него блесок. Белое безмолвие... Красота... Триггви подумал, что до Рождества осталось не так много, и на душе стало совсем хорошо.

На двор въехала машина. «Ладно, с Рождеством подождем», — подумал смотритель. Автомобиль парковался очень осторожно, и поскольку стоянка была пуста, это выглядело странно. Водитель вышел, захлопнул дверь, включил сигнализацию — «бип!» (через закрытое окно звук едва донесся) — и направился к зданию.

Триггви опустил жалюзи и быстро допил кофе. Открылась входная дверь. По службе смотрителю приходилось общаться со многими сотрудниками университета, от секретарей и ассистентов до профессоров, но этот, Гуннар, — самый неприятный из всех. Разговаривает всегда свысока, вечно придирается, что плохо убирают. От его чванства Триггви всегда становилось не по себе. А в начале семестра декан обвинил уборщиц в том, что они якобы украли у него статью про ирландских монахов. С той поры Триггви не просто его невзлюбил: он его презирал. Ну для чего, скажите на милость, уборщице из Азии, которая по-исландски имя-то свое не может прочесть, понадобилась заумная статья об ирландцах, заселении Исландии и викинггах? Негоже профессору нападать на слабых, на тех, кто не может за себя постоять, — а именно так выглядело поведение декана в глазах Триггви.

Когда этого человека назначили главой факультета, он тут же поспешил уведомить Триггви о нововведениях. И первое касалось уборщиц: отныне они должны выполнять свою работу молча. Да кому или чему может помешать их болтовня? Они же работают или до того, как кто-то пришел, или уже после того, как все ушли. За исключением Гуннара, разумеется. Автобусы еще не начинали ходить, а декан уже появлялся в университете, и так каждое утро. Зачем — Триггви никогда не понимал.

Донесся щебет женских голосов — значит, работницы уже здесь. Триггви пошел к ним в комнату. Его, как всегда, пытались приветствовать по-исландски, со смешным акцентом, и сами же потом хихикали, а Триггви, слушая их галдеж, только улыбался. Неожиданно он

различил странный звук где-то внутри здания. Как будто гортанный стон, сперва слабый, потом все громче и громче. Триггви шикнул на женщин и прислушался. Уборщицы тоже уловили звук, глаза их расширились. Две перекрестились. Смотритель поставил чашку и поспешил из комнаты, женщины следом.

В коридоре стон превратился в громкий пронзительный вой. Триггви не понимал, мужской это голос или женский, да и вообще человеческий ли? Может быть, какое-то животное случайно попало в здание и поранилось?.. Раздался еще один звук, будто что-то упало и разбилось. Триггви прибавил шагу. Крик доносился с верхних этажей. Смотритель начал стремительно подниматься по лестнице, уборщицы еле поспевали за ним. От страха и возбуждения они заголосили.

Лестница вела на этаж, где располагался деканат. Звук, похоже, шел оттуда, но пронзительные вскрики за спиной мешали Триггви слушать. Он побежал, уборщицы вплотную семенили за ним. Распахнув дверь пожарного выхода, ведущего в коридор, смотритель остановился как вкопанный. Стайка женщин врезалась в него.

Не опрокинутый стеллаж и разбросанные повсюду книги и не ползающий на четвереньках посреди коридора обезумевший декан факультета заставили Триггви оцепенеть, а лежавшее навзничь тело.

Триггви почувствовал спазм в животе. Во имя всего святого, что это за пятна на глазах? И почему так странно застыли руки? Женщины выглянули из-за Триггви и дружно завопили, в ужас цепляясь за его рубашку, выпрастывая ее из штанов. Он безуспешно пытался освободиться. Декан протягивал к нему руки, моля о помощи, отчаявшись избавиться от чудовищной сцены позади него. Триггви хотел было убежать и увести женщин, но вместо этого шагнул вперед. Уборщицы опять закричали и потянули его назад. Смотритель рывком высвободился и подошел к скулящему Гуннару.

Слюна текла из профессорского рта, разобрать бормотание было невозможно. Интуитивно Триггви предположил, что труп — а это, несомненно, был труп, ничто живое так не выглядит — упал на Гуннара, когда тот открыл комнатку, где стоит факультетский ксерокс.

Помимо воли Триггви взглянул на страшные человеческие останки. Черные пятна на глазах вовсе не были пятнами. Желудок Триггви сжался в ком. «Господи помилуй», — прохрипел смотритель, ком напрягся, и Триггви вырвало.

6 декабря 2005 года

Тора смахнула прицепившуюся к брюкам сухую овсяную хлопинку от завтрака, поправила одежду и зашла в офис. Все по плану. Она только что развезла по школам шестилетнюю дочь и шестнадцатилетнего сына — привычные утренние хлопоты. Дочка в последнее время не хочет носить розовое. Вроде не проблема, если не считать, что почти вся ее одежда розовая. Зато сын с радостью ходил бы в одном и том же годами, пусть в дырявом, но лишь бы с черепом и костями. Спасибо, что его не надо будить по утрам, — огромное достижение! Тора вздохнула. Не так-то просто одной воспитывать двоих детей. Впрочем, когда она была замужем, жилось не легче, просто вдобавок к утренней рутине они с мужем бесконечно препирались. Мысль, что теперь это в прошлом, взбодрила ее, она улыбнулась и открыла дверь.

— Доброе утро, — звонко сказала она.

Секретарша, не отрываясь от компьютера, состроила в ответ гримасу и продолжила щелкать мышью. «Какие мы любезные», — подумала Тора. Секретарша была их наказанием, и это, без сомнения, сказывалось на делах фирмы. Все клиенты на нее жаловались. Грубая, непривлекательная, она страдала чрезмерной полнотой, с полным безразличием относилась к своему внешнему виду и постоянно огрызалась на всех и вся. Словно в насмешку, родители называли ее Беллой. Ну почему, почему она не уволится по собственному желанию? Непохоже, что она здесь очень счастлива, и вряд ли ее ждут перемены к лучшему. А где-то наверняка есть работа, которая ее встряхнет. Вот только вся штука в том, что Беллу нельзя уволить.

Когда Тора и ее партнер, старший и более опытный Брайи, объединились и открыли юридическую фирму, им так понравился офис, что они позволили хозяину включить в договор аренды условие, по которому фирма обязуется взять на работу дочь арендодателя. В их защиту можно сказать, что они и не подозревали, какой сюрприз их ждет. Девице дали превосходные рекомендации агенты по недвижимости, снимавшие офис раньше. Теперь Тора понимала, что они отказались от идеального места на Скоулавёрдустигур, в самом центре города, исключительно спасаясь от секретарши из преисподней. И до сих пор хохочут над доверчивостью Торы и Брайи, которые повелись на эти рекомендации. Конечно, можно обжаловать контракт в суде и опровергнуть сомнительное условие. А репутация? Пусть и скромная, но они с Брайи немало потрудились, чтобы ее заслужить. Кто захочет консультироваться в юридической фирме, которая не смогла защитить свои собственные интересы? И потом, даже если бы получилось избавиться от Беллы, хорошие секретарши вряд ли тут же выстроятся в очередь у них под дверью.

— Кто-то звонил, — буркнула приклеенная к компьютеру Белла.

Тора притворно удивилась:

— Да ну? И кто бы это мог быть? Есть идеи?

— Не-а. Говорили по-немецки. Кажется. Короче, я ничего не поняла.

— Этот «кто-то» перезвонит?

— Не знаю. Я положила трубку. Случайно.

— Если произойдет чудо и он перезвонит, не будешь ли ты столь любезна соединить его со мной? Степень доктора права я получала в Германии и знаю немецкий.

— Хр-м... — хрюкнула Белла и вся передернулась. — Может, это был не немец. Может, русский. Кстати, это была женщина. Кажется. Или мужчина.

— Белла, кто бы ни звонил — русская женщина или немецкий мужчина, хоть греческая говорящая собака, — соедини со мной, ладно?

Не дожидаясь ответа, который и не подразумевался, Тора прошла в свой скромный кабинет.

Она села и включила компьютер. На столе царил непривычный порядок — вчера она потратила целый час, разбирая накопившиеся за месяц бумаги. Тора открыла почту и начала уничтожать спам и шутки от друзей. В итоге осталось пять писем: три от клиентов, одно от подруги Лаувеи с темой «Надо бы расслабиться в выходные» и одно из банка. Наверное, она превысила лимит по кредитной карте. Тора решила не смотреть это письмо, чтобы не расстраиваться.

Зазвонил телефон. Тора схватила трубку:

— Юридическое агентство «Центр». Слушаю вас.

— Гутен таг. Фрау Гудмундсдоттир?

— Гутен таг. — Тора шарила по столу в поисках карандаша или ручки. Аристократический выговор собеседницы напомнил, что в разговоре следует употребить вежливое «Sie» — «Вы». Тора коротко зажмурилась, раздумывая, может ли положиться на свое знание немецкого, приобретенное в Берлинском университете, и сосредоточилась на произношении. — Чем могу быть полезна?

— Меня зовут Амелия Гунтлиб. Мне вас порекомендовал профессор Андерхайсс.

— Да, я училась у него в Берлине. — Тора надеялась, что правильно строит фразы. А произношение совсем никудышное. Дома, в Исландии, у нее не было возможности практиковать немецкий.

— Да. — После некоторого молчания женщина продолжила: — У меня убили сына. Нам с мужем нужна юридическая поддержка.

Тора быстро соображала. Гунтлиб? Не тот ли это студент, которого месяц назад нашли мертвым в университете?

— Алло?.. — Звонившая как будто проверяла, по-прежнему ли Тора на связи.

Тора поспешно ответила:

— Извините. Да, ваш сын. Это произошло здесь, в Исландии?

— Да.

— Кажется, я знаю, о чем вы говорите, правда, только из новостей. А вам нужна именно я, тут нет ошибки?

— Надеюсь. Мы не удовлетворены полицейским расследованием.

— Ах вот как, — удивилась Тора. Она полагала, что полиция превосходно раскрыла это жуткое преступление. Убийцу арестовали на третий день. — А вы в курсе, что подозреваемый уже взят под стражу?

— Информация у нас есть. Но нет уверенности, что этот человек виновен.

— Почему?

— Просто мы не убеждены, и все. — Женщина кашлянула и учтиво добавила: — Нам нужен кто-то незаинтересованный, говорящий по-немецки. Еще раз все проверить. — Она сделала паузу. — Вы, конечно, понимаете, как все это для нас тяжело. — И снова пауза. — Все-таки речь идет о нашем сыне.

Тора постаралась выразить сочувствие, понизив голос и говоря медленно.

— Да, я вас очень понимаю. У меня тоже сын. Я даже представить себе не могу ваше горе. Примите мои глубочайшие соболезнования. Но все же я не уверена, что смогу вам помочь.

— Спасибо за добрые слова. — Голос был холоден как лед. — Профессор Андерхайсс утверждает, что вы обладаете всеми необходимыми для нас качествами. Он сказал, что вы настойчивы, решительны и непоколебимы...

У Торы возникло подозрение, что ее бывший профессор едва не назвал ее «железной».

Собеседница продолжала:

— ...но также и отзывчивы. Он добрый друг нашей семьи, и мы ему доверяем. Вы возьметесь за это дело? Мы вас щедро вознаградим, — сказала она и назвала сумму.

С налогами или без, это были баснословные деньги. Цифра в два раза превышала обычную почасовую ставку Торы. Женщина также упомянула о гонораре, который будет выплачен, если найдут и арестуют настоящего преступника. Дополнительное вознаграждение было больше, чем Тора зарабатывала за год.

— Что вы рассчитываете получить за эти деньги? Я все-таки не частный детектив.

— Надо проверить все факты и оценить сделанные полицией выводы. И при необходимости провести новое расследование. — Помолчав, она продолжила: — Полиция отказывается с нами взаимодействовать. Это несколько раздражает.

«Их сын убит, а полиция несколько *раздражает*», — мелькнуло в голове у Торы.

— Я подумаю. Куда вам перезвонить?

Фрау Гунтлиб продиктовала номер.

— Я прошу вас не слишком долго изучать предложение. Если вы мне не ответите сегодня, мы начнем искать кого-то еще.

— Не беспокойтесь. Я отвечу быстро.

— И еще одно, фрау Гудмундсдоттир.

— Да?

— У нас есть условие.

— Какое?

Собеседница опять кашлянула, словно разговор ей давался с трудом.

— Мы хотели бы первыми получать всю обнаруженную вами информацию, даже самую незначительную.

— Давайте для начала пойдем, смогу ли я вам помочь в принципе, а уж потом будем обсуждать детали.

Они попрощались, и Тора положила трубку. Хорошенькое начало дня! Похоже, с ней обращаются как с прислугой. И превышен лимит по кредитной карте. На банковском счете денег наверняка тоже нет.

Телефон снова зазвонил.

— Здравствуйте, это из автосервиса. Все несколько хуже, чем мы предполагали.

— Жить-то она будет? Каков прогноз?

Вчера в обед она хотела съездить по делам, а машина не завелась. Тора тщетно пыталась запустить двигатель, потом сдалась и отбуксировала ее в сервис. Владелец мастерской сжалился и на время ремонта одолжил ей развалюху с ярким логотипом «Мастерская Бибби» на боках и салоном, заваленным упаковками от запчастей и пустыми банками из-под кока-колы. Тора ее взяла. А что делать? Нельзя же совсем без машины.

— Прогноз не слишком обнадеживающий, — равнодушно сказал автомеханик. —

Починить — починим, но стоять будет дороже. — Он стал перечислять все, что требовало ремонта. В терминах Тора не разбиралась, но цена была предельно ясной.

— Ладно. Спасибо. Чините, — сказала она и положила трубку.

Несколько минут Тора сидела, уставившись на телефон и размышляя. Скоро Рождество, а значит, елочные украшения и расходы, подарки и расходы, обеды — расходы, семейные встречи — расходы, и — надо же, какой сюрприз! — еще немножечко расходов. Юридическая фирма не отказывается от клиентов. Если впрячься в немецкий проект, работы будет много. Но зато это решит все финансовые проблемы и проблемы, которые связаны с финансовыми проблемами. И она даже сможет провести отпуск вместе с детьми. Есть же места, куда могут поехать девочка шести лет, мальчик шестнадцати лет и женщина тридцати шести лет. Можно даже взять с собой какого-нибудь мужчину двадцати шести лет, чтобы уравнять пол и возрастной коэффициент. Она сняла трубку.

Ответила не фрау Гунтлиб, а кто-то из прислуги. Тора попросила позвать хозяйку и скоро услышала приближающиеся шаги, — кажется, по кафельному полу. В трубке раздался холодный голос.

— Здравствуйте, фрау Гунтлиб. Это Тора Гудмундсдоттир из Исландии.

— Слушаю вас.

После короткого молчания стало очевидно, что женщина не собирается говорить что-то еще.

— Я решила, что помогу вам.

— Хорошо.

— Когда вы хотите, чтобы я приступила?

— Немедленно. За ленчем вы все обсудите с Маттиасом Райхом, я заказала для вас столик. Он работает на моего мужа и сейчас находится в Исландии. У него есть опыт в расследованиях, который у вас отсутствует. Маттиас вам обо всем подробно расскажет.

Слово «отсутствует» было произнесено таким уничижительным тоном, будто Тора вусмерть напилась на детском празднике. Что ж, придется стерпеть.

— Да, поняла. Но я хотела бы еще раз подчеркнуть, что не уверена, действительно ли смогу вам помочь.

— Посмотрим. У Маттиаса будет с собой контракт, вы его подпишете. Можете изучать его сколь угодно долго.

Тора едва поборола желание послать собеседницу ко всем чертям. Ее бесило подобное высокомерие и чванство. Потом она вспомнила об отпуске с детьми, о мужчине-мечте двадцати шести лет и, смилив свою гордость, промямлила, что согласна.

— Будьте в отеле «Борг» в двенадцать. Маттиас сообщит вам то, чего не писали в газетах. Что не предназначено для печати.

Слушая ее голос, Тора внутренне содрогнулась. Жесткий, без эмоций, но временами срывающийся. Она ничего не ответила.

— Вы слушаете? Вы знаете этот отель?

Тора едва не рассмеялась. Отель «Борг» — старейший в Рейкьявике, достопримечательность города.

— Да, пожалуй, я приду. — Хотя Тора и пыталась спасти свою гордость, добавив нотку неуверенности, но — зачем себя обманывать? — конечно, она будет в двенадцать часов в отеле «Борг». В этом не было сомнений.

Тора взглянула на часы и отложила документы, с которыми работала, — очередной клиент не хочет признавать, что его положение безнадежно. Довольная, что до встречи с герром Маттиасом Райхом успела просмотреть несколько малозначительных дел, она по внутренней связи сообщила Белле:

— Я иду на встречу. Не знаю, надолго ли, но раньше двух меня не жди.

В ответ раздалось нечто нечленораздельное, и Тора расценила это как знак согласия. Бог ты мой, неужели так трудно сказать простое «да»?

Тора взяла сумку и положила туда ноутбук. Этим убийством она особо не интересовалась, но о нем сообщали все средства массовой информации, так что трудно было совсем ничего не знать. Насколько она помнила, убит иностранный студент, его тело как-то по-особенному изуродовано, и арестован наркоторговец, который утверждает, что невиновен. Да, маловато для старта.

Надевая пальто, Тора оглядела себя в большом зеркале. При первой встрече важно произвести хорошее впечатление, особенно если клиент состоятельный. Одежда красит человека, говорят те, кто может позволить себе все самое лучшее. «И по туфлям их узнаете их». Тора не понимала, как можно судить о человеке по туфлям. Характер — вот что главное. К счастью, у нее приличные туфли и костюм хороший, вполне соответствует образу уважаемого юриста. Она пригладила рукой длинные светлые волосы, долго шарила по дну сумки, в конце концов нашла помаду и быстро накрасила губы. Обычно она не пользовалась косметикой, разве только увлажняющим кремом и тушью для ресниц. Помаду таскала с собой на непредвиденный — вот как сейчас — случай. Помада Торе шла и добавляла уверенности. Ей повезло, что она больше похожа на мать, чем на отца, которого однажды пригласили сняться в рекламе, где он изображал Уинстона Черчилля. Про Тору нельзя было сказать, что она красивая или яркая, однако миндалевидные голубые глаза и высокие скулы позволяли с уверенностью назвать ее хорошенькой. Фигура ей тоже досталась от матери, поэтому сохранять стройность не составляло труда.

— Пока, — махнула Тора сослуживцам. Брайи пожелал ей удачи. После звонка фрау Гунтлиб она сказала ему, что пойдет встречаться с ее представителем. Брайи все одобрил, воодушевился и объявил, что раз к ним уже обращаются клиенты из-за границы, то их контора на правильном пути. Он даже предложил добавить к названию фирмы слово «Международный», для улучшения имиджа, а то их вывеска слишком скромная. Тора надеялась, что Брайи шутит, однако побаивалась, что он это серьезно.

Снаружи гулял ветер. Ноябрь был непривычно холодным, и, похоже, впереди долгая суровая зима. Что ж, лето выдалось непривычно теплым, так что теперь придется расплачиваться. Впрочем, за пределами Исландии никто не считает аномально высокой температуру плюс двадцать градусов. Климат постепенно меняется, то ли в результате естественных причин, на что Тора очень надеялась — ради детей и их будущего, — то ли все-таки срабатывал парниковый эффект, что, увы, больше похоже на правду. Она натянула капюшон и прижала к лицу. Не хватало еще заявиться на встречу с отмороженными ушами. Отель «Борг» довольно близко, глупо ехать туда на машине, тем более из мастерской Бибби. Бог знает что подумает этот немец, увидев, как она пристраивает на стоянке свой драндулет. Тогда уже и туфли не спасут. К тому же в центре мало парковок, и она бы дольше кружила в

поисках свободного места. А еще, отказавшись от поездки на автомобиле, она вносит свою лепту в борьбу с глобальным потеплением. Конечно, за время короткой прогулки она не станет яростным борцом за охрану окружающей среды, особенно в стране, где народ предпочитает ездить, а не ходить, даже на расстояние в несколько метров, но все же это лучше, чем ничего, и создает ощущение причастности. Это бонус.

От офиса до отеля Тора добралась ровно за шесть минут.

Она прошла через вращающуюся дверь и остановилась, рассматривая элегантный ресторан. Лет десять назад здесь восстановили первоначальный интерьер в стиле ар деко. Сразу облагородилась и атмосфера: всплывали образы женщин со стрижками «боб», платья «чарльстон», броские нити жемчуга и длинные мундштуки слоновой кости. Отель построили в бурные двадцатые, и в то время тут собиралась самая крутая тусовка Исландии, было полным-полно золотой молодежи и правительственных чиновников, пускающих пыль в глаза иностранным высокопоставленным особам. «Реконструкция несколько приглушила краски», — подумала Тора. В студенческие годы она проводила в отеле «Борг» почти все субботние вечера. Господи, как же они напивались здесь с друзьями! Все изменилось, и только большие окна, выходящие на здание парламента и площадь Аустурвалур, напоминали ей те годы, когда она беспокоилась лишь о том, хорошо ли смотрится ее попа в новой юбке. Парниковый эффект существовал тогда в ее голове только как название рок-группы.

Немец выглядел лет на сорок. Сидел прямо, будто проглотил столб. Широкие плечи скрывали изящную спинку кресла. Волосы на висках чуть тронула седина, что придавало достоинства. Серый костюм и далеко не красочный, но тщательно подобранный галстук подчеркивали холодный и официальный вид. Тора улыбнулась, надеясь, что выглядит дружелюбно, а не по-дурачки. Вставая, мужчина убрал с колен салфетку и положил ее на стол.

— Фрау Гудмундсдоттир? — твердо и безучастно произнес он.

Она кивнула.

— Герр Райх... — Получилось довольно невнятно, хоть она и старалась не подкачать с произношением. — Зовите меня Тора. Проще произносить.

— Пожалуйста, присаживайтесь, — сказал он и, когда она устроилась в кресле, сел сам. — И пожалуйста, зовите меня Маттиас.

Она тоже попыталась держать спину прямо. Интересно, а что другие посетители ресторана думают об их прямосидячей парочке? Наверное, что у них переговоры о создании Общества любителей ортопедических корсетов.

— Могу ли я предложить вам что-нибудь выпить? — обратился к Торе по-немецки мужчина.

Официант прекрасно понял сказанное и повернулся к Торе.

— Минеральную воду, пожалуйста. Газированную. — Ей вспомнилось, что немцы любят минеральную воду. В Исландии лет десять назад это тоже стало модным. Здравый смысл подсказывал, что не стоит платить в ресторане за воду, которую бесплатно можно налить из-под крана. За газированную еще куда ни шло.

— Я полагаю, вы говорили с моим работодателем, точнее, с его женой, фрау Гунтлиб, — произнес Маттиас Райх, когда принесли воду.

— Да. Она сказала, что вы сообщите мне подробности.

Он помедлил и отхлебнул прозрачной жидкости из стакана. Ага, пузырьки, значит у

него тоже газировка.

— У меня для вас собрана папка с документами. Потом посмотрите. Однако есть кое-что, на чем хотелось бы остановиться прямо сейчас. Если вы не против.

— Не против, — ответила Тора, но не дала ему продолжить, а сразу сказала: — У меня тоже есть вопрос, который хотелось бы прояснить прямо сейчас. Я должна работать на людей, которых совсем не знаю. К расследованию, пожалуй, это не имеет отношения, но для меня важно. Фрау Гунтлиб назвала огромную сумму моего вознаграждения. Если для нее это также большие деньги, которые в обычной ситуации человек не может себе позволить, то я не хотела бы зарабатывать на горе семьи.

— Она может себе это позволить. — Маттиас улыбнулся. — Герр Гунтлиб — президент и держатель контрольного пакета акций Инвестиционного банка Баварии. Банк не крупный, но его клиенты — корпорации и состоятельные частные лица. Не волнуйтесь. Гунтлибы очень, очень богаты.

— Ясно, — сказала Тора. Теперь понятно, почему на телефонные звонки в их доме отвечает прислуга.

— А вот с детьми Гунтлибам не так повезло. У них было четверо: два сына и две дочери. Старший сын погиб в автомобильной аварии, первая дочь родилась инвалидом и несколько лет назад умерла. Теперь убит их сын Гаральд. Из четверых осталась только младшая дочь, Элиза. Чудовищные несчастья словно преследуют их семью. Представьте, каково им.

Тора кивнула, потом осторожно спросила:

— А зачем Гаральд приехал в Исландию? Полагаю, исторический факультет с хорошим уровнем преподавания можно найти и в Германии.

Судя по лицу Маттиаса, которое до сих пор ничего не выражало, она задала сложный вопрос.

— Честно говоря, я не знаю. Кажется, его интересовал семнадцатый век, и, как мне объяснили, Гаральд занимался научной работой, сравнивая континентальную Европу с Исландией. Сюда приехал по программе студенческого обмена между Мюнхенским и Исландским университетами.

— А предмет сравнения?.. Политический?..

— Нет, скорее религиозный. — Он выпил воды. — Давайте закажем что-нибудь поесть, а потом продолжим? — Маттиас помахал официанту и попросил принести меню.

Торе показалось, что это больше отвлекающий маневр, чем проснувшийся голод.

— Религия, говорите? — Она заглянула в раскрытый перед ней соблазнительный перечень блюд. — А не могли бы вы уточнить?

Он нехотя отложил меню.

— Не во время еды. Хотя рано или поздно об этом придется поговорить. Однако полагаю, что его научные интересы никак не связаны с убийством.

Тора нахмурилась.

— Эпидемия чумы? — спросила она. И по эпохе подходит, и за столом обсуждать неприятно. Ничего другого ей в голову не пришло.

— Нет, не чума. — Он посмотрел ей в глаза. — Охота на ведьм. Пытки и казни. Веселого мало. Однако Гаральд интересовался этим весьма глубоко, и интерес был семейным.

Тора кивнула.

— Понимаю. — Она ничегошеньки не понимала. — Хорошо, вернемся к этому после еды.

— Незачем. Вся полезная информация есть в папке, которую я вам оставляю. — Он снова взял меню. — Несколько коробок с изъятыми из его квартиры вещами сейчас в полиции. Нам их отдадут. Там есть и материалы, связанные с историческими исследованиями, вы все из них узнаете. Кроме того, нам вернут компьютер Гаральда. Возможно, в нем что-нибудь отыщется.

Они молча изучали меню.

— Рыба, — произнес Магтиас, не поднимая глаз. — Вы здесь едите слишком много рыбы.

— Да, едим. Мы, кстати, нация рыболовов. Не исключено, что единственная, которой удалось стабильно и рационально наладить рыбный промысел. — Она выдавила улыбку. — Хотя нашу экономику давно уже кормит не рыба.

— Я не люблю рыбу, — сказал он.

— Серьезно? — Тора закрыла меню. — А я люблю, и закажу жареную камбалу.

В конце концов он выбрал киш. Когда официант ушел, Тора спросила, почему семья считает, что арестованный полицией человек не настоящий убийца.

— Тут несколько причин. Во-первых, Гаральд не стал бы ссориться с каким-то наркодилером. — Магтиас взглянул на нее. — Да, он время от времени употреблял наркотики. Это известно. Еще он употреблял алкоголь. Он был молод. Но наркозависимым или алкоголиком Гаральд не был.

— Смотря что считать зависимостью, — возразила Тора. — Я лично считаю, что если принимаешь наркотик второй раз, то ты уже зависимый.

— Я кое-что знаю о злоупотреблении наркотиками. — Он сделал паузу, а потом поспешно добавил: — Не из собственного опыта, а по работе. Гаральд, к моменту когда его убили, не был зависимым, хотя уже встал на эту дорожку.

Тора вдруг осознала, что не понимает, с какой целью этот господин прибыл в Исландию. Не для того же, чтобы позвать ее на ленч, а потом ныть по поводу исландской рыбы.

— Фрау Гунтлиб сказала, вы работаете у ее мужа. А что именно вы делаете?

— Я начальник службы безопасности банка. Проверяю биографические данные новых сотрудников, организую перевозку денег, обеспечиваю необходимую безопасность компании.

— А наркотики?

— Сталкивался с этим на прежней работе. Я двенадцать лет отслужил в Мюнхенской уголовной полиции и немного разбираюсь в убийствах. — Он смотрел ей прямо в глаза. — У меня нет ни малейшего сомнения, что расследование убийства Гаральда проведено плохо. Я виделся со следователем... Похоже, ваша полиция понятия не имеет, что и как надо делать.

— Как его зовут?

Магтиас с трудом произнес исландское имя, но Тора поняла, о ком речь. Аудни Бьяднасон. Она вздохнула.

— Да, он идиот. Я знаю его по нескольким своим делам. Печально, что расследование поручено ему.

— Есть еще причины, из-за которых семья не считает арестованного убийцей.

Тора подняла глаза.

— Например?

— Незадолго до убийства Гаральд снял значительную сумму со счета, открытого на его имя. Куда пошли эти деньги, не установлено до сих пор. Но это гораздо больше, чем нужно на наркотики. Даже если бы он хотел оставаться в наркотическом дурмане годы и годы.

— Может быть, он вошел в картель и финансировал контрабанду наркотиков?

Маттиас хмыкнул.

— Исключено. Инвестируют, чтобы зарабатывать, а Гаральду не нужны были деньги. Он был богат — дед оставил ему огромное наследство, которым распоряжается попечительский фонд.

— Ясно. — Торе не хотелось давить на Маттиаса, но тем не менее она сказала, что Гаральд все же мог заняться контрабандой наркотиков от скуки, забавы ради или просто по глупости.

— Нет доказательств, что арестованный дилер получил эти деньги. Единственная связь, которую полиция обнаружила между ним и Гаральдом, это то, что Гаральд время от времени покупал у него наркотические препараты. Все.

Принесли еду. Они ели молча, и Тора чувствовала себя неловко. Есть люди, в присутствии которых молчание органично, но этот немец не из их числа. Она не любила пустую болтовню, и в этот раз решила не изменять себе, пусть даже молчание станет гнетущим.

Они заказали кофе, и вскоре им принесли две чашки горячего напитка, вазочку с сахаром и серебряный молочник.

— Исландия очень странная, вы не находите? — неожиданно сказал Маттиас, провожая глазами удаляющегося официанта.

— Ну... нет. Не очень, — ответила Тора, готовая грудью встать на защиту своей родины, но сдерживая порыв. — Она просто маленькая. Нас всего триста тысяч. Почему она кажется вам странной?

Маттиас пожал плечами:

— Не знаю... Может быть, из-за опрятности города или чувства, что ты окружен игрушечными домиками... Пожалуй, больше всего это связано с людьми. Например, здесь принято отвечать вопросом на вопрос... Возможно, все дело только в языке.

Он замолчал и стал наблюдать за одинокой женщиной, спешащей куда-то через площадь. Тора отхлебнула кофе и спросила:

— Вы принесли мой контракт?

Маттиас оторвал взгляд от площади, нагнулся к кейсу у ножки кресла, вытащил тонкую папку и передал ее через стол Торе:

— Почитайте. Захотите внести поправки — скажете мне об этом завтра, я проинформирую Гунтлибов. Думаю, условия вас устроят, там все по-честному, и вряд ли вы найдете, к чему придраться.

Он снова наклонился, достал из кейса папку потолще и положил ее на стол между ними.

— Это папка, о которой я упоминал раньше, возьмите. Сначала просто пролистайте, до того как принимать окончательное решение. Хочу вас заранее предупредить, там есть довольно отталкивающие подробности.

— Вы думаете, я упаду в обморок? — Тора даже немного обиделась.

— Сказать по правде, не знаю. Поэтому и советую сначала бегло просмотреть. Там

фотографии с места преступления, они не слишком приятны, и тексты, которые едва ли лучше фотографий. Один человек, имя которого не хотелось бы называть, помог мне получить эту подборку из следственного дела. — Он положил руку на папку. — А еще здесь подробности о жизни Гаральда, строго конфиденциальные и, возможно, шокирующие. Если вы откажетесь от участия в расследовании, то я надеюсь, что все увиденное и прочитанное останется при вас. Семья не желает огласки. — Он убрал руку с папки и вновь посмотрел Торе в глаза. — Не хотелось бы усугублять их трагедию.

— Я поняла, — сказала Тора и ответила ему таким же прямым взглядом. — Могу вас заверить, что о своей работе ни с кем не болтаю. — И сухо добавила: — Никогда.

— Прекрасно.

— Скажите, раз вы собрали весь этот материал и, похоже, вполне способны получить любую информацию, зачем тогда вам я? Вряд ли я смогу сделать что-то лучше вас.

— Вы хотите знать, зачем вы нам нужны?

— Мне кажется, я только что спросила именно об этом, — ответила Тора.

Маттиас смешно потянул носом воздух.

— Хорошо, я вам отвечу. Я здесь иностранец, да еще и немец. Нам придется много разговаривать с разными людьми, но мне никогда не откроют что-либо действительно важное. Я собрал массу деталей, касающихся частной жизни Гаральда в Германии, но, по сути, лишь поскреб по поверхности. А здесь со мной не станут откровенничать на деликатные или запретные темы.

— Да, пожалуй, — вырвалось у Торы.

Первый раз за их разговор он весело улыбнулся. Тора с удивлением отметила, что у него красивая улыбка, зубы белые и ровные. Она улыбнулась в ответ и спросила, пряча смущение:

— А какие деликатные проблемы мне придется обсуждать?

Его улыбка исчезла так же быстро, как и появилась.

— Эротическая асфиксия, мазохизм, колдовство, членовредительство и другие виды извращенных увлечений.

Тора ошалело взглянула на него.

— Боюсь, мало что обо всем этом знаю...

Об эротической асфиксии, например, она никогда не слышала. Если это обозначает заниматься сексом, пока тебя душат, то, ей-богу, она предпочитает свою нынешнюю ситуацию — не заниматься сексом вообще, но по крайней мере свободно дышать.

Его улыбка вернулась — уже не столь веселая.

— Узнаете, не беспокойтесь.

Они допили кофе, не проронив ни слова, потом Тора взяла папку и сообщила, что возвращается к себе в офис. Они условились встретиться на следующий день и попрощались.

Когда Тора направилась к выходу, он тронул ее за плечо.

— Кое-что напоследок, фрау Гудмундсдоттир.

Она обернулась.

— Я забыл вам сказать, почему лично я убежден, что арестованный полицией человек не убийца.

— Почему?

— У него не нашли глаза Гаральда. А у трупа они были вырваны.

Тора уличных воришек не боялась, но по дороге в офис проверила, хорошо ли застегнута сумка. Представить страшно, как она звонит и объявляет, что документы украдены. В общем, она с огромным облегчением влетела к себе в контору.

Ее приветствовала табачная вонь.

— Белла, ты знаешь, здесь нельзя курить.

Белла что-то спешно выбросила и отскочила от окна.

— Я не курила.

Тонкая струйка дыма вилась из уголка ее рта. Тора про себя вздохнула.

— А, значит, у тебя просто рот загорелся, — заметила она и добавила: — Закрой окно и кури в курилке, она специально для этого оборудована. Честное слово, там сидеть уютней, чем свисать с подоконника.

— Я не курила. Я голубей сгоняла, — возмущенно соврала Белла.

Опыт научил Тору, что с этой девицей спорить не надо. Она прошла в свой кабинет и закрыла дверь.

Папка, которую дал Магтиас, была увесистой. Цвет черный, под стать содержимому. Надписи на корешке нет. Попробуй сообрази для нее подходящее название.

— «Гаральд Гунтлиб в жизни и смерти», — пробормотала Тора, открывая папку и просматривая четко систематизированное оглавление. В папке семь разделов — видимо, в хронологическом порядке: Германия; военная служба; Мюнхенский университет; Исландский университет; банковские счета; полицейское расследование. Седьмой и последний раздел назывался «Аутопсия». Тора решила читать в том порядке, в каком папка составлена.

Она посмотрела на часы, уже почти два. До пяти надо забрать Соулей с продленки, так что на изучение времени маловато. Впрочем, если поторопиться... Тора поставила будильник в мобильном телефоне на без пятнадцати пять. К этому времени большую часть можно будет хотя бы просмотреть. Иногда, когда было много работы, Тора уносила дела домой, однако эти документы рассматривать при детях не стоит. Она открыла первый раздел.

Сверху лежала ксерокопия свидетельства о рождении. Из него Тора узнала, что 18 июня 1978 года фрау Амелия Гунтлиб в Мюнхене родила здорового мальчика. В графе «Имя отца» стояло «герр Иоганн Гунтлиб, директор банка». Название больницы ей было незнакомо. Скорее всего закрытая частная клиника для богатых. В строчке о религии ребенка было написано «римское вероисповедание». Если память Тору не подводила, то к Римско-католической церкви принадлежит примерно треть немцев, особенно высок их процент на юге страны. Когда-то, приехав на учебу в Германию, Тора удивилась, как много там католиков. Она всегда считала Германию лютеранской и полагала, что католики в основном живут в более южных странах — в Италии, например, Испании и Франции.

Далее шли отсканированные и вложенные в прозрачные кармашки фотокарточки из домашних фотоальбомов семейства Гунтлиб. К каждому аккуратно приклеена полоска белой бумаги, на которой написано, кто изображен. Бегло просмотрев фотографии, Тора увидела, что Гаральд есть на каждой. Кроме семейных, тут были и школьные снимки разных лет, включая обязательные — образцовый ученик с аккуратной прической. Интересно, эти-то

зачем? Единственное, чем Тора себе это объяснила, — напоминать тому, кто будет их смотреть, что убитый был когда-то живым человеком. Да, и это действовало.

С первых фотографий, самых старых, на Тору смотрел маленький пухлый мальчик: то рядом с братом, года на два-три старше его, то с матерью. Тору поразила красота Амелии Гунтлиб. Даже по нечетким снимкам заметно, что она из тех женщин, которые без труда выглядят превосходно. Особенно трогательной была фотография, где сын учится ходить, а мать ему помогает. Они в каком-то саду, фрау Гунтлиб держит Гаральда за руки, ему примерно год, ребенок чуть выгнулся вперед, приподняв полусогнутую ножку. Фрау Гунтлиб смеется в камеру, ее красивое лицо лучится счастьем. Холодный голос, который Тора слышала по телефону, никак не сочетался с такой располагающей внешностью. Индивидуальные черты ребенка пока еще не проявились, носик маленький, но, несмотря на детскую припухлость, сходство между матерью и сыном заметно.

На других фотографиях Гаральду около двух или трех лет. Он еще больше похож на мать, хотя в нем нет ничего девчачьего. Были снимки Амелии Гунтлиб во время беременности, и фотография, где она сидит в кресле и держит на руках младенца, плотно завернутого в одеяльце. Здесь же и Гаральд, стоит на цыпочках и заглядывает в личико запеленутой малютки, своей сестры. Другой рукой мать обнимает его за плечи. На приклеенной бумажке Тора прочитала, что девочку назвали Амелией, в честь матери. Амелия Мария, та самая, которая затем умрет от врожденного недуга. Судя по фотографии, поначалу семья не знала, что она больна. Мать по крайней мере смотрит весело и беззаботно. Потом пошли снимки, по которым стало ясно — что-то изменилось. Если раньше фрау Гунтлиб улыбалась с каждой карточки, то теперь она глядела отрешенно и безрадостно. Вот фотография, где она вроде бы улыбается, но улыбка искусственная, глаза холодные. И больше ни одного кадра, где они с Гаральдом прикасались бы друг к другу. Мальчик выглядит кротким и сконфуженным. Девочки нигде не видно.

Часть истории семьи пропущена, и следующие снимки перенесли Тору лет на пять вперед. Они открывались постановочным семейным фото, и на нем впервые появился герр Гунтлиб — респектабельный мужчина, заметно старше жены. Все элегантно и дорого одеты, мать снова держит на руках младенца. Должно быть, это младший ребенок, едва родившийся. На заднем плане в инвалидной коляске сидит маленькая увечная девочка. Не нужно быть доктором, чтобы понять — она неизлечимо больна: пристегнута к инвалидному креслу, голова запрокинута, нижняя челюсть отвисла (девочка, похоже, ее не контролирует), рот открыт. Конечности, видимо, тоже не слушаются: одна рука согнута в локте, кисть неестественно к ней прижата, пальцы сведены вместе будто судорогой. Другая рука безжизненно лежит на коленях. Позади кресла стоит Гаральд, ему лет восемь. Такого выражения лица Тора ни разу не видела у своего сына, когда он был в этом возрасте, — ребенок кажется опустошенным. Герр и фрау Гунтлиб подавлены, старший брат Гаральда тоже смотрит печально. Да, эту фотографию не назовешь картиной семейного счастья... Совершенно ясно — что-то произошло. Может ли мальчик так сильно переживать из-за болезни младшей сестры? Или у него просто психологические проблемы? У детей это не редкость. Возможно, он решил, что сестрам уделяется больше внимания, чем ему, и затаил на всех обиду. Если так, то, судя по следующим фотографиям, родители не знали, как на это реагировать. Теперь на снимках Гаральд всегда стоит отдельно от семьи. На паре фотографий рядом с ним старший брат. Никто не выказывает расположения к мальчику, никто не дотрагивается до него. Казалось, мать о нем забыла или сознательно игнорирует.

Стоп. Не надо делать выводы по фотографиям. Они всего лишь зафиксировали эпизоды жизни этих людей и никогда не дадут полную картину, тем более не объяснят их поступки и мысли.

В дверь постучали, и к Торе заглянул Брайи, ее партнер.

— Есть минутка?

Тора кивнула. Брайи скоро шестьдесят, он тучный, внушительный и не просто высокий, а по-настоящему огромный — можно сказать, двухразмерный. У него все в два раза больше обычного — пальцы, уши, нос... В общем, все. Он завалился в кресло с другой стороны стола и подтянул к себе папку, которую она только что смотрела.

— Как прошло?

— Встреча? Вроде нормально, — ответила Тора, глядя, как партнер небрежно листает семейные фотографии Гунтлибов.

— Угрюмый парнишка, — заметил Брайи, ткнув пальцем в Гаральда. — Его, что ли, убили?

— Его, — подтвердила Тора. — Странные снимки, да?

— Ну, не сказал бы... Ты не видела мои. Я был такой же несчастный. Отчаявшийся неудачник. По детским фотографиям это очень хорошо видно.

Тора давно привыкла к специфическим комментариям Брайи. Он наверняка преувеличивал, говоря, что в детстве чувствовал себя неудачником. Точно так же он рассказывал, что ночи напролет вкалывал в порту, взвешивая рыбу, а по выходным ходил с рыбаками в море, и все это для того, чтобы платить за обучение на юридическом факультете. Но ей нравился Брайи. Он к ней тоже относился тепло, с самого первого дня, когда три года назад пригласил стать его партнером. Тора с благодарностью приняла предложение. В то время она работала в небольшой юридической фирме, и разговоры за кофе с коллегами о ловле лосося и галстуках ей изрядно надоели.

Брайи толкнул папку обратно Торе.

— Ты этим займешься?

— Да, — кивнула она. — Всегда интересно для разнообразия взяться за что-то новое.

— Не тот случай, скажу тебе, — закричал Брайи. — Несколько лет назад мне пришлось иметь дело с раком прямой кишки. Знаешь, это было ново, но не слишком увлекательно.

Тора быстро сменила тему.

— Я совсем другое имела в виду.

Брайи поднялся.

— Да, конечно. Только хочу тебя предупредить — сенсационного результата не жди. — Он подошел к двери, обернулся и спросил: — Тор тебе в этом деле пригодится?

Тор окончил юридический и трудился у них чуть больше полугодом. Он был нелюдим, малообщителен, но работал очень хорошо. Когда надо, Тора не отказывалась от его помощи.

— Я, пожалуй, передам ему дела моих клиентов, а сама сосредоточусь только на этом. Уверена, он справится.

— Договорились. Поступай, как сочтешь нужным.

Тора снова взяла папку и просмотрела оставшиеся фотографии. Вот Гаральд вырос в привлекательного юношу с бледным, как у матери, лицом. Его отец гораздо смуглее и не такой запоминающийся, как она. На последней странице было всего две фотографии: одна с выпускного вечера, вероятно, в Мюнхенском университете, а другая показывала то ли начало, то ли конец его военной службы — по крайней мере Гаральд на ней в форме

бундесвера. Тора не знала, какого рода войск, она в этом не разбиралась. Наверное, это станет ясно в разделе об армии.

Дальше в папке лежали ксерокопии сертификатов об окончании разных образовательных ступеней, и они свидетельствовали, что Гаральд был необычайно способным. Он всегда получал наивысшие оценки, а их в Германии нелегко добиться, это Тора знала по своему опыту. Последняя запись, из Мюнхенского университета, где Гаральд получил степень бакалавра исторических наук, гласила, что курс он окончил с отличием. Судя по документам, подобранным в хронологическом порядке, он пропустил год перед университетом, скорее всего из-за военной службы.

Странно, что молодой человек с такими успехами в учебе вдруг решил пойти в армию. Хотя в Германии и существует воинская повинность, ее довольно легко избежать, а уж сыну таких состоятельных родителей и подавно. Они могли в два счета освободить его от этой обязанности.

Тора открыла следующий раздел, помеченный «Военная служба» — тонкий, всего три страницы. Одна — ксерокопия свидетельства о призыве в армию Гаральда Гунтлиба в 1999 году. Похоже, его зачислили в сухопутные войска. Опять странно. Почему не воздушные войска или военно-морской флот, цвет армии? Его отец настолько влиятелен, что Гаральд мог бы служить в отборных частях. Вторая — приказ о направлении полка Гаральда в Косово. И третья, она же последняя: приказ о его демобилизации, датированный семью месяцами спустя. Никакого объяснения за исключением «medizinische Gründe», то есть «по медицинским показаниям». Непонятно. На полях этого документа стоит отчетливый вопросительный знак. Тора предположила, что его поставил Маттиас, раз материалы собирал он, а информация конфиденциальна. Тора пометила себе, что надо уточнить, по какой причине Гаральда освободили от службы, и перешла к следующему разделу.

Как и глава об армии, он открывался ксерокопией, на сей раз официального письма о зачислении Гаральда в Мюнхенский университет. Кстати, всего через месяц после комиссования. Как-то быстро он выздоровел... Что это за болезнь такая? И действительно ли болезнь? Потом лежали малопонятные Торе бумаги: ксерокопия плана работы исторического общества под названием «Маллеус Малефикарум»; отзыв профессора Х., поющего Гаральду дифирамбы, и конспекты с изложением курсов истории пятнадцатого, шестнадцатого и семнадцатого веков. Для чего все это — неясно.

В эту же часть папки были вложены вырезки из немецких газет, где рассказывалось о нескольких случаях смерти среди молодежи в результате специфических сексуальных действий. Суть этих действий, как поняла Тора, в удушении себя во время мастурбации. Наверное, это и есть эротическая асфиксия, о которой говорил Маттиас. Из статей следовало, что такие игры с контролем дыхания довольно распространены, часто их практикуют те, кто из-за наркотиков и алкоголя испытывает трудности в достижении оргазма. И никакой приписки, объясняющей, при чем тут Гаральд. Правда, один из погибших учился в том же университете. Имя студента неизвестно, даты нет. Но должна же быть хоть какая-то связь, раз статья о нем включена в этот раздел?

Тора отлинула назад, нашла фотографию с выпускного вечера и внимательно в нее взгляделась. Кажется, на шее Гаральда, чуть выше воротника, есть красная отметина. Она достала снимок из прозрачного кармашка, присмотрелась. Без пластика стало контрастнее, но все равно неясно, кровоподтек это или нет. Надо бы тоже спросить у Маттиаса.

Последней страницей этого странного газетно-конспектного коллажа был титульный

лист дипломной работы Гаральда — «Охота на ведьм в Германии. Казни детей, подозреваемых в колдовстве». Дрожь пробежала по спине Тора. Она знала об охоте на ведьм из школьных уроков истории, но про убийства детей им не рассказывали. Такое она бы запомнила, хоть и считала тогда историю нудным предметом. Поскольку из всей студенческой диссертации в папке был только титульный лист, Тора надеялась, что в самой работе нет подробностей того, как детей сжигали на кострах, хотя в глубине души понимала, что скорее наоборот.

Она перешла к разделу об учебе в Исландии и прочитала уведомление, что Гаральд зачислен на магистерский курс факультета истории. Этим же письмом его приглашали в университет осенью 2004 года. Затем Тора посмотрела компьютерную распечатку его оценок. Предметов, которые Гаральд успел сдать, было не много: он проучился здесь всего лишь год или около того, — но все баллы высокие. Ему оставалось сдать еще с десятков предметов и завершить магистерскую диссертацию. Очевидно, что Гаральду разрешили держать экзамены на английском, по-исландски он не говорил. Тора обратила внимание на дату под распечаткой. Документ составлен уже после смерти, наверняка по запросу Маттиаса.

Перевернув страницу, она увидела список из пяти имен. Все исландские, возле каждого проставлена дата рождения и учебная дисциплина. Больше ничего. Тора решила, что это друзья Гаральда, поскольку возраст примерно совпадал. Марта Мист Эйоульвсдоттир, 1981, гендерные исследования; Бряудн Карлссон, 1981, история; Халлдор Кристинссон, 1982, медицина; Андри Торссон, 1979, химия; Бриет Эйнарсдоттир, 1983, история. Тора надеялась, что об этих студентах будет более подробная информация, но ошиблась. Следующая страница оказалась перечнем факультетов и университетских зданий. Слова «исторический факультет» и «институт рукописей» были обведены, как и «главный корпус». Наверное, опять Маттиасом. Потом снова распечатка — с университетского веб-сайта. Тора мельком пробежалась по тексту на английском языке, где рассказывалось про исторический факультет. И еще страница — об условиях обучения для иностранных студентов. Ничего интересного.

Следующим лежал текст сообщения, отправленного с адреса электронной почты hguntlieb@hi.is — явно адрес Гаральда — осенью 2004-го, сразу как он начал здесь учиться. Адресовано его отцу. Читая, Тора поражалась сдержанной интонации письма. Гаральд коротко сообщал, что ему в Исландии хорошо, что он снял квартиру и что научным руководителем своей диссертации выбрал профессора Торбьёрна Оулафссона.

В письме также сообщалось, что диссертация будет посвящена сравнительному анализу охоты на ведьм в Исландии и Германии, поскольку Гаральда удивило, что в Исландии большинство обвиненных в колдовстве — мужчины, тогда как в Германии и других странах — женщины. Текст заканчивался стандартно, но ниже подписи стояла приписка: «Если приспичит со мной связаться, теперь у тебя есть мой e-мейл». Да уж, глубокой сыновней привязанностью это не назовешь... Возможно, трещина в их отношениях как-то связана с тем, что Гаральда комиссовали из армии? Судя по фотографиям, его отец не слишком чуткий человек, и наверняка был недоволен сыном, который не оправдал ожиданий.

Дальше следовал равнодушный ответ отца, также по электронной почте: «Гаральд, полагаю, ты отдаешь себе отчет в предмете исследования. Это нездоровый выбор и не способствует формированию репутации. Не сори деньгами. Пока», — и стандартная официальная подпись, с полным именем, должностью и адресом. «Ну и ну, — подумала

Тора, — вот ведь сухарь!» Ни слова о том, что рад получить весточку от сына или что по нему скучает. Хотя бы подписался «папа» или как-то еще. Их отношения были явно холодными, можно сказать «на уровне вечной мерзлоты». И как-то странно, что ни слова о матери и сестре... Писали они друг другу еще или нет, Тора не знала, других e-мейлов в папке не было.

Она перешла к следующему документу — списку студенческих научных сообществ, причем с разных факультетов. Изучая его, Тора не увидела ничего интересного, пока не дошла до самой нижней строки: «„Маллеус Малефикарум“ — фольклорно-историческое общество». Она быстро сверилась с предшествующими страницами. То же самое название, что и на программе мюнхенского общества. Она вернулась обратно и проверила еще раз. В исландском списке под названием общества приписано карандашом по-немецки: «errichtet 2004» — «основано в 2004». Год, когда Гаральда зачислили в Исландский университет. Похоже, идея учредить это общество принадлежала ему. А почему нет? Впрочем, возможно, этот «Маллеус Малефикарум» чем-то особо символичен для истории и фольклора. Что бы это могло быть? Тора не знала латыни, поэтому задумываться не имело смысла. Она перешла в пятый раздел, финансовый.

Здесь были выписки из банка, довольно толстая стопка. Гаральд Гунтлиб числился владельцем счета. Несмотря на громадный оборот средств, на момент последней операции денег на счете оставалось сравнительно немного. Несколько бухгалтерских проводок отмечены маркером: большие снятия розовым, а крупные вклады — желтым. Тора сразу заметила, что желтые есть в начале каждого месяца и всегда одной и той же величины. Суммы внушительные, больше, чем она получает за полгода, даже когда загружена работой. Должно быть, это платежи из попечительского фонда, о котором упоминал Маттиас, учрежденного дедом для Гаральда. Сразу все наследство юноша не получил, ему регулярно выплачивали определенную сумму — распространенная форма передачи наследства молодым родственникам, пока те не достигнут определенного возраста и не поумнеют. Гаральд Гунтлиб погиб в двадцать семь лет, но основной капитал ему так и не доверили. Значит, не считали вполне готовым. При этом на счете скопилась довольно круглая сумма — на жизнь Гаральд тратил гораздо меньше своего месячного содержания. Подчеркнутые розовым расходы отличались от зачислений тем, что варьировались по величине и не были систематическими. Рядом с большинством из них стояли пометки, но не так много, поэтому Тора просмотрела их все. Что-то она понимала сразу — скажем «BMW» рядом с крупным снятием в начале августа 2004-го; ясное дело, приехал в Исландию и сразу купил машину, — но некоторые записи она не понимала. Вот, например, «Urteil G.G.» рядом со значительной суммой, снятой еще в студенческие годы в Мюнхене. «Urteil» означает «решение суда». Может, Гаральду нужно было кому-то дать на лапу, чтобы скрыть причину своего увольнения из армии? Нет, по дате не подходит. И что такое «G.G.»? В другом месте было «Schadel», «череп», а еще в другом — слово «Gestel», которое поставило ее в тупик. В общем, без посторонней помощи понять невозможно, и Тора решила не тратить на это время.

Однако две операции она все же для себя отметила. Несколько лет назад Гаральд снял сорок две тысячи евро, и рядом с цифрами опять написан этот латинский термин — «Маллеус Малефикарум». А вот другая сумма, снятая недавно, около нее стоит вопросительный знак. Пожалуй, это и есть те деньги, которые, по словам Маттиаса, бесследно исчезли. Триста десять тысяч евро, даже чуть больше. Свыше двадцати пяти миллионов исландских крон! Понятно, почему Маттиас сомневался, что сумма потрачена на

наркотики. Если на секунду представить, что это правда, то даже вместе с Китом Ричардсом они бы столько не осилили. Тем не менее, несмотря на такую огромную выплату, Гаральд, судя по последней банковской выписке, по-прежнему не нуждался в деньгах.

Тора перешла к тратам Гаральда с кредитной карты за несколько месяцев перед смертью. В основном он расплачивался кредиткой в ресторанах и барах, изредка приобретал одежду. Ее подруга Лаувейя назвала бы все эти рестораны «имиджевыми». Еще были покупки в продовольственных магазинах... В середине сентября он потратил большую сумму в отеле «Рангау» и заплатил летной школе, а в конце сентября среди прочего есть небольшой расход на посещение рейкьявикского зоопарка. Кстати, были также мелкие приобретения и в зоомагазине на окраине столицы. Гаральд любил животных? Или, возможно, ему надо было произвести впечатление на какую-нибудь мамашу-одиночку, и он подлизывался к ее детям. Спросим у Маттиаса...

Тора посмотрела на часы и, убедившись, что время еще есть, а она продвинулась уже довольно далеко, решила отдохнуть от папки. Она повернулась к компьютеру и набрала «Маллеус Малефикарум». Нашлось более пятидесяти пяти тысяч страниц. На одном из англоязычных сайтов она прочитала, что это название книги, написанной в 1486 году, и означает «Молот ведьм». Тора кликнула мышкой; загрузилась старинная гравюра, изображающая женщину в капюшоне, привязанную к лестнице, и двух мужчин, которые кренят лестницу к большому костру, пылающему перед ними. Очевидно, что вот-вот женщину охватит огонь и она сгорит заживо. Ее рот открыт, словно она взывает к небесам. Непонятно, молится ли она или изрыгает проклятия, но безумное отчаяние страдальницы передано прекрасно. Тора нажала на «печать» и поспешила в приемную забрать страницу с рисунком, пока Белла не стащила ее из принтера. Эта девица способна на все.

Страниц оказалось несколько. За гравюрой следовала довольно объемная статья. В кратком предисловии говорилось, что «Молот ведьм», без сомнения, самая печально известная из когда-либо написанных книг. Она появилась в 1486 году и в течение нескольких веков служила практическим руководством по разоблачению, преследованию и уничтожению ведьм.

Далее шло краткое содержание книги, состоящей из трех частей.

В первой части доказывалось, что магия и ведовство — это реальные явления, но только богопротивные, злонамеренные и противоестественные. Тут же утверждалось, что преступной ересью следует считать не только само колдовство, но и неверие в него. Автор статьи пояснял, что для тех времен это было новшеством и давало возможность инквизиции значительно расширить круг преследуемых.

В книге перечислялось, что следует считать богохульством, и к нему, помимо непосредственно черной магии, было отнесено множество безобидных примет и верований простолюдинов. «А любое богохульство, — писал автор статьи, — в те страшные века искоренялось лишь одним способом — сожжением человека на костре».

Вторая представляла собой собрание жутких историй о проделках ведьм — преимущественно об их сексуальных отношениях со всякими демоническими существами.

Заключительная часть «Молота ведьм» содержала некоторые юридические основания для судебного преследования ведьм. Обвинить в колдовстве и дать показания суду инквизиции мог любой человек независимо от его репутации, моральных и социальных норм, по которым свидетель мог быть признан непригодным или пристрастным. пытки для обвиняемых в богохульстве и колдовстве признавались наиболее эффективным, а потому законным средством для получения признания.

В статье приводились сведения об авторах книги — монахах-доминиканцах Якобе Шпренгере, декане Кельнского университета, и Генрихе Крамере, профессоре богословия в университете Зальцбурга и главном инквизиторе Тироля. Последнему приписывается авторство большей части текста, поскольку известно, что он занимался преследованием ведьм еще раньше — с 1476 года.

По одной из версий книга была написана с благословения папы Иннокентия VIII. Читая статью, Тора поняла, что этот папа был не слишком положительным историческим персонажем. Папская булла от 5 декабря 1484 года, начинающаяся словами «*Summis desiderantes affectibus*», что на латыни означает «всеми силами души», призывала повсеместно искоренить колдовство и ересь, что и положило начало массовой охоте на ведьм в Европе. Тора прочитала, что когда этот папа постарел, то пытался отдалить смерть с помощью грудного молока и крови детей. Ему не удалось ни помолодеть, ни обрести новую жизнь, но три десятилетних мальчика умерли от потери крови.

Также из статьи Тора узнала, что с распространением книгопечатания авторы «Молота ведьм» стали известными и уважаемыми теологами, а сама книга получила широкое хождение. Католики и протестанты одинаково черпали из нее аргументы в своих битвах против колдунов, ведьм и вообще черной магии. Некоторые положения книги вошли в законы «Священной Римской империи», а это нынешние Германия, Австрия, Чехия, Швейцария, восточная Франция, страны Бенилюкса и часть Италии.

Самое поразительное, что книгу до сих пор регулярно переиздают.

Тора скрепила страницы степлером и отложила статью. Все это, конечно, очень интересно, однако книга шестисотлетней давности едва ли могла пролить свет на смерть Гаральда Гунтлиба. У нее оставался еще час. Она вернулась к папке о Гаральде и принялась за шестой раздел — «Полицейское расследование».

Объем небольшой, но вряд ли тут все материалы следственного дела. Скорее всего Маттиасу удалось достать только часть документов. Впрочем, невероятно уже и то, что он без официального запроса смог получить хотя бы их. Тора пролистала содержимое. Теперь понятно — ему выдали только ксерокопии отчетов о допросах. Дата на штампе свидетельствовала, что копии сделаны две недели назад.

Здесь она на своей территории. И документы на исландском. Возможно, именно из-за них Гунтлибы решили подрядить на эту работу исландца, то есть исландку. Страницы испещрены многочисленными подчеркиваниями и корявыми записями на полях — очевидно, Маттиас сам пытался разобраться. В правом верхнем углу каждого отчета он подписал имена допрашиваемых, их связь с Гаральдом. Чаще всего встречалось имя Хюги Торриссона, того самого, который до сих пор находится в предварительном заключении и ожидает, когда ему предъявят обвинение. И везде он значится как подозреваемый, а не как свидетель, то есть у следствия имеется нечто, несомненно указывающее на его вину. Не будучи свидетелем, он не обязан говорить правду, поэтому мог нести все, что угодно. Впрочем, как показывает адвокатская практика, в его интересах произвести хорошее впечатление на судей, которых обычно раздражает, если обвиняемый настаивает, что в момент совершения преступления обедал с Гомером Симпсоном.

Внезапно Тора поняла, как Маттиас добыл документы. Адвокат, назначенный защищать подозреваемого, имеет право доступа к полицейским отчетам. Значит, и адвокат Хюги Торриссона имел к ним доступ. Тора быстренько пролистала все отчеты, отыскивала тот, где Хюги допрашивали в присутствии защитника. На первом допросе Хюги был один. Это понятно — в начале расследования люди обычно боятся, что приглашение адвоката навлечет на них еще большее подозрение. Но затем следствие продвигается, против них накапливаются улики, тогда они начинают задумываться и отказываются говорить без адвоката. Вероятно, так произошло и с Хюги. Его защитником назначили Финнюра Богасона — он, судя по всему, специализировался исключительно на тех делах, за которые никто не брался добровольно. Тора не сомневалась, что за соответствующую мзду он мог передать Маттиасу документы. Довольная своими способностями к дедукции, она принялась изучать отчеты.

Они были сложены не в хронологическом порядке, а по допрашиваемым. Тора отметила, что с кем-то разговаривали всего по разу: с университетским смотрителем, с уборщицами, с хозяйкой квартиры, которую снимал Гаральд, с водителем такси, подвозившим его и Хюги, с несколькими сокурсниками и преподавателями. Декана исторического факультета, обнаружившего тело, допросили дважды, так как поначалу он был в шоковом состоянии и не мог произнести ничего разумного. Тора пожалела беднягу: и в самом деле, чудовищное испытание, когда тебе на руки падает труп.

Дальше шли те, кто был под подозрением. Первый среди них — понятное дело — Хюги Торриссон. Тора внимательно прочитала содержание его допросов. Путаясь в показаниях, он все же пытался отстаивать свою невиновность. В тот вечер, рассказывал Хюги, они случайно встретились с Гаральдом на загородной вечеринке в Скерьяфьордюр. Да, они оттуда

ненадолго ушли вместе, а потом Гаральд захотел вернуться, а Хюги решил пешком дойти до центра. На первом допросе Хюги не сказал, куда они вместе ходили, только неопределенно упомянул прогулку через кладбище. Но потом, когда сообразил, что его собираются обвинить в убийстве, признался, что Гаральд захотел купить наркотики и они поехали за ними на Хрингбрейт, где он снимал квартиру. Хюги настаивал, что после этого Гаральда не видел. Ему самому было влом выходить снова, поэтому он остался дома. Назвать точное время их передвижений он не мог, заявляя, что был тогда пьян и под кайфом.

Хюги постоянно спрашивали, где он был и что делал от полуночи до двух часов ночи с субботы на воскресенье, 30 октября, и Тора догадалась, что по результатам аутопсии это и было приблизительное время смерти Гаральда. Также Тора отметила, что на каждом допросе Хюги спрашивали одно и то же: зачем вырезал глаза Гаральду и куда их дел. Подозреваемый неизменно отвечал, что не брал глаза, что нет у него никаких глаз за исключением собственных. Если парень говорит правду, ему можно только посочувствовать. Интуиция подсказывала Торе, что так оно и есть. Маловероятно, что такой слабовольный человек, каким показался ей Хюги, будет столь упорно отпираться после длительной изоляции и напряженных допросов.

Друзья и знакомые Гаральда с вечеринки в Скерьяфьордюр, всего десять человек, сначала считались подозреваемыми, но потом их допрашивали как свидетелей. Имена некоторых — вероятно, ближайших друзей Гаральда — Тора уже видела в начале папки. Однако в этой группе допрашиваемых не было Халлдора Кристинссона, студента-медика.

Все рассказывали приблизительно одну и ту же историю. Вечеринка началась в девять и закончилась в два, после чего все перебрались в город. Гаральд ушел около полуночи вместе с Хюги, но никто не знал, куда и зачем. Два человека вспомнили, что Хюги заказал такси и они внезапно уехали. Прошло два часа, ждуть надоело, и компания отправилась в центр по барам. Когда их спросили, пытались ли они дозвониться до Хюги или Гаральда, то все ответили одинаково: у Гаральда телефон разрядился, а Хюги звонили и на мобильный, и домой — он не отвечал. Потом позвонили на квартиру Гаральда, там тоже никто не взял трубку. Также их спрашивали, в какое время они разошлись по домам, но, учитывая предполагаемое время убийства, вопрос был скорее для проформы. Все уходили в разное время. Университетские друзья Гаральда тусили до пяти утра. Студент-медик Халлдор присоединился к ним уже в городе. Похоже, он единственный, кого в тот вечер не было в Скерьяфьордюр. А где тогда он был? Тора читала дальше, надеясь, что и его вызвали для допроса.

Отчет о допросе Халлдора нашелся в конце раздела. Зафиксировано и, вероятно, проверено, что до полуночи он находился в городской больнице в Фоссвогуре, на окраине Рейкьявика. По его словам, он там подрабатывает: несколько раз в месяц подменяет тех, кто по каким-либо причинам не может выйти на работу. В тот вечер после дежурства он принял душ, переоделся и поехал на автобусе, потому что у него сломалась машина (назвал мастерскую, где ее ремонтировали). Халлдор сказал, что собирался пересесть на автобус до Скерьяфьордюр, но опоздал на последний. Тогда он и вообще туда не поехал, чтобы не тратиться на такси, а пешком тащиться не захотел.

Он решил встретиться с остальными в городе. Позвонил им, и они ответили, что уже едут. Около часа ночи он зашел в бар «Каффибреннслан», взял пиво и сел ждать. Его друзья приехали на такси примерно через час.

Затем шли опросы преподавателей исторического факультета. Всех спрашивали,

насколько хорошо они знали Гаральда, и все отвечали одно и то же: его жизнь вне университета им неизвестна и рассказать о нем особо нечего.

Тора обратила внимание на знак вопроса, поставленный Маттиасом рядом с информацией о торжестве в здании факультета. В ночь убийства там праздновали получение гранта по образовательной программе сотрудничества стран Европейского Союза со своими географическими соседями — «Эразмус Мундус», и совместное вступление Исландского и Норвежского университетов в этот проект. Читая между строк, Тора заключила, что «торжество» больше походило на коктейльную вечеринку. Последние гости ушли около полуночи. Имена сплошь незнакомые за исключением Гуннара Гествика, декана факультета, и Торбьёрна Оулафссона, профессора, курировавшие диссертацию Гаральда.

Последний отчет составлен со слов бармена из «Каффибреннслан» и водителя автобуса, на котором Халлдор ехал из больницы.

Бармен Бьёрн Йонссон показал, что в тот вечер первый напиток он подал Халлдору около часа ночи, потом наливал еще несколько раз. Около двух к нему присоединились друзья, и бармен почти до утра обслуживал всю компанию. Бьёрн хорошо запомнил Халлдора, потому что обратил внимание, как быстро, много и жадно он пил в ту ночь.

Водитель автобуса также его вспомнил. Пассажиров на последнем рейсе было не много, двое завязали разговор и обсуждали систему здравоохранения и то, как плохо лечат стариков. В общем, у Халлдора абсолютно железное алиби. Как и у всех друзей Гаральда, кроме Хюги.

Раздел заканчивался ксерокопиями фотографий с места убийства. Черно-белые и нерезкие, они тем не менее давали представление об ужасающей сцене. Тора еще больше посочувствовала тому, кто первым обнаружил тело, — от такого шока скоро не оправишься.

Зазвонил будильник в телефоне: без четверти пять. Она решила все же взглянуть, много ли документов в последнем разделе об аутопсии, и быстро перелистнула страницу. Странно, после седьмого разделителя ничего не было. Секция пуста.

Мирархусаскоули — школа в Сельтъяднарнесе, куда ходила Соулей — была в десяти минутах езды от офиса Торы, поэтому она подъехала точно к окончанию занятий в группе продленного дня. На парковке она столкнулась с матерью одной из одноклассниц своей дочери. Женщина посмотрела на машину с логотипом автомастерской и улыбнулась. Торе захотелось ее остановить и довести до сведения, что она не любовница автомеханика, что их отношения с механиком чисто деловые, но женщина уже шла в другую сторону и Торе ничего не оставалось, как только гордо продефилировать к зданию школы.

Чуть больше двух лет назад, при разводе с Ханнесом, Тора решила сохранить за собой их дом в Сельтъяднарнесе, хотя выкупить долю бывшего мужа смогла с трудом. Сельтъяднарнес — небольшой городок к западу от Рейкьявика — расположен на полуострове, и близость к морю вызывает у его обитателей ощущение, что они живут в загородных виллах. Для семей с детьми лучше не бывает, а значит, недвижимость здесь недешевая. Слава Богу, она разошлась с мужем до того, как стали расти цены на жилье. Если бы это происходило сейчас, можно было бы даже не мечтать сохранить дом. Теперь Ханнес, наверно, мечется по ночам и кусает подушку, представляя, сколько она выгадала. Для Торы же дом всегда оставался домом, а не вложением, однако она радовалась выигрышу — хотя бы потому, что это раздражало ее бывшего. Их развод не был мирным, но ради детей они договорились вести себя достойно. Если использовать географическую аналогию, то они были как Индия и Пакистан: проблемы все время приближались к точке кипения, но редко переливались через край.

Тора вошла в игровую комнату. Большинство детей уже разобрали по домам. Ничего удивительного. Тора виновато подумала, что она плохая мать. Но так принято в исландских семьях: родила ребенка, взяла полгода отпуска — и вперед, прыгай, белка, в свое колесо. Тора знала, что она ни лучше, ни хуже других матерей, но все равно время от времени переживала. «Мать, женщина и дева...» — всплыла в памяти строчка из стихотворения Магтуса Йохумссона. Кто же она? «Мать» — да, а «женщина» — точно не о ней. Она уже два года не была с мужчиной, с самого развода. И ей вдруг так захотелось секса! Хоть с автомехаником...

Она встряхнулась — нашла место, где об этом думать. Да что с ней происходит?

— Соулей! — крикнула воспитательница, заметив Тору. — Мама пришла!

Дочка, сидя к ней спиной, нанизывала бисер. Она медленно обернулась, будто умаялась от работы, и смахнула с глаз белокурый локон.

— Смотри, мамочка, я сделала из бисера сердечко!

Тора почувствовала укол в собственном сердце и дала себе слово, что завтра заберет ребенка пораньше.

По дороге они зашли в супермаркет, а потом приехали домой. Гильфи, ее сын, уже вернулся: кеды валялись в прихожей, а куртка висела на дверной ручке и подметала собой пол.

— Гильфи! — закричала Тора, подбирая разбросанную обувь. Она поставила кеды на полку и перевесила куртку. — Сколько можно говорить: не разбрасывай обувь и вешай одежду как полагается!

— Я тебя не слышу, — раздался голос из глубины дома.

Тора закатила глаза. Ха, кто бы сомневался: стены дрожали от звуков компьютерной игры.

— А ты сделай тише! — снова закричала она. — Ogлохнешь ведь!

— Иди сюда! Я тебя не слышу! — прокричал он в ответ.

— О Господи, — вздохнула Тора, раздеваясь.

Ее дочь аккуратно поставила свои башмачки и повесила пальто. Тора в сотый раз удивилась, насколько разные у нее дети. Соулей — просто образец опрятности, даже чересчур для ребенка, а сын предпочитает жить среди сваленной в кучу одежды, на которой может и заснуть. Впрочем, если дело касается школы, домашних заданий, вообще учебы, то тут они очень похожи, оба невероятно старательны. Это вполне в характере малышки Соулей, но Гильфи... Тору всегда немного смешило, когда он, со своими длинными растрепанными патлами и в одежде, украшенной черепами и костями, психовал из-за того, например, что забыл в школе задание по исландскому языку.

Тора встала на пороге его комнаты. Гильфи вперился в монитор и яростно давил на мышь.

— Ради Бога, Гильфи, сделай тише! — Даже здесь ей приходилось говорить громко. — Я не слышу собственных мыслей.

Не отрываясь от экрана и не уменьшив частоту кликаний, сын потянулся к динамику и убавил звук.

— Лучше? — спросил он, по-прежнему не глядя.

— Да, лучше, — ответила Тора. — А теперь выключи совсем и иди ужинать. Я купила спагетти, их готовить всего минуточку.

— Я только пройду этот уровень, — попросил он. — Мне нужно две минуты.

— Хорошо, две, — сказала она выходя. — Только позволь тебе напомнить, что две — это так: одна, потом вторая. А не одна, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая — а потом вторая.

— О'кей, о'кей, — отмахнулся сын, весь погруженный в игру.

Через пятнадцать минут стол был накрыт. Гильфи явился и плюхнулся на свое обычное место. Соулей зевала над тарелкой. Тора решила не портить всем настроение и не укорять сына за медлительность, а просто собралась напомнить ему, что совместная трапеза — важное событие для семьи, но тут зазвонил ее мобильник. Она встала и пошла за ним к кухонной стойке.

— Так, ешьте и не ссорьтесь. Вы оба гораздо симпатичнее, когда молчите.

Тора взглянула на дисплей, однако номер вызывающего абонента не определялся. Она нажала соединение и вышла из кухни.

— Тора слушает.

— Гутен абенд, фрау Гудмундсдоттир. — Голос Маттиаса звучал бесстрастно. Он поинтересовался, удобно ли ей сейчас разговаривать.

— Да, вполне, — солгала Тора. Она решила, что Маттиасу будет неловко, если он узнает, что отвлек ее от ужина. Он производил впечатление воспитанного человека.

— У вас нашлось время взглянуть на документы? — спросил он.

— Да, я их посмотрела, но не очень подробно. Кстати, там не все полицейские материалы. Для получения остального требуется официальный запрос. Той части, которая там есть, для расследования недостаточно.

— Несомненно.

Повисло неловкое молчание. Едва Тора собралась его нарушить, как Маттиас сказал:

— Так вы решили что-нибудь?

— Насчет этого дела?

— Да. Вы за него беретесь?

Тора с минуту раздумывала и, наконец, дала окончательное согласие. Ей показалось, что Маттиас вздохнул с облегчением.

— Зер гут, — приподнято сказал он.

— Но вообще-то мне еще надо изучить контракт. Я взяла его с собой, почитаю вечером. Если там и вправду «все по-честному», я его завтра подпишу.

— Прекрасно.

— Скажите, а почему нет результатов вскрытия?

Конечно, с этим можно было подождать и до утра, но интерес, возникший после изучения содержимого папки, требовал немедленного удовлетворения.

— От нас потребовали особое заявление на эти документы, а предоставили только заключительный акт. Мне это показалось недостаточным, и я настоял на ознакомлении с полным отчетом, — ответил Маттиас. Он немного помолчал и добавил для ясности: — Проблему несколько осложнило то, что я не родственник, а только представитель семьи покойного, но, по счастью, все разрешилось. Кстати, именно по этому поводу я и звоню вам сейчас, а не жду до завтра, как мы условились.

— То есть?.. — сказала Тора, не совсем улавливая связь.

— Я договорился о встрече с патологоанатомом, который производил вскрытие. Завтра в девять утра. Он передаст мне документы и прокомментирует их. Я бы хотел, чтобы вы меня сопровождали.

— Ладно, — неожиданно для себя согласилась Тора. — Я в игре.

— Прекрасно. Я заеду за вами в офис в половине девятого.

Тора прикусила язык и не сказала, что так рано она никогда не приходит.

— В половине девятого. Значит, до встречи.

— Фрау Гудмундсдоттир...

— Пожалуйста, зовите меня Тора, это гораздо проще, — перебила она. Каждый раз, когда он называл ее «фрау Гудмундсдоттир», Тора чувствовала себя девяностолетней вдовой. — И можно на ты.

— Хорошо. Тора. Только вот еще что.

— Что?

— Воздержись от плотного завтрака. Зрелище будет не из приятных.

7 декабря 2005 года

У здания Национальной больницы найти место для парковки было невозможно. В конце концов Маттиас пристроил машину, но довольно далеко от корпуса, в котором располагалась патологоанатомическая лаборатория.

Утром Тора пришла на работу непривычно рано и, до того как Маттиас заехал за ней, составила письмо в полицию с просьбой выдать ей, как представителю семьи убитого, все документы расследования. Запечатанный конверт она оставила на столе у Беллы. Прекрасно, если его отнесут на почту сегодня, но с ее стороны слишком оптимистично на это надеяться. Впрочем, Тора попыталась увеличить шансы, прикрепив к конверту записку со словами «До выходных не отправлять!».

Еще она позвонила в летнюю школу и выяснила, за что Гаральд расплачивался кредитной картой в сентябре. Ей сообщили, что он нанял самолет с пилотом, слетал в Хоульмавик и вернулся в тот же день. Зайдя на сайт Хоульмавика, Тора поняла, что привлекло туда Гаральда. Там находился единственный в Исландии музей магии и колдовства. Также она связалась с отелем «Рангау» близ городка Хедла и узнала, что Гаральд заказал и оплатил две комнаты на две ночи. В регистрационной книге гостиницы значились имена Гаральда Гунтлиба и Гарри Поттера. Тому, кто придумал себе этот псевдоним, явно не хватило воображения.

О сделанном Тора рассказала Маттиасу, пока они кружили вокруг госпиталя.

— Наконец-то, — произнес он, втискивая взятую напрокат машину в только что освободившееся пространство.

Они направились к лаборатории, которая находилась позади главного корпуса. Маттиас шел впереди. Ночью выпал снег, и теперь под ногами хлюпала слякоть. Холодный северный ветер трепал Торе волосы. Утром она решила оставить их распущенными, и сейчас жалела об этом. «Ну и красавица же я буду, когда мы войдем», — подумала Тора и остановилась. Повернувшись спиной к ветру, она намотала на голову шарф — вряд ли выглядит стильно, но волосы от порывов защищает — и поспешила вслед за Маттиасом.

У самого входа он оглянулся, вскинул брови. Она немедленно представила, как элегантно выглядит с шарфом на голове, что Маттиас и подтвердил, сказав:

— Там наверняка есть туалетная комната, можно туда заскочить.

Тора хотела выпалить в ответ что-нибудь резкое, но сдержалась. Вместо этого она одарила его застывшей улыбкой и распахнула дверь. Они остановили медсестру, толкавшую пустую каталку, и спросили, как найти доктора, с которым у них назначена встреча. Женщина указала на его кабинет и добавила, что им придется подождать, потому что доктор еще не вернулся с утренней планерки. Тора и Маттиас сели в два обшарпанных кресла у окна в конце коридора.

— Я не хотел тебя обидеть. Извини, — произнес Маттиас, не глядя на нее.

Не желая обсуждать свой внешний вид, Тора проигнорировала его слова. С королевским достоинством она размотала шарф и положила на колени. Затем потянулась к истрепанным журналам на столике между креслами.

— Кому интересна эта дрянь? — буркнула она, перебирая стопку.

— Вряд ли люди сюда приходят почитать.

Он сидел прямо и смотрел перед собой. Тора раздраженно отвернулась от журналов.

— Наверное. — Она посмотрела на часы и нетерпеливо сказала: — Ну и где он?

— Придет, — последовал короткий ответ. — Честно говоря, я начинаю жалеть, что тебя позвал.

— Это еще почему? — раздосадованно спросила она.

Маттиас повернулся к ней лицом.

— Потому что это слишком тяжело и неприятно. Ты с подобным никогда не сталкивалась. Нужно было прийти сюда одному, а потом тебе все пересказать.

Тора посмотрела на него свирепо.

— Я родила двоих детей, и сталкивалась с болью, кровью, плацентами, слизистыми пробками в шейке матки и бог знает с чем еще. Так что переживу. — Она скрестила руки на груди, отвернулась от него и вызывающе осведомилась: — Ты-то что знаешь обо всех этих кишках?

Маттиаса опыт Торы не впечатлил.

— Много чего. Но не в пример тебе не стану смаковать подробности.

Тора закатила глаза. Этот немец точно не «мешочек со смехом». Чем с ним разговаривать, лучше выяснить, о чем пишут «Свидетели Иеговы» в своем журнале «Сторожевая башня». Она успела прочитать половину статьи о дурном влиянии телевидения на молодежь, когда заметила, что к ним спешит человек в белом халате. Ему было около шестидесяти, на висках седина, очень загорелый. Он улыбался, и в уголках его глаз скапливались многочисленные морщинки. Тора подумала, что, вероятно, он много времени проводит на солнце. Мужчина остановился перед ними, Тора и Маттиас поднялись с кресел.

— Здравствуйте. — Он протянул руку. — Трауинн Хафстейнссон.

Тора и Маттиас также представились.

— Пройдемте ко мне, — сказал доктор по-английски для Маттиаса и открыл дверь в кабинет. — Простите за опоздание, — добавил он по-исландски, обращаясь к Торе.

— Ничего-ничего, — ответила она с улыбкой. — Так интересно пишут, что я бы и дольше подождала.

Доктор удивленно посмотрел на нее и на обложку журнала.

— Подождали бы чего? Страшного суда?

Они вошли в кабинет, в котором почти не было пустого пространства. Вдоль стен тянулись стеллажи, до отказа набитые папками, книгами и журналами всех размеров и видов; где только можно, стояли картотечные шкафы.

— Что ж... — Патологоанатом сел за стол, как бы подчеркивая, что официальная часть встречи началась. — Я полагаю, говорить будем по-английски.

Тора и Маттиас, заняв стулья напротив, кивнули.

Он продолжил:

— Это нам не мешает. Я получал докторскую степень в Америке, а вот по-немецки я последний раз говорил в школе на экзамене.

— Мы неплохо говорили с вами по телефону, так что английский подойдет, — сказал Маттиас. Тора спрятала улыбку, услышав его немецкий акцент.

— Прекрасно! — Доктор раскопал среди бумаг желтую пластиковую папку, положил ее перед собой, собираясь открыть, и виновато улыбнулся. — Я должен сначала извиниться, что мы так долго получали разрешение на передачу материалов вскрытия. В такого рода делах всегда много бюрократии, и не сразу понятно, как действовать в столь необычных

обстоятельствах.

— Необычных? — переспросила Тора.

— Да, — подтвердил Хафстейнссон. — Необычных до такой степени, что семья убитого даже направила своих представителей, которые требуют выдать им материалы аутопсии. Кроме того, погибший — иностранец, а это усложняет процедуру. Конечно, будь у нас подпись скончавшегося, было бы легче выудить документы из системы.

Тора вежливо улыбнулась на этот патологический юмор, но краем глаза увидела, что лицо Маттиаса будто окаменело.

Доктор посмотрел куда-то поверх стеллажей и продолжил:

— Впрочем, бюрократическая волокита не единственное, что делает этот случай специфическим, и я думаю, вам следует это знать до того, как мы приступим. — Патологоанатом снова улыбнулся. — Это самое странное и самое необычное вскрытие на моем веку, а я навидался всякого, особенно когда учился за границей.

Тора и Маттиас молча ждали. Тора разволновалась, а Маттиас по-прежнему напоминал статую.

Хафстейнссон откашлялся и открыл папку.

— Давайте начнем с того, что можно назвать более или менее понятным.

— Разумеется, — процедил Маттиас, а Тора постаралась скрыть разочарование. Ей хотелось сразу узнать про необычное.

— Итак. Смерть наступила в результате механической асфиксии, то есть от удушения. — Доктор раскрыл наконец папку. — Когда мы закончим, я дам вам копию результатов аутопсии, и вы сможете изучить более подробно, если захотите. Поскольку причина смерти установлена, то главная задача — выяснить, как именно покойный был задушен. Есть предположение, что использовали пояс, не кожаный, а из какого-то другого материала. Убийца, кто бы это ни был — он или она, — приложил немалое усилие: об этом говорит четкость следа на шее. И похоже, пояс затягивали гораздо дольше, чем необходимо, — вероятно, в припадке безумной жестокости или бешенства.

— Откуда вы знаете? — спросила Тора.

Патологоанатом вынул из папки две фотографии, положил на стол и развернул к Торе и Маттиасу. Они увидели сильно поврежденную шею Гаральда.

— Видите, по краю отметины кожа в нескольких местах истерта и как бы обожжена трением. Значит, пояс был шероховатым или неровным. И похоже, необычным по форме. Глядя на поперечник раны, можно сказать, что у него разная ширина.

Доктор помолчал и пододвинул к ним одну из фотографий.

— Обратите внимание, что ниже, у основания шеи, следы более ранних повреждений. Они не столь серьезные, но весьма интересные. — Он взглянул на Тору и Маттиаса и неожиданно спросил: — Вы что-нибудь об этом знаете?

Маттиас мгновенно ответил:

— Нет, ничего.

Тора догадывалась, но ничего не сказала.

— Я уверен, что это не связано с убийством... — добавил Маттиас.

Казалось, доктор был удовлетворен его ответом и больше на них не давил. Он показал на другую фотографию, тоже шеи Гаральда, только увеличенную.

— Это в приближении. Тут хорошо видно, что какой-то предмет, который был частью пояса или прикреплен к нему — кусочек металла, например, пряжка или не знаю что, —

отпечатался на шее покойного. Присмотритесь, и увидите, что отметина напоминает по форме кинжал. Но это может быть и что-то совершенно другое — этот след, к сожалению, не слепок.

Тора и Маттиас нагнулись над снимком. Доктор прав. След, оставленный неопределенным предметом, ясно различим на шее Гаральда. Внизу фотографии был указан его размер — шесть-восемь сантиметров в длину, а очертания действительно напоминали кинжал. Или крест.

— А это что? — Маттиас указал на царапины по обе стороны пятна.

— Вероятно, этот предмет имел по краям зазубрины. Они прокололи кожу, когда пояс затянули. Точнее сказать не могу.

— Значит, удавку не нашли? — спросил Маттиас.

— Нет, — ответил доктор. — Нападавший от улики избавился. Он ведь понимал, что мы могли взять с нее образец ДНК.

— А если пояс найдут? — не выдержала Тора.

Патологоанатом пожал плечами:

— Кто знает? Но боюсь, уже бесполезно. Прошло слишком много времени, и пробы не будут заслуживать доверия. — Он вновь откашлялся. — Теперь о расчетном времени смерти. Это в большой степени вопрос метода. — Доктор пролистнул документы и достал несколько страниц. — Я не знаю, насколько вы знакомы с этой процедурой и параметрами, в которых мы рассчитываем время.

— Нисколько не знакома, — тут же ответила Тора.

Маттиас промолчал. Она заметила, что он злится, однако это ее не беспокоило.

— Тогда, полагаю, мне следует вкратце объяснить, в чем суть метода, чтобы вы понимали, что результаты появляются не по волшебству и что они не бесспорны, а всего лишь дают представление о возможном. Их точность зависит от собранной информации или улики.

— Что значит «собранной»? — спросила Тора.

— Для произведения расчетов нужны улики, вещественные доказательства. Их можно обнаружить или на самом теле, или в непосредственной близости от него, или в окружающей среде. Мы также используем сведения из жизни покойного — например, когда его последний раз видели, когда он последний раз ел, его привычки и так далее. Это особенно важно как раз в случае насильственной смерти, подобной этой. Я понятно говорю?

— Да, конечно. — Тора одарила патологоанатома одной из своих самых очаровательных улыбок.

— Потом с помощью полученных данных рассчитывают время смерти. Есть несколько способов сделать расчет наиболее точным.

— Как интересно! Расскажите...

Доктор откинулся на спинку кресла, явно довольный вниманием Торы.

— Существуют два метода. Первый основан на изменениях, которые происходят с известной скоростью: когда наступило *rigor mortis*, то есть трупное окоченение, какова температура тела, когда началось его разложение. Другой метод заключается в сравнении с известной информацией: в котором часу покойный принимал пищу, найденную в желудке, насколько она усвоилась, и так далее и тому подобное.

— Во сколько он умер? — прямо спросил Маттиас.

— Так сразу не ответишь, — с улыбкой сказал Хафстейнссон. — Возвращаясь к тому, на

чем я остановился, должен сначала рассказать вам, каким образом мы рассчитываем время смерти. Не помню, говорил ли я об этом, но чем быстрее после смерти обнаружено тело, тем больше заслуживающих доверия улики. В нашем случае интервал был полтора дня, что не так плохо. И поскольку тело было внутри помещения, то температура окружающей среды — величина известная. — Он вновь порылся в желтой папке и вытащил одну из страниц. — Согласно данным полиции, беспристрастные свидетели последний раз видели Гаральда живым в двадцать три часа сорок две минуты в субботу, когда он, по неподтвержденной информации, вышел из такси на Хрингбрейт и оплатил поездку. Можете назвать это *terminus a quo*, то есть исходной точкой возможного времени смерти. А *terminus ad quem* — иначе конечная точка, — когда тело обнаружили, в семь часов двадцать минут утра в понедельник, тридцать первого октября.

Он сделал паузу и посмотрел на обоих. Тора кивнула, дескать, она следит за мыслью и он может продолжать. Маттиас же по-прежнему походил на изваяние.

— Когда полиция и криминалисты прибыли на место, температуру тела тотчас измерили, и она была такая же, как и в помещении. Это означает, что с момента смерти прошло какое-то время. Скорость изменения температуры зависит от различных факторов — например, с худым это происходит быстрее, чем с толстым, потому что у толстого пропорционально большая площадь поверхности тепловой эмиссии... — Патологоанатом увлеченно размахивал руками. — Еще это зависит от одежды и строения тела, его положения, воздушных потоков, влажности и многого другого. И все добавляется к первоначальной информации.

— И что из всего этого следует? — Маттиас еле сдерживал нетерпение.

— На самом деле ничего! Это лишь дает возможность несколько сузить временные границы. Определить время смерти с помощью этого метода можно только в том случае, если температура тела отличается от температуры окружающей среды. — Доктор вздохнул. — После того как температура тела достигает внешних значений, она, ясное дело, такой и остается. Но можно вычислить, как долго она изменялась, то есть предположить, какое минимальное время прошло с момента смерти. — Патологоанатом глянул в конец страницы. — Вот. И как показало исследование, в нашем случае конечная точка сводится к более чем двадцати часам.

— Никто не сомневается, что все это очень интересно, — сказал Маттиас, не глядя на Тору. — Но я бы хотел знать, предположительно в какое время умер Гаральд и как это случилось.

— Да, конечно, извините, — ответил доктор. — По трупному окоченению можно заключить, что смерть наступила по крайней мере за двадцать четыре часа до того, как тело нашли, то есть временные границы несколько раздвигаются. Хотите ли вы, чтобы я подробнее остановился на трупном окоченении?

Тора и Маттиас ответили одновременно:

— Да, пожалуйста.

— Нет необходимости.

— Будем придерживаться этикета — решающее слово у леди. — Хафстейнссон лукаво улыбнулся Торе.

Она одарила его самой широкой из своих улыбок. Маттиас сердито на нее покосился, но Тора сделала вид, что не заметила.

— Как видно из названия, трупное окоченение — это отвердение тела после смерти.

Такое состояние обусловлено химическими изменениями в мышечном белке от понижения кислотности мышечных клеток после смерти. Нет кислорода, нет глюкозы, и кислотность клеток падает. Затем, когда уровень нуклеотида АТФ падает ниже критического, наступает трупное окоченение, потому что АТФ предохраняет актин и миозин от соединения.

Тора собралась было спросить об этих интереснейших актине и миозине, но передумала, почувствовав, как нога Маттиаса давит на ее ступню. Вместо этого она многозначительно кивнула: дескать, понятно, — хотя не поняла ничегошеньки из того, что сказал патологоанатом. Зато статуя Маттиаса впервые за все утро улыбнулась.

Доктор продолжал:

— Сначала трупное окоченение происходит в наиболее активных мышцах и постепенно охватывает весь организм. Когда оно становится максимальным, тело костенеет, поза трупа фиксируется. Это ненадолго, затем тело вновь расслабляется. При нормальных условиях трупное окоченение держится около двенадцати часов, а в течение от тридцати шести до сорока восьми часов происходит расслабление. Что касается данного случая, где причина смерти — удушение, то процесс расслабления начался несколько позже. — Доктор поискал в бумагах и достал еще одну фотографию. — Смотрите: когда тело нашли, оно уже полностью затвердело.

Маттиас взял фотографию, хладнокровно на нее посмотрел и передал Торе со словами:

— Довольно неприятно.

Неприятно... Не то слово! Тора смотрела на молодого человека, которого по семейным фотографиям знала живым Гаральдом Гунтлибом и который теперь лежал на полу в неестественной позе. В досье нечеткие черно-белые копии выглядели не страшнее картинок из детского телевизионного шоу по сравнению с тем, что открылось ей сейчас. Рука Гаральда, поднятая и согнутая в локте, как будто указывала в потолок. Ее ничто не удерживало и не подпирало. Было совершенно ясно, что на фотографии — труп: лицо раздулось и опухло, странный цвет кожи отнюдь не является результатом того, что снимок плохо проработан. Больше всего напрягали его глаза, или, точнее, глазницы. Тора быстро отдала фотографию.

— Очевидно, тело к чему-то прислонили, и рука застыла в этой позиции. Разумеется, вы в курсе, что убийство совершили не в коридоре. Труп выпал из комнаты для ксерокса, когда в понедельник утром один из преподавателей открыл дверь. Судя по его рассказу, тело там спрятали. Оно или само привалилось к двери, или же убийца так и задумал и специально к ней прислонил. Дверь открывается наружу, это на фотографии тоже видно.

Маттиас внимательно разглядывал изображение, не проронив ни слова. Тора не захотела смотреть еще раз.

— Но вы так и не сказали, когда примерно он умер. — Маттиас вернул ему фотографию.

— Да-да, простите, — сказал патологоанатом, склонившись над бумагами. Найдя, что искал, он выпрямился. — С учетом содержимого желудка и скорости всасывания амфетамина расчетное время смерти где-то между часом и половиной второго ночи воскресенья. — Он оторвался от бумаг и объяснил подробнее: — Известно, что около девяти он ел пиццу, а перед уходом с вечеринки, приблизительно в одиннадцать тридцать, принял амфетамин. — Он достал еще одну фотографию и передал Маттиасу. — Увоенная пицца прекрасно задокументирована.

Маттиас рассматривал снимок с безучастным лицом. Потом взглянул на Тору и

улыбнулся второй раз за утро.

— Мечта, а не пицца...

Тора посмотрела на содержимое желудка Гаральда. Вряд ли она скоро закажет пиццу. Стараясь не терять самообладания, она вернула фотографию Маттиасу.

— Анализы сделали в институте фармакологии, их копию вы найдете в результатах аутопсии. Еще в желудке нашли наполовину переваренные таблетки экстази, но мы не знаем, когда он их употребил, поэтому для определения времени смерти они бесполезны.

— Хорошо, — сказал Маттиас.

Доктор продолжил:

— Кроме того, вскрытие показало, что через несколько часов после смерти тело перемещали. Это видно по синякам, которые формируются в нижних частях тела, как только прекращается кровоснабжение. Когда это происходит, кровь под воздействием силы притяжения начинает скапливаться. Как лужи. Мы заметили синяки в несообразных местах, а именно: на спине, ягодицах, икрах, но также на подошвах ступней, пальцах и подбородке. Места формирования были менее отчетливы. Это говорит о том, что тело сначала лежало на спине, а какое-то время спустя его поставили вертикально. Что тело перенесли, можно определить и по его обуви — на ней видны стертости. Некий нарушитель покоя мертвых тащил Гаральда за подмышки, а ноги волоклись. Для чего — можно только предполагать. Наиболее подходящее объяснение: убийца задушил Гаральда в своем собственном доме, но сразу избавиться от тела ему не удалось — возможно, из-за интоксикации. Почему он решил перенести тело в здание факультета — вопрос интересный, но не единственный, над которым придется поломать голову, занимаясь этим делом.

— А как насчет глаз? — спросил Маттиас.

— Глаза... — Доктор выдержал паузу. — Еще одна неразгаданная тайна. Семье Гунтлиб, кстати, известно, что их вынули уже после смерти, и, думаю, это может послужить им некоторым утешением. А вот зачем... Откуда мне знать?

— А как в принципе у мертвеца можно вытащить глаза? — поинтересовалась Тора, тут же пожалев, что спросила.

— Способов масса, — оживился доктор. — Скорее всего наш убийца использовал гладкий и ровный инструмент. Все приметы, вернее, их отсутствие, указывают на это, — произнес он и стал искать среди фотографий.

Тора поспешила его остановить.

— Мы вам абсолютно верим, спасибо. Этих фотографий достаточно.

Маттиас ухмыльнулся. Он был явно доволен, что она не выдержала, особенно после их пикировки в коридоре. Тора разозлилась и решила показать ему, из чего сделана.

— В начале разговора вы сказали, что аутопсия была необычная и странная. Что вы имели в виду?

Доктор подался вперед и просиял. Он явно ждал этого момента.

— Уж не знаю, насколько близки вы были с убитым, и, может быть, вас это не удивит... — Он взял несколько заранее отложенных в сторону фотографий и разложил их на столе перед Торой и Маттиасом. — Я имел в виду это.

Тора некоторое время разглядывала снимки, а когда в конце концов сообразила, что именно на них изображено, содрогнулась.

— Ваша реакция вполне понятна, — посочувствовал ей патологоанатом. — Гаральд Гунтлиб, очевидно, практиковал модификацию тела, как это называется в тех странах, где

зародилась тенденция. Сначала мы подумали, что у него врожденная аномалия языка, но затем по рубцам поняли, что он сделал это недавно. И должен сказать, это вам не железки в языках у социальных извращенцев.

Тора смотрела на одну тошнотворную фотографию за другой, пока ее саму не затошнило.

— Прощу прощения, — пробормотала она сквозь стиснутые зубы и выбежала за дверь. Выскакивая в коридор, она услышала, как Маттиас сказал с притворным удивлением:

— Надо же, а ведь мать двоих детей.

В кафе Интерцентра было всего несколько человек. Тора предложила выпить кофе здесь, где можно спокойно разговаривать, не заботясь, услышит ли их кто-нибудь за соседним столиком. Они в одиночестве сидели в дальнем углу. Перед ними на украшенном мозаикой столике лежала желтая папка с материалами вскрытия.

— От кофе тебе полегчает, — сочувственно сказал Маттиас, глядя на дверь, за которой только что скрылась официантка, принявшая заказ.

— Я в норме, — огрызнулась Тора.

Она сказала правду — тошнота прошла. Выйдя из кабинета патологоанатома, она отыскала туалет и ополоснула лицо холодной водой. С ней такое уже бывало. Когда ее бывший муж только изучал медицину, он всюду разбрасывал свои учебники, причем оставлял их раскрытыми, и Торе становилось нехорошо, если она на них натыкалась. Впрочем, картинки в тех книжках даже близко нельзя сравнить с жутью, увиденной сегодня, — наверное, потому, что иллюстрации в учебниках все-таки обезличенные.

— Не знаю, что на меня нашло, — чуть мягче заметила Тора. — Надеюсь, доктор не обиделся.

— Фотографии не особо приятные, — произнес Маттиас. — Большинство людей отреагировали бы так же. А о докторе не беспокойся. Я сказал ему, что ты только-только оправилась от острого пищевого расстройства и все еще чувствуешь себя не очень хорошо.

Тора благодарно кивнула.

— Но что, черт возьми, это было?

— Когда ты ушла, мы их еще раз пересмотрели, очень подробно. Гаральд, похоже, испробовал все виды обезображивания тела. По словам доктора, самому старому уже несколько лет, но есть и такие, что сделаны всего пару месяцев назад.

— Зачем он это делал? — спросила Тора. Она не понимала, что заставляет молодежь так себя уродовать.

— Бог его знает, — сказал Маттиас. — Гаральд никогда не был абсолютно нормальным. С момента как я познакомился с его семьей, помню, что он постоянно ошивался рядом с маргинальными элементами. То это были защитники окружающей среды, то антиглобалисты. Когда он увлекся историей, я подумал, что наконец-то перебесился. — Маттиас показал на желтую папку. — Почему он стал заниматься всем этим — выше моего понимания.

Тора промолчала, размышляя об увиденном на фотографиях и о том, что это, наверное, очень больно.

— Но что именно это такое? — спросила она и сразу добавила: — Меня не затошнит.

Официантка принесла заказ — кофе и отдельно для Маттиаса экзотические закуски, которые подают только здесь. Они ее поблагодарили, подождали, пока уйдет, и Маттиас попробовал объяснить:

— Все это результат диких экспериментов и хирургических операций. Меня больше всего поражает его язык. Ты ведь поняла, что на одной из фотографий был рот Гаральда?

Тора кивнула, и Маттиас продолжил:

— Его язык разрезан вдоль, раздвоен, словно змеиный.

— А он после этого нормально говорил? — спросила Тора.

— Доктор говорит, что, возможно, он стал шепелявить, но не факт. Еще он уверяет, что слышал о таких операциях. Они очень редки, но Гаральд при этом не первооткрыватель.

— Но он же не сам себе язык разрезал? Кто их делает?

— Патологоанатом утверждает, что эта недавняя операция, потому что рубцы еще не зажили. Он представления не имеет, кто хирург, но говорит, что любой, у кого есть анестетик, зажимы и скальпель, сделает это довольно легко. Врач, ассистент хирурга, дантист... Еще он сказал, что этот же человек мог выписать антибиотики и обезболивающие, или имеет к ним доступ.

— Господи, вот и все, что я могу на это сказать! А что насчет всех этих шуток: железок, шрамов, знаков, выпуклостей и бог знает чего еще?

— Гаральд вживлял себе под кожу всякие предметы, и на теле образовывались выпуклости в форме того или иного импланта. То же самое с шипами, которые, если ты заметила, торчат из его плеч. Мы насчитали тридцать два разных предмета, включая гвоздики, похожие на те, что ты видела на его гениталиях. — Маттиас смущенно взглянул на Тору. Она отхлебнула кофе и улыбнулась, давая понять, что ее это не волнует. Он продолжил: — Еще на нем были символы, и все они связаны с черной магией и культом сатаны. В общем, Гаральд трудился не покладая рук, чтобы себя как следует украсить, — на нем живого места нет. — Маттиас съел кусочек африканского фаршированного хлеба. — Кажется, обычный татуаж он не уважал. Эти шрамы...

— От удаления татуировок? — попыталась догадаться Тора.

— Нет-нет. Имеется в виду декоративное шрамирование, когда или делают глубокие порезы, или выкраивают лоскуты кожи так, чтобы в результате получился рисунок. На такое надо решиться. Доктор сказал, что от этого нельзя избавиться, разве только пересадить кожу, а это значит сделать еще больший шрам.

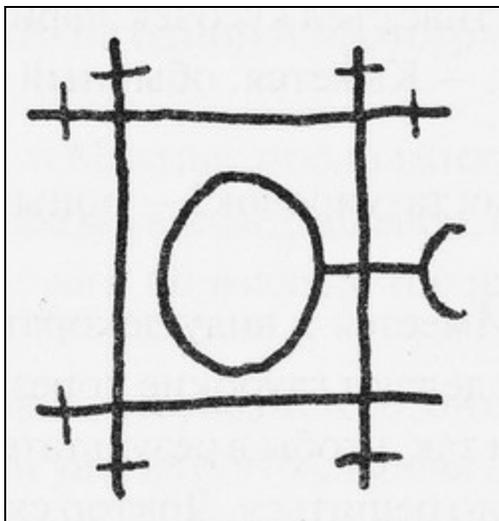
Тора не могла всего этого даже представить. В ее юности считалось чрезмерным, если в ухе более двух пирсингов.

— И еще я узнал от доктора, что один из порезов на груди Гаральда сделан уже после его смерти. Сначала они подумали, что это недавнее тату, но при более пристальном рассмотрении выяснилось, что нет. Похоже на магический символ...

Маттиас достал из кармана ручку и потянулся за салфеткой. Он начертил символ и подвинул салфетку к Торе:

— В чем тут смысл, никто не знает. Полиция не смогла его расшифровать, и не исключено, что убийца импровизировал на месте. По другой версии, преступник нервничал, и у него не получилось так, как он хотел. Вырезать по коже, наверное, трудно.

Тора придвинула салфетку и посмотрела рисунок. Он напоминал поле для игры в крестики-нолики. Только на концах всех линий имелись дополнительные перекрестья, а в центральном квадрате был изображен небольшой круг, от которого отходила горизонтальная черта с полукругом на конце.

Тора вернула салфетку.

— Увы, я ничего не понимаю в магических символах. У меня когда-то было руническое ожерелье, но я не помню, что там что означало.

— Значит, надо поговорить с теми, кто разбирается. Боюсь, полиция в эту сторону не копала. — Маттиас разорвал салфетку на четыре части. — Убийце зачем-то требовалось нанести этот знак, он вкладывал в него какой-то смысл. В большинстве случаев преступники думают лишь о том, как побыстрее скрыться.

— Быть может, убийца — психопат? — предположила Тора. — Вряд ли кто в здравом уме станет вырезать на теле руны и выковыривать глаза. — Ее передернуло. — Или же обкурился до потери сознания. А это похоже на того парня, которого держат сейчас под арестом.

— Может быть. — Маттиас пожал плечами и отхлебнул кофе. — А может быть, и нет. Нам бы встретиться с ним как можно скорее.

— Я свяжусь с его адвокатом, — сказала Тора. — Пусть организует свидание, это в общих интересах. Если мы найдем настоящего убийцу, то тем самым оправдаем его клиента. Но перед встречей надо изучить все улики, а для этого получить от полиции следственные документы. Надеюсь, мой запрос уже у них. Родственникам потерпевших материалы расследования обычно выдают без задержки, за исключением особо деликатных случаев.

Маттиас взглянул на часы.

— Не осмотреть ли нам сейчас квартиру Гаральда? У меня есть ключи, и полиция уже вернула часть изъятого при обыске.

Тора согласилась. Она послала сыну эсэмэску, попросив на обратном пути из школы забрать сестру с продленки. Как-то спокойнее, когда Соулей дома. Гильфи нормально реагировал на ее редкие просьбы, а она этим не злоупотребляла. Не успела Тора закрыть телефон, как пришло сообщение от Гильфи: «Ок когда верн-ся?» Тора тут же ответила, что около шести, и задалась вопросом: чего это Гильфи интересуется, когда она придет? Наверное, хочет, чтоб никто его не дергал, пока он играет на компьютере. Странно, в последнее время он стал ее об этом спрашивать довольно часто. Потом позвонила в офис предупредить, что задержится. Никто не снял трубку, и после пятого звонка включился автоответчик. Пришлось оставлять сообщение неизвестно кому. Подходить к телефону — одна из основных обязанностей Беллы. Торе иногда приходилось звонить в офис, но трубку снимали только в половине случаев. Она вздохнула, зная, что бессмысленно это комментировать.

— Я готова, — сказала она Маттиасу, который воспользовался паузой и доел свой

деликатес. Тора выпила остатки кофе, встала и надела пальто.

Они подошли к кассе. Маттиас заплатил, подчеркнув, что все расходы за счет Гунтлибов. Тора не знала: он так сказал, чтобы ситуация не выглядела как его приглашение — а значит, свидание, — или же просто оповестил ее о положении дел. Она неопределенно кивнула и поблагодарила.

Они вышли на холод и забрали машину с крытой автостоянки. Квартира Гаральда находилась в Тингхольте — центральном квартале Рейкьявика, на Бергстадастрайти, недалеко от Хверфисгата. Тора хорошо изучила движение по Тингхольту, когда начала работать на Скоулавёрдустигур, и без проблем сориентировала Маттиаса, хотя иностранцы там обычно путались: улиц не много, но все узкие и с односторонним движением. Они припарковались у дома с величественным фронтоном. Это был двухэтажный особняк, в прекрасном состоянии, к тому же на одной из самых престижных улиц, и Тора даже не пыталась представить себе его цену. Теперь понятно, почему в договоре аренды Гаральда указана астрономическая сумма квартирной платы.

— Ты здесь был? — спросила Тора, пока они огибали дом и шли к боковому входу. Парадная дверь, выходящая на улицу, вела к апартаментам на нижнем этаже, где, как сказал Маттиас, жили владельцы дома.

— Да, был, — ответил Маттиас. — Два раза приходил с полицией. Им требовался свидетель, когда они изымали документы и вещи и когда возвращали. Но по собственному, так сказать, почину я здесь первый раз. Мы осмотрим квартиру более тщательно, чем это сделали полицейские. Они уже тогда были уверены, что убийца — Хюги, поэтому проводили обыск достаточно формально.

— А квартира такая же странная, как и сам Гаральд?

— Нет, вполне обычная, — сказал Маттиас, вставляя один из двух ключей в дверной замок. Ключи висели на брелоке с исландским флажком, и Тора предположила, что его купил сам Маттиас. Она не могла представить Гаральда в туристическом магазинчике среди традиционных шерстяных свитеров и чучел местных птиц.

— После вас, — произнес Маттиас, открывая дверь.

Не успели они зайти, как из-за угла появилась молодая женщина и обратилась к ним на хорошем английском.

— Извините, — сказала она, поеживаясь на ветру и запахивая кофту. — Вы представители семьи Гаральда?

Судя по одежде, она только что вышла из хозяйской квартиры. Маттиас протянул женщине руку и сказал по-английски:

— Мы уже встречались. Вы передавали мне ключи. Я Маттиас.

— Да, я так и подумала, — сказала женщина, улыбаясь и пожимая ему руку. Она была элегантна, стройна, лицо и волосы ухоженные, явно состоятельная. Лишь когда она улыбнулась, Тора заметила морщинки вокруг рта и в уголках глаз и поняла, что хозяйка не так молода, как показалось вначале. Женщина протянула Торе руку.

— Здравствуйте, меня зовут Гвюдрун, — сказала она. — Мы с мужем сдавали Гаральду верхние апартаменты.

Тора назвала свое имя и улыбнулась в ответ.

— Мы тут хотели бы осмотреться. Не знаю, долго ли пробудем.

— О, не беспокойтесь, — поспешила сказать женщина, — я вышла только спросить, известно ли уже, когда освободится квартира. — Она снова улыбнулась, на этот раз как бы

извиняясь. — Нам поступают предложения, вы понимаете.

Честно говоря, Тора не понимала. Насколько она знала, Гунтлибы продолжали платить за квартиру, а это должно быть выгодно: получать деньги и при этом не иметь хлопот с жильцами. Она повернулась к Маттиасу, ожидая, что он ответит.

— К сожалению, неизвестно, — сказал он. — Но ведь срок договора пока не истек. Ведь так?

Гвюдрун немедленно извинилась.

— Пожалуйста, не поймите меня превратно — конечно, это так. Мы просто хотели бы знать, когда родители несчастного Гаральда планируют его расторгнуть. Это дорогая собственность, и всегда хорошо, когда находятся жильцы, которые в состоянии платить назначенную цену. — Она смущенно взглянула на Тору. — Нам поступило предложение от инвестиционной компании, не хотелось бы им отказывать... Отчасти это зависит от ваших планов. Вы же понимаете, что я имею в виду.

Маттиас кивнул.

— Я понимаю, но, к сожалению, обещать ничего не могу, — сказал он. — Много зависит от того, что мы выясним, разобрав вещи Гаральда. Не хотелось бы упустить ничего, что может иметь отношение к случившемуся несчастью.

Дрожа от холода, женщина кивнула:

— Да-да. И если я могу как-то поспособствовать, пожалуйста, непременно дайте мне знать. — Она вручила им свою визитную карточку.

Тора достала свою и протянула ей:

— Звоните, если вспомните что-нибудь, что могло бы нам помочь. Мы пытаемся выяснить, кто убил Гаральда.

Хозяйка дома вытаращила глаза.

— Но ведь убийцу уже арестовали!

— У нас возникли некоторые сомнения, что убийца именно тот человек, — как можно мягче сказала Тора, заметив, что женщина потрясена. — Не стоит беспокоиться. Кем бы он ни был, он вряд ли сюда заявится.

— Нет, не в этом дело, — пролепетала Гвюдрун. — Просто я думала, что все закончилось.

Они попрощались, и Тора с Маттиасом вошли наконец в прихожую. Белая лакированная лестница вела в апартаменты на верхнем этаже. Здесь же была дверь, за которой, как сказал Маттиас, находится общая бытовая комната. Наверху Маттиас открыл квартиру вторым ключом, и они вошли.

Первое, о чем подумала Тора, изумленно озираясь по сторонам, — что Маттиас довольно свободно обошелся с правдой, когда описал квартиру как «вполне обычную».

Декан факультета истории Гуннар Гествик брел по коридору института рукописей. Он рассеянно кивнул в ответ на приветствие шедшего навстречу студента. Юноша явно сконфузился, и это вновь напомнило Гуннару о его нынешней славе. Казалось, не только весь университет — вся Исландия знает, что именно на него свалилось тело Гунтлиба, из-за чего с ним, деканом, случилось нервное расстройство. Теперь он как никогда популярен, если можно так выразиться. Многие ходят вокруг него кругами, но точно не из дружеского расположения.

Конечно, со временем все рассосется, но, Боже правый, как его достали дурацкие вопросы! С души воротило, когда он очередной раз видел одно и то же выражение лица, неизменно появлявшееся у всякого, кто набирался храбрости задать ему вопрос. Предполагалось, что это выражение должно изобразить комбинацию скорби по поводу безвременной кончины молодого человека и одновременно сочувствие к Гуннару, но почти всегда результат был абсолютно другим. Лица коллег излучали только нездоровое любопытство и облегчение, что это произошло не с ними.

Может быть, ему следовало послушаться ректора и исчезнуть месяца на два? Как знать... За это время в университете, наверное, потеряли бы интерес к случившемуся, но все равно он разгорится с новой силой, как только дело передадут в суд. Взяв отпуск, можно лишь отложить неизбежное. Плюс ко всему это породит кривотолки: мол, нервный срыв, добровольно-принудительная реабилитация или чего похуже — запой например. Нет, правильнее остаться, и пусть шторм утихнет сам собой. Людям в конце концов это наскучит, и они снова станут его избегать.

Гуннар постучал в дверь кабинета Марии Эйнарсдоттир, директора института рукописей. Постучал скорее из вежливости, так как сразу открыл дверь и вошел, не дожидаясь разрешения. Она говорила по телефону и жестом пригласила его сесть, что он и сделал. Пришлось ждать, пока она закончит крайне важный разговор — похоже, речь шла о том, что ей до сих пор не сменили картридж для принтера.

Внешне оставаясь спокойным, Гуннар был весьма раздражен. Мария позвонила и в своей обычной манере потребовала, чтобы он как можно скорее пришел, потому что у нее к нему очень серьезное дело. В это время он составлял заявку на грант по программе «Эразмус» для своего факультета. Заявку надо подавать на английском, и Гуннар только-только втянулся. И тут эта Мария. Работу пришлось отложить. Если «серьезное дело» касается какого-нибудь картриджа, он взорвется. Гуннар только начал заготавливать «пару ласковых», когда директор наконец положила трубку и переключила внимание на декана.

Некоторое время она его задумчиво разглядывала и, видимо, подбирала слова. Побарабанила пальцами по столу. Вздохнула. И наконец произнесла:

— Мы в жопе...

Стало ясно, что все это время она не подыскивала в уме цитату из классиков. Гуннар полагал, что директору института рукописей негоже использовать подобные слова. Конечно, за сорок лет, прошедших с тех пор, когда он юным студентом переступил порог университета, все изменилось. Тогда люди гордились правильным произношением, а теперь это считается вульгарным и претенциозным. Даже такая женщина, как Мария, прекрасно образованная и далеко не девочка, выражается столь низкосортно. В его времена хотя бы

говорили — «мы в заднице».

— Что случилось, Мария?

— Жопа, — повторила она, запустив обе руки в свои стриженные волосы. Блеснуло несколько серебристых нитей. Потом она встряхнулась и перешла к делу.

— Пропало одно из старинных писем.

Короткая пауза, и затем:

— Его украли!

Гуннар дернул головой. Новость действительно неприятная.

— Что значит «украли»? С выставки?

Мария тяжело вздохнула:

— Нет. Не с выставки. Отсюда. Свои.

Декан изумленно уставился на нее:

— То есть как?

— Правильный вопрос. Такое раньше никогда не случалось. — В ее голосе появились пронзительные нотки. — А вдруг пропало не только оно? Вы же знаете, у нас хранятся шестьсот манускриптов из величайшей коллекции Арне Магнуссона!^[1] Плюс собранные им старинные письма. А теперь еще и пятьсот пятьдесят рукописей из датской Королевской библиотеки. И еще семьдесят из разных мест. — Она замолчала и посмотрела Гуннару в глаза. — Конечно, мы перетряхнем здесь все по листочку и выясним, пропало ли что-то еще. Но прежде чем предавать это огласке, я хотела переговорить с вами персонально. Возможно, тогда я соображу, что мне делать дальше.

— Я-то вам зачем? — удивленно и несколько раздраженно спросил Гуннар. По своей работе он практически не пересекался с институтом рукописей, и дополнительных обязанностей у него здесь не было. — Надеюсь, вы не меня обвиняете в краже?

— Ради Бога, Гуннар... Спросите еще, не подозреваю ли я ректора. — Она взяла с стола письмо и протянула ему. — Это по поводу раритетов из Дании.

Гуннар кивнул. Время от времени институту одалживали экспонаты из иностранных коллекций — для исследований. Гуннар всегда был в курсе новых поступлений, но особо в голове не держал, если только документы не касались его научных интересов. Датская коллекция к ним не относилась. Он пробежал глазами написанное на датском послание от Карстена Йосефсона, заведующего архивным отделом Королевской библиотеки, — напоминание о том, что приближается срок возврата.

— Даже не знаю, что сказать. — Гуннар положил документ на стол.

Мария повернула письмо к себе.

— В прошлом году датчане прислали нам собрание писем к клирикам собора в Роскилле, датированных началом и серединой шестнадцатого века. Я понимаю, они здесь не вызвали большого ажиотажа, хотя некоторые, связанные с Реформацией в Дании, довольно интересны. Но пропавшее письмо не об этом.

— А о чем? — спросил Гуннар, все еще не понимая, при чем тут он.

— Поскольку письма нет, то и содержание его мне неизвестно. Знаю только, что оно датировано 1510 годом и написано Стефаном Йонсоном, епископом Скаульхольта. Это сказано в описи, приложенной к коллекции. Кстати, именно благодаря описи я и обнаружила, что письмо пропало. Во время сверки, когда начали упаковывать коллекцию для возврата.

— А может быть, вы его вообще не получали. Разве оно не могло исчезнуть раньше? —

предположил Гуннар.

— Исключено, — последовал категорический ответ. — Я присутствовала при получении, мы очень внимательно сверяли по списку. Все сходилось.

— Тогда, может быть, его положили не туда? Оно могло случайно попасть к другим документам.

— Случайно — да, — сказала Мария, — но здесь не то. Есть еще одно обстоятельство. — Она сделала паузу, как бы подчеркивая важность того, что собирается сообщить. — Обнаружив пропажу, я немедленно сверилась с компьютерными данными. Хотела посмотреть, что это за письмо. Мы все без исключения документы сканируем, и наши, и чужие, вы же знаете.

Гуннар кивнул, и Мария посмотрела на него с каким-то странным торжеством.

— И, представьте себе, файл с этим письмом оказался уничтожен. Единственный.

Гуннар некоторое время осмысливал услышанное.

— Минуточку. Разве это как раз не доказывает, что письма не было изначально? Когда вы сканировали документы?

— На следующий день после распаковки. Письмо там было, и его точно отсканировали. Это видно по нумерации файлов. Вся коллекция получила заглавие, каждый отдельный документ — свой порядковый номер в соответствии с исходной датой раритета: от самого древнего и так далее. — Директор взъерошила волосы. — Так вот, один номер в последовательности отсутствует, тот самый, под которым должно находиться это письмо.

— Но должна оставаться резервная копия. Это входит в обязанность системных администраторов и делается автоматически. Так что можно найти резервный файл.

Мария кисло улыбнулась.

— Я уже узнавала. Системщики утверждают, что этого файла нет ни в одной из резервных копий. А их даже не одна, а несколько. Они проводят ежедневное копирование всего содержимого компьютеров, но эти копии хранятся всего неделю: за понедельник — до следующего понедельника, за вторник — до вторника, и так далее. Еще у них есть резервный реестр, который создается раз в месяц, но он и хранится только месяц, а потом замещается реестром следующего месяца. Таким образом, самая старая резервная копия месячной давности. Письма в ней нет. А это значит, что файл стерли более месяца назад. Существуют, правда, еще полугодичные резервные копии, но они хранятся не на сервере, а помещаются в особый сейф. Там я еще не проверяла, потому что до настоящего момента не понимала всю серьезность положения.

— Мне по-прежнему неясно, чем я могу помочь, — проговорил Гуннар. Компьютеры и базы данных, мягко говоря, были не его коньком.

— Я проверила, кто работал с коллекцией. Все же фиксируется. Последним человеком, который имел доступ к письмам, был студент вашего факультета. — Лицо Марии одеревенело. — Гаральд Гунтлиб.

Гуннар положил руку на лоб и закрыл глаза. Только этого не хватало! Когда-нибудь это кончится? Он вдохнул и попытался говорить медленно и спокойно, контролируя интонацию.

— Вероятно, коллекцию смотрел не он один. Почему вы думаете, что письмо взял именно Гаральд, а не кто-то до него? Там пятнадцать человек штатных работников, туда заходят преподаватели и студенты, есть посторонние посетители...

— Я в этом уверена, — твердо сказала она. — Человек, который смотрел коллекцию до него, — это я, и поверьте, все было на месте. А чтобы не привлекать внимание и не

возвращать пустую папку, он вставил туда вот это... — Мария в гневе схватила лежащий на столе лист. — Этот документ рассеивает все сомнения окончательно!

Гуннару захотелось вскинуть руки и выскочить вон из кабинета, но вместо этого он смотрел на лист, которым Мария потрясала перед его носом: зачетная ведомость с перечнем сданных предметов и полученных баллов. Вверху ясно прочитывалось имя ее обладателя — Гаральд Гунтлиб.

— Надеюсь, вы понимаете, — не унималась Мария, — что только из уважения к вам и вашему факультету мы разрешаем студентам-историкам пользоваться нашими ресурсами. И вы, как декан, не можете уклониться от ответственности. Не хватало еще испортить репутацию института рукописей! Нельзя допустить, чтобы нас считали безответственными, способными запросто потерять ценные старинные документы. Мне даже подумать об этом страшно! Большая часть нашей работы основана на доверительном сотрудничестве со скандинавскими коллегами, и я не могу ставить под угрозу это сотрудничество из-за поступков ваших студентов.

— Если Гаральд украл письмо и подменил его, то он очень глупый вор. — Гуннар ткнул пальцем в ведомость. — Мог бы и сообразить, что по ней его вычислят в два счета.

Мария пожала плечами:

— Откуда мне знать, о чем он думал? Возможно, рассчитывал так же незаметно подложить письмо обратно. Уж кому, как не вам, известно, почему он не смог. Доступ к коллекции он получил примерно за месяц до того, как вывалился на вас из ксероксной комнаты. По регистрационному формуляру он понял, что коллекцией никто не интересовался уже более двух месяцев. Все, кому было нужно, к тому времени досконально ее изучили. Он прекрасно сознавал, что никто не спохватится и у него будет время вернуть документ на место. Что он собирался с ним делать — загадка. Но ему не хватило жизни, чтобы принести его обратно. Таково мое объяснение, ничего лучшего я придумать не могу.

— Что вы хотите от меня? Что мне делать? — кротко спросил Гуннар.

— Что делать? — язвительно повторила Мария. — Я позвала вас не ради моральной поддержки. Я хочу, чтобы вы нашли письмо. — Она обвела руками пространство. — Поищите, например, в аудиториях, у него дома, ну и везде, где он мог его хранить. Вам лучше знать, он ведь был вашим студентом.

Гуннар стиснул зубы. Он проклинал тот день, когда на университетском совете обсуждали прошение Гаральда о приеме, и припомнил, что он единственный возражал против его зачисления. Чувство неприязни возникло сразу, как только он узнал, что мюнхенская диссертация Гунтлиба посвящена охоте на ведьм в Германии. Он предчувствовал, что с этим студентом будут проблемы, но его возражения отвергли большинством голосов. И вот теперь он увяз в гуще неприятностей, несопоставимых с проблемами, которые создают обычные студенты.

— Кто об этом знает?

— Я. Вы. Я не обсуждала это ни с кем за исключением системного администратора, да и ему история до конца неизвестна. Он думает, что исчез только электронный документ. — Она замаялась. — Я также обращалась к Бойи. Он работал с письмами, когда мы их только получили, и я попыталась выяснить, что ему известно. Он подозревает неладное, но, думаю, считает, что письмо не туда положили. Я даже не намекала, что его украли.

«Бойи — один из научных сотрудников. Он человек уравновешенный и вряд ли станет поднимать шум», — подумал Гуннар.

— Когда коллекция должна вернуться в Данию? Сколько есть времени на поиски?

— Я могу задержать отправку на неделю, но не больше. Если к тому времени письмо не найдется, мне останется только объявить, что оно исчезло. Но имейте в виду: я сделаю все от меня зависящее, чтобы случившееся считали вашим позором, а не нашим. Ваше имя будут трепать снова и снова. Кстати, одна маленькая птичка мне напела, что у вас на факультете уже пропадали документы... — Директор с прищуром посмотрела на декана.

Гуннар встал, его лицо пылало.

— Ясно.

Он был подавлен, ему было нечего сказать, больше всего хотелось выскочить из кабинета и хлопнуть дверью, однако, прежде чем выйти, он обернулся и задал беспокоивший его вопрос:

— Хотя бы приблизительно, о чем это письмо? Вы упомянули, что коллекцию досконально изучали... Ну кто-то же должен знать.

Мария покачала головой.

— Бойи чуть-чуть помнит, но смутно. Сам он исследует установление зеландского диоцеза в Дании и его влияние на исландскую церковную историю. Письмо же написано гораздо раньше, поэтому всесторонне он его не изучал. Там якобы упоминается про ад, чуму и смерть какого-то посланника. Вот все, что я смогла из него вытащить, не вызывая подозрений.

— Я буду держать вас в курсе. — Гуннар вышел и закрыл за собой дверь, не дожидаясь, пока Мария с ним попрощается.

Несомненно одно: письмо надо найти во что бы то ни стало.

Изумленная Тора медленно двигалась по сверкающему паркету огромной гостиной в изящнейшем из стилей минимализма. Мебели мало, но стоит она наверняка целое состояние. В центре два больших черных кожаных дивана, гораздо ниже, чем те диванчики, к которым она привыкла. Торе ужасно хотелось сесть на какой-нибудь из них, но тогда Маттиас поймет, что все это для нее в диковинку. Между диванами стоял столик, еще более низенький: казалось, у него вовсе нет ножек и столешница лежит прямо на полу.

Прекратив разглядывать мебель, она занялась стенами. Не считая плоского экрана, по всей гостиной висели картины — кажется, старинные. В комнате находились и другие древности, среди которых выделялось грубое деревянное кресло, хотя оно скорее искусная подделка, чем оригинал. Интересно, Гаральд сам занимался оформлением квартиры или все это сплошь работа дизайнера? Смешение старинного и современного придавало помещению очень необычный и индивидуальный образ.

— Нравится? — мимоходом спросил Маттиас. Его интонация ясно показывала, что он в отличие от Торы давно привык к роскоши.

— Стильно, — ответила она и подошла к стене рассмотреть показавшуюся ей очень старой гравюру. Вглядевшись, она отпрянула. — Боже правый, что это?!

Сюжет картины представлял собой странное и отталкивающее действие. В сцене участвовало около двадцати персонажей, в основном мужчины. Они были разбиты на пары, одни пытались других, наказывали или бичевали. Художнику, вероятно, пришлось изрядно попотеть, вырисовывая весь этот кошмар. Подошел Маттиас.

— А, эта... — Он чуть скривился. — Гаральд унаследовал ее от деда. Она немецкая. Рассказывает о событиях тысяча шестьсот какого-то года, в разгар религиозных войн в Германии. — Маттиас отвернулся от картины. — Она уникальна тем, что ровесница изображенному, то есть это не позднейшая интерпретация. Более поздние работы часто не столь реалистичны, в них все преувеличено. Или они стилизованы.

— Преувеличено?! — воскликнула Тора. — Как это можно еще преувеличить?

Маттиас пожал плечами.

— За время знакомства с Гунтлибами я кое-что узнал об этом периоде истории, и, поверь, перед тобой далеко не самый страшный сюжет из их собрания. — Он иронично усмехнулся. — Если бы ты видела другие, то эту повесила бы в детской.

— На стене у моей дочери висит картинка с Минни Маус, — сказала Тора, переходя к следующей гравюре.

— Да, это искусство не для всех, — ответил Маттиас, следуя за Торой, которая разглядывала, как человека пытаются на дыбе, а за пыткой наблюдают люди в монашеских сутанах с капюшонами. Как будто следят, чтобы исполнители не отлынивали. А тем тоже несладко, они с большим трудом крутят ворота. По-видимому, суть изуверства в том, что веревки, которыми за ноги и за руки привязан пытаемый, при вращении растягивают его конечности и разрывают суставы.

— Тоже немецкая. — Маттиас показал на фигурки монахов. — А это инквизиторы. Как видишь, приходилось немало потрудиться, чтобы вытянуть признание. — Он взглянул на Тору. — Тебе, наверное, интересно разобраться в природе пыток, это ведь вы, юристы, их узаконили — в самом широком смысле, конечно.

Очередной выпад против профессии не застал Тору врасплох, она к этому привыкла с того дня, как получила докторскую степень.

— Ну, ясное дело, мы, юристы, всегда и во всем виноваты. Есть такая обывательская шутка.

— А я не шучу! В Средние века обвинить человека мог любой, но предоставить доказательства злодеяния он должен был сам. Если обвиненный не признавал своей вины или очевидных доказательств не обнаруживалось, решение оставалось за Богом. Обвиняемых мучили, заставляли ходить по горящим углям, бросали в воду в мешках, да много чего еще. Если их раны через некоторое время заживали или если они тонули, их признавали невиновными. Тогда проблемы возникали у обвинителя, потому что в этом случае он сам подлежал наказанию. Понятно, почему люди с неохотой выдвигали обвинения, ведь существовал риск, что это может обернуться против них. — Маттиас показал на привязанного к дыбе. — Когда же из-за этого количество преступлений — и светских, и религиозных — невероятно увеличилось, власть и церковь вспомнили о римском праве, определявшем иной порядок выдвижения и поддержки обвинения, основанный на расследовании. Так возникла инквизиция. Оттуда этот принцип перешел в светскую систему правосудия. Теперь потерпевшему больше не было надобности выдвигать обвинение и поддерживать его. — Маттиас торжествующе улыбнулся. — Тут-то и появилась работа для юристов.

Тора улыбнулась в ответ.

— Обвинять юристов во всех страданиях человечества — это слишком. Тогда уж объясни, какая связь между судебными процедурами и пытками?

— К сожалению, — продолжал Маттиас, расхаживая перед Торой, — и в новом порядке был изъян. Чтобы установить чью-то вину, требовалось или два свидетеля, или признание. При некоторых преступлениях, например, при обвинении в богохульстве, свидетели оказывались почему-то не нужны, а вот личное признание — обязательно. Его-то и выбивали с помощью пыток. Считалось, что это вполне законная часть судебного расследования.

— Спасибо за лекцию, но откуда ты все это знаешь? — спросила Тора.

— Дед Гаральда был настоящим кладом знаний об этом периоде истории. Он любил рассказывать, а мне нравилось слушать. Однако то, что я запомнил, весьма поверхностно.

— А ты видел эти картины раньше?

Маттиас обвел взглядом стены.

— Да. Вообще-то здесь только крупницы из коллекции. Гаральд привез не все. Его дед потратил на собирательство большую часть жизни, а уж сколько денег — никто не знает. Это, наверное, самая выдающаяся коллекция в мире, посвященная пыткам и казням на протяжении веков. Чего стоит почти полное собрание разных изданий «Молота ведьм»!

— А где остальная часть дедова наследства?

— Книги, письма и другие ценные документы находятся в банковском хранилище. Под картины в особняке Гунтлибов выделено два отдельных зала. Впрочем, пропажа нескольких работ вряд ли их расстроит. Большинство членов семьи ненавидят коллекцию, а мать Гаральда вообще не заставишь взглянуть на экспонаты. Гаральд был единственным отпрыском, унаследовавшим интерес своего деда. Именно поэтому дед ему коллекцию и оставил.

— То есть Гаральд мог возить ее из страны в страну, продавать, дарить и делать с ней

все, что ему заблагорассудится?

Маттиас улыбнулся.

— Представляю, с каким облегчением вздохнули бы его родители, избавившись хоть от нескольких предметов, а уж как обрадовались, если бы Гаральд увез все и насовсем.

— Это кресло — из коллекции? — Она показала на старое деревянное кресло в углу.

— Да, — ответил Маттиас. — Это «позорный стул». Британское изобретение.

Тора обошла «позорный стул» и пробежалась пальцами по резьбе на спинке. Она не смогла прочесть надпись: буквы поблекли, да и шрифт ей незнакомый. В центре сиденья была большая дыра, а на подлокотниках — полоски покоробившихся кожаных ремней, которыми, вероятно, привязывали руки.

— На нем жертву медленно опускали в воду. Чтобы сиденье не мешало погружению, в нем проделывали отверстие. «Позорный стул» придуман скорее как средство устрашения, но иногда, если окунальщик был неосторожен или отвлекался, человек захлебывался и тонул.

— Хорошо, что я родилась позже и не в Англии, — резюмировала Тора, убирая со стула руку. Живи она в те времена, была бы первым претендентом на такого рода купание, так как совершенно не умела попридержать язык, особенно если ее что-то возмущало.

— Это еще довольно безобидное орудие, — сказал Маттиас. — В подлинность некоторых изобретений верится с трудом. Человеческая боль служила кому-то основой для импровизации и стимулировала воображение.

— Признаться, меня тянет бежать из этой уютненькой комнатки. Пойдем дальше?

Маттиас согласился.

— Другие комнаты не лучше, но на кухне всего этого нет. Оттуда и начнем.

Через прихожую они прошли в кухню. Сама по себе небольшая, она была оснащена наисовременнейшей техникой. Вдоль встроенных шкафов стояли подставки для винных бутылок. Тора засомневалась, а знает ли что-нибудь Маттиас о жизни простых людей? По сравнению с ее кухней это выглядело как инь и ян, причем ее кухня точно инь. Отметив большую газовую плиту со стальным вытяжным колпаком над ней, посудомоечную машину, гигантскую раковину и отдельный охладитель для вина, Тора подошла к огромному двухкамерному холодильнику.

— Вот где, наверно, классно замораживать кубики льда!

— Так почему бы тебе такой не купить?

Тора обернулась и посмотрела на него.

— По той же причине, по которой я вообще не покупаю дорогостоящие вещи, хоть они мне и нравятся. Я не могу себе этого позволить. Тебе, наверно, это трудно понять, но чтобы что-то купить, нужны деньги.

Маттиас пожал плечами:

— Холодильник не роскошь, а средство для хранения.

Тора не удосужилась ответить. Она заглядывала в шкафы для посуды. В одном из нижних стоял набор стальных кастрюль со стеклянными крышками, и все — словно только что из магазина.

— Кухня хоть и великолепная, но непохоже, чтобы Гаральд часто готовил. — Она закрыла дверцу и выпрямилась.

— Да. Зная его, скорее подумаешь, что он покупал готовую еду или вообще не ел дома.

— Вот и выписки по его кредитке говорят о том же.

Она огляделась, но не заметила ничего, что могло бы дать зацепку для ума. На двери

холодильника — ни магнита, ни записки. У нее дома холодильник был своего рода информационным центром: весь в расписаниях, приглашениях, списках покупок и других напоминалках. Тора уже забыла его цвет.

— Посмотрим остальное? — спросила Тора. — Кажется, здесь мы ничего не найдем.

— Не иначе как его убили из-за холодильника, — сострил Маттиас. — Кстати, а ты где была в ночь убийства?

Тора отделалась кривой улыбкой.

— В выписке по кредитной карточке есть несколько транзакций в зоомагазине. Он держал животных?

Маттиас удивленно покачал головой:

— Здесь нет ни животных, ни их следов.

— Я сперва решила, что он покупал корм... — Тора снова заглянула в шкаф, нет ли там кошачьей еды. Или собачьей... Но ничего такого не было.

— Надо позвонить в магазин, — сказал Маттиас. — Может, они его запомнили.

Тора тут же нашла номер телефона, соединилась и поговорила с продавцом.

— Странно. Он несколько раз покупал у них хомячков. Точно здесь нет клетки для хомяка?

— Абсолютно, — ответил Маттиас.

— Странно, — повторила Тора. — Еще парень, с которым я говорила, утверждает, что Гаральд хотел купить ворона.

— Ворона? — переспросил Маттиас. — Зачем?

— Откуда он знает? Воронами они не торгуют, поэтому и спрашивать не стали. Продавец решил, что это эксцентрично, из-за этого Гаральда и запомнил.

— Ворон, кстати, весьма подходит для черной магии...

— Это да. Но ведь не хомяк же!

Они вышли из кухни в коридор. Маттиас открыл дверь в ванную, и Тора сунула туда голову. Вряд ли здесь хранятся какие-то секреты. Как и кухня, ванная комната была очень современная, но и только. Спальня Гаральда оказалась поинтересней.

— Кто-нибудь в квартире убирался или он сам? — Тора показала на аккуратно застеленную кровать, непривычно низкую, как и диваны в гостиной.

Маттиас сел на край кровати. Его колени почти коснулись подбородка, и он вытянул ноги.

— К нему по воскресеньям приходила уборщица из фирмы, и она вымыла здесь все как раз в тот выходной, когда его убили. То-то полиция обрадовалась. Конечно, она еще ничего не знала об убийстве. Просто пришла в назначенный час и все вычистила. Я с ней разговаривал, она хорошо отзывается о Гаральде. Но при этом говорит, что в их службе никто не горел желанием убирать эти апартаменты.

— Интересно почему? — Тора саркастически усмехнулась и обвела рукой висящие картины. Все они были того же толка, что и в гостиной, только на них пытали, наказывали и казнили обнаженных женщин. Некоторые были обнажены до пояса, другие полностью. — Скромная мужская спальня...

— Ты так считаешь? Похоже, твой круг знакомств оставляет желать лучшего, — ответил Маттиас и улыбнулся.

— Ты не услышал иронию, — сказала Тора. — Естественно, я никогда не была в спальне с подобного рода декором.

Она подошла к большому плоскому телевизору, закрепленному на стене против кровати.

— Подумать страшно, что у него здесь! — Она нагнулась к DVD-проигрывателю на низеньком комоде. Включив его, нажала кнопку дископриемника, но он вышел пустым.

— Я вытащил диск, — сказал Маттиас, наблюдавший за ее действиями.

— И что он смотрел? — спросила Тора, оборачиваясь к нему.

— «Король Лев». — Его лицо при этом ничуть не изменилось. — Пойдем в кабинет Гаральда. Думаю, мы с большей вероятностью что-нибудь найдем там.

Тора пошла за ним, но чуть задержалась, решив проверить столик у кровати. Она выдвинула единственный ящик и увидела уйму баночек и тюбиков с кремом, которыми явно пользовались, и еще полпакета презервативов. «Ага, — подумала Тора, — значит, все-таки есть женщина, которую не волнует оформление стен». Она закрыла ящик и поспешила за Маттиасом.

Без четверти три — к счастью, у Лоры Амаминг еще масса времени, чтобы закончить работу и успеть на занятия. Она живет в Исландии уже несколько лет, но только теперь поступила на языковые курсы для иностранцев. Удобно, что занятия проходят здесь же, в главном здании, в двух шагах от исторического факультета, где она работает уборщицей. Будь они не в университете, учиться Лора скорее всего не смогла бы. Она погрузила половую тряпку в мойку и прополоскала под струей горячей воды. Повторяя про себя, как будет «горячий» и «холодный» по-исландски, она на родном тагальском костерила трудное произношение.

Лора выжала тряпку и бросила к другим в ведро с хлоркой. Потом взяла спрей для окон и три чистые тканевые салфетки. Сегодня надо помыть все окна с северной стороны второго этажа, и одной салфетки точно не хватит. Она вышла из подсобки и пошла наверх.

В первых трех кабинетах было пусто. Это хорошо — убираться проще, особенно если надо мыть окна. Карабкаться на стул или подоконник в присутствии кого-то всегда неловко. И при этом даже не пошутишь, она еще плохо понимает исландский. У себя на Филиппинах Лора слыла жизнерадостной болтушкой, а здесь она словно в раковине сидит, и кажется, что вечно будет общаться только с соотечественниками.

На работе она чувствовала себя скорее предметом, чем человеком; для окружающих ее как будто не было. За исключением Триггви, их шефа. Он всегда вел себя воспитанно и старался побольше разговаривать с Лорой и другими женщинами, хотя эти разговоры чаще всего сводились к жестам, порой очень смешным. Триггви никогда не обижался и не возражал, если они смеялись, пытаясь угадать, чего же он хочет. Он настоящий джентльмен, и Лора предвкушала, как, в конце концов, скажет ему что-нибудь на его родном языке. Но точно не его имя, это она никогда не сможет выговорить. Даже после всех курсов исландского языка в мире. Она тихонько произнесла «Триггви» и хихикнула над тем, что у нее получилось.

Лора постучала и вошла в следующее помещение. Здесь обычно студенты собирались в перерыве между занятиями. На потрепанном диване в углу сидела рыжеволосая девушка. Лора ее раньше видела в компании того студента, которого убили. Всех его друзей легко отличить и по поведению, и по одежде: они всегда выглядят так, будто только что пережили ураган. Девушка разговаривала по телефону, и хоть говорила спокойно, было понятно, что тема неприятная. Она мрачно взглянула на Лору, понизила голос, потом резко попрощалась и, запихнув телефон в камуфляжного рисунка сумку через плечо, встала и надменно зашагала прочь. Лора ей улыбнулась и очень постаралась правильно сказать по-исландски «до свидания». Удивленная, что к ней обращаются, студентка обернулась в дверном проеме, что-то в ответ буркнула, вышла и закрыла дверь. «Невоспитанность!» — подумала Лора. И еще она подумала о том, что девушка довольно милovidная, ее можно было бы даже назвать красивой, если бы она вынула все эти ужасные кольца из бровей и носа и хотя бы изредка улыбалась.

Лору ждали окна, а время убегало. Она наносила на стекла спрей и растирала его круговыми движениями. Окна не очень грязные. Когда шторы закрыты, стекла почти не пачкаются. Она промывала их одно за другим, и когда заканчивала последнее, заметила, что чуть не пропустила небольшое коричневое пятно, но не на стекле, а на внутренней стороне

стальной оконной ручки.

Она достала из кармана рабочего фартука уже использованную салфетку. Та, что была у нее в руках, абсолютно чистая, не хотелось ее пачкать. Она побрызгала на ручку и потерла. Пятно трудно заметить, вот другие уборщицы его и пропустили. Лора представила, как какой-нибудь студент хочет открыть окно, берется за ручку, а потом идет жаловаться на плохую уборку. Как удачно, что она заметила пятно.

И тут же хмыкнула: сами-то они хороши. Руки надо мыть, и пятен не будет. Грязь отчистилась легко, и Лора еще несколько секунд терла ручку просто так. Потом с удовлетворением взглянула на сверкающую сталь, чувствуя, что одержала маленькую победу над Гуннарсом, деканом факультета.

Засовывая салфетку обратно в карман, она мельком на нее взглянула. На влажной ткани коричневый цвет разбавился и стал темно-красным. Святая Мария! Это кровь. Как она попала на ручку? На полу и на подоконнике пятен не было — выходит, человек поранился где-то в другом месте. В сознании вдруг мелькнуло, а нет ли тут связи с убийством, но потом она решила, что вряд ли. Окна с того времени неоднократно мыли. Она сдвинула брови и задумалась. Сама она не помнила, чтобы мыла здесь окна, но это не значит, что никто другой этого не делал. Убирали восточное крыло на следующий день после убийства или не убирали? Убирали. Конечно, убирали. Полиция даже задавала вопросы Глории, чья смена наступила в выходные.

И что, скажите на милость, теперь делать? По-исландски она не сможет объяснить. Тут не обойдешься словами «холодно» и «горячо». Вдруг она стерла отпечатки пальцев убийцы? Тогда жди неприятностей. Но если все объясняется просто, а она поднимет шум из ничего, то будет еще хуже и вдобавок стыдно. Ну и дела! Она вспомнила, как нервничала Глория, когда ее допрашивали. Полицейские разговаривали с ней так жестко, что она даже заплакала. В то момент Лора решила, что Глория притворяется, но сейчас в этом засомневалась. Она осмотрела весь пол. Если есть хоть капля крови, то вопрос исчерпан, потому что она не раз мыла здесь полы после убийства. Тогда это будет значить, что и на ручке кровь недавно и это никак не связано с преступлением.

Крови нигде не было, даже в углах, где соединяются плинтусы. Лора в тревоге прикусила губы, потом попробовала успокоиться. Полиция же арестовала убийцу. Если кровь появилась после убийства, то это только лишнее доказательство, что преступник именно он. Лора тяжело вздохнула. Стоп, нет, она ужасно глупа. Просто у одного из студентов пошла носом кровь, закружилась голова, и он захотел глотнуть свежего воздуха. Минутку Лора дышала спокойнее, пока не вспомнила, как у ее собственных детей текла носом кровь. Тогда они бежали в ванную, а не к окну.

С другой стороны, зачем свежий воздух убийце, если он не нужен тому, у кого пошла носом кровь? Лора взяла чистую салфетку, решив все же проверить, не осталось ли следов на полу. Если у окна что-то произошло и об этом никто не знает, то следы где-нибудь да останутся, а неопытная уборщица их просто не увидит. Перекрестившись, Лора загадала: если на тряпке кровь больше не появится, то это знак свыше, что она все слишком близко принимает к сердцу и видит все в черном цвете. В противном случае она уведомит полицию, даже если этим подведет такого славного человека, как Триггви. Филиппинка опустилась на колени и медленно повела салфеткой вдоль стены, стараясь попадать под плинтус. Ничего. Тряпка оставалась чистой, если не считать нескольких соринки и обычной грязи. Ей стало легче, и она поднялась, обрадованная результатами. Что за глупость втемяшилась ей в

голову? Да мало ли почему испачкана оконная ручка. Вероятно, на ее психике сказывается, что она сильно испугалась, увидев изуродованный, чудовищный труп. Лора снова перекрестилась.

Уходя, она почему-то все время смотрела на дверной порог. Он был выше, чем плинтусы, и она пробежалась тряпкой вдоль стыка. Ткань застряла. Филиппинка присела и попробовала ее вытащить. В щели мелькнуло что-то серебристое. Лора поискала глазами, чем бы это можно достать, взяла со стола линейку и попыталась подцепить неизвестный предмет. После нескольких попыток ей это удалось.

Предмет оказался маленькой стальной звездочкой размером с ноготь. Лора положила ее на ладонь и тщательно рассмотрела. Звездочка казалась знакомой. Где же она ее видела? На догадки уже не оставалось времени — не хочется опаздывать на занятия, а надо еще закончить с окнами. Она положила звездочку в карман, чтобы потом отдать Триггви. Возможно, он поймет, откуда она. Звездочка с убийством уж точно не связана; не больше, чем кровь на ручке, для которой, как решила Лора, есть какое-нибудь простое объяснение. Или связана? Ей вдруг вспомнился палец... Она перекрестилась, отгоняя отвратительный образ. Стоит все-таки поговорить с Глорией. Девушка должна работать в ближайшие выходные, Лора тоже. Возможно, она расскажет чуть больше, чем сообщила остальным и полиции.

Марта Мист стояла в коридоре, вальяжно прислонясь к стене. Ее достало, что уборщица так долго возится. Какая там может быть работа? Выкинуть пару жестяных банок, сполоснуть пару чашек и протереть пол. Она посмотрела время на мобильнике. Гадство! Эта дура небось до сих пор дрыхнет. Марта Мист поискала номер Бриет и нажала соединение. Пусть только попробует не ответить. Мало что бесило Марту Мист сильнее, чем подозрение, что тот, кому она звонит, может посмотреть на дисплей, увидеть, что это она, и не ответить. Оказалось, что она бесилась напрасно.

— Привет, — сказала Бриет.

Марта Мист пропустила формальности.

— Я не нашла, — сказала она раздраженно. — Ты точно положила в ящик?

— Вот черт, вот лажа, — заныла Бриет. — Конкретно туда. Ты же за мной секла.

Марта Мист язвительно засмеялась.

— И что? В ту ночь у меня двоилось в глазах.

— Я туда положила, точно помню, — настаивала Бриет. — Что я скажу Халлдору? У него крыша поедет.

— Ничего. Не говори ему ни фиги.

— Но...

— Не нокай. Ну нет, и что теперь? А вообще, что ты надумала?

— Ну... Не знаю, — беспомощно ответила Бриет.

— Тогда считай, что тебе повезло, поскольку я знаю. Я разговаривала с Андри, и он со мной согласен. Мы ничего не скажем и делать ничего не будем, потому что сделать ничего не можем. — Она опустила тот факт, что ей потребовалось двадцать минут, чтобы уговорить Андри ничего не рассказывать Халлдору. Затем она добавила более мягким тоном: — Да не волнуйся. Если бы возникла заморочка, мы бы уже знали.

Дверь открылась, и уборщица вышла. Судя по выражению ее лица, в мире ассенизационных технологий произошла революция. Или ее заставили съесть лимон.

«Наконец-то», — отметила Марта Мист и отлепилась от стены.

— Бриет, — сказала она в телефон. — Уборщица свалила. Я посмотрю еще раз. Потом перезвоню.

Она отключилась, не дожидаясь «пока» от Бриет. Все было чертовски геморрно.

Тора подняла глаза от вороха бумаг на письменном столе Гаральда, разогнула спину и повернулась к Маттиасу, который сидел в кресле в углу и, как и она, просматривал бумаги. Они начали с них, несмотря на то что полиция все изъяла при обыске, основательно перелопатила и за ненадобностью вернула три картонные коробки, доверху заполненные документами. Через час чтения Тора уже не улавливала суть. Большая часть бумаг была связана с учебой Гаральда, другая — финансово-бюрократические документы и переписка. Те, что были на исландском, Маттиас складывал в стопку рядом с Торой.

— А что мы, собственно говоря, ищем? — неожиданно спросила она.

Маттиас положил свою пачку на приставной столик и устало потер глаза.

— Намеки, зацепки, нити — что-то упущенное полицией. Например, объяснение, что случилось с деньгами Гаральда. Вдруг мы случайно наткнемся...

— Это бессмысленно, — перебила его Тора. — То есть я хочу сказать, что нам, возможно, следует заняться чем-то конкретным — например, попытаться установить, кто мог быть причастен к убийству или кому оно выгодно. У меня совершенно нет опыта в расследовании убийств, но я хочу ясно понять, что ищу, прежде чем и дальше разбирать бумаги. Меня пугает, что придется просматривать их еще раз, если в самом конце нас вдруг осенит.

— Да, понимаю, — ответил Маттиас. — Даже не знаю, что сказать. Увы, мы не ищем что-то определенное. Возможно, мы вообще ничего не ищем. На самом деле мы просто пытаемся постичь, чем была жизнь Гаральда до убийства и какие обстоятельства и события привели к тому, что произошло. Если по ходу возникнет нечто, что выведет нас на убийцу, то это большая удача. Попытайся сузить направление поиска, сказав себе, что основным мотивом любого убийства может быть ревность, гнев, выгода, месть, безумие, самозащита, сексуальное извращение.

Тора ждала продолжения, но Маттиас завершил список.

— Все? — спросила она. — Маловато.

— А кто говорил, что я спец? — парировал Маттиас. — Конечно, мотивов гораздо больше, но это все, что сразу приходит в голову.

Тора задумалась, потом сказала:

— Хорошо, назовем их основными. Какие из них можно соотнести с убийством Гаральда? У него была женщина? Есть ли тут мотив ревности?

Маттиас пожал плечами:

— Кажется, он был одинок. Однако ревность все же могла сыграть свою роль. Не исключено, что его любили без взаимности. — Он с минуту поразмышлял и добавил: — Обычно женщины убивают по-другому — не душат, поэтому маловероятно, что это преступление на почве ревности.

— Да, — задумчиво согласилась Тора. — Если только это не преступление на почве ревности, совершенное другим мужчиной. Скажем, если Гаральд был геем?

Маттиас пожал плечами:

— Нет, геем он не был.

— Откуда ты знаешь?

— Уверен, и все, — отрезал он и, заметив на лице Торы неудовлетворенность его

ответом, добавил: — Не знаю почему, но я всегда точно могу сказать, когда мужчина играет не на той стороне. Чувствую это интуитивно.

Тора решила дальше не углубляться, но что-то ей подсказывало, что, вероятнее всего, Маттиас не лучше других ориентируется в сексуальных склонностях окружающих. Ее бывший муж тоже уверял, что в этом разбирается, и Тора бесчисленное количество раз ловила его на ошибках. Она сменила тему.

— Изнасилования, похоже, не было, как не было признаков и другой сексуальной активности, так что это можем исключить.

— И наш список возможных мотивов изрядно сократился, — иронически заметил Маттиас. — Мы почти у цели.

Тора и бровью не повела.

— А как ты думаешь, из-за чего его убили?

Маттиас некоторое время пристально на нее смотрел, а потом ответил:

— Наверное, деньги играют некоторую роль. Однако я не могу отделаться от чувства, что здесь замешан его интерес к колдовству: глаза, вырезанный на теле символ... Вот только вычислить мотив не получается, и это не дает мне покоя. Зачем убивать из-за колдовства или чего-то еще, что случилось много веков назад?

— А по мне, так это притянута за уши. Полиция наверняка расследовала эту версию и не нашла связи между убийством и черной магией. Не могли же они отмахнуться от того, что сделано с телом, — сказала Тора и быстро добавила: — И не говори, что они просто тупые. Это уж слишком упрощенно.

— Здесь ты права, — согласился Маттиас. — Они действительно проверяли — и не усмотрели связь. Думаю, они посчитали увлечения Гаральда или безумием, или шарлатанством. Они пришли сюда, увидели, что висит на стенах, и приняли Гаральда за ненормального. Для них вся эта изысканная и дорогая старина — явный бзик, что, кстати, не слишком отличается от твоей реакции.

Маттиас подождал, а когда Тора не ответила, продолжил:

— Наличие наркотиков в крови Гаральда усугубило впечатление. В глазах полиции он чокнутый наркоман-садист, которого последний раз видели в компании таких же отморозков. У его подельника не оказалось алиби, к тому же он был накачан наркотиками по полной. Это не такая уж бессмыслица, и фактов вполне достаточно, чтобы сделать заключение, но мне этого мало. Остается слишком много вопросов...

— Другими словами, ты считаешь, что исследования Гаральда, его интерес к охоте на ведьм и колдовству связаны с убийством? — Тора надеялась, что он ответит «нет». Потому что если «да», то ей надо тут же положить больше половины бумаг для подробнейшего изучения, чего откровенно не хотелось.

— Ну, я не убежден на сто процентов, — сказал Маттиас. — Но начинаю серьезно подозревать, что так оно и есть. Посмотри хотя бы на это...

Он порылся в пачке бумаг у себя на коленях и передал Торе бумажный вариант электронного письма от Гаральда какому-то malcolm@gruniv.uk.

Оно было написано по-английски за восемь дней до убийства.

«Привет, Мал!

Если стоишь, то сядь, приятель. НАШЛОСЬ! ПРЕМНОГО БЛАГОДАРЕ!
Зови меня теперь „ваша светлость“. Я знал, я знал, я знал... нет, что ты, я вовсе не

вину тебя за скептицизм. Честное слово.

Осталась пара пустяков — один хренов идиот пытается грести назад. И так, приготовься к новостям — абсолютно потрясающим. Я подумываю отпраздновать, если понимаешь, о чем я. Будем на связи, дружище-мудище.

Г.».

Прочитав, Тора посмотрела на Маттиаса:

— Думаешь, это улика?

— Может быть, — ответил Маттиас. — А может быть, и нет.

— Полиция наверняка разыскала этого Малькольма. Не может быть, чтобы они только распечатали e-мейл и на этом успокоились!

— Может быть... — Маттиас пожал плечами. — А может быть, и нет.

— Ну, нам-то точно никто не мешает с ним связаться и узнать, что именно Гаральд нашел.

— И знает ли этот Мал что-нибудь о том хреновом идиоте, которого Гаральд имел в виду.

Тора отложила письмо в сторону.

— Где его компьютер? У него же должен быть компьютер.

И показала на мышь на столе.

— В полиции, — ответил Маттиас. — Скорее всего его вернут вместе с остальными вещами Гаральда.

— Может быть, мы найдем в компьютере и другие e-мейлы, — с надеждой сказала Тора.

— А может быть, и нет, — улыбаясь, отозвался Маттиас. Он встал и дотянулся до полки над столом. — Вот возьми, дома считаешь. Прекрасный вводный курс к внутреннему миру Гаральда.

Он дал ей «Молот ведьм» в мягкой обложке.

Тора взяла книгу и удивленно посмотрела на Маттиаса:

— Совсем новая книга. Неужели это правда, что ее до сих пор издают?

Он кивнул:

— Да, хотя вряд ли она хорошо продается. Ее покупают разве что из любопытства. Впрочем, когда читаешь, то понятно, что так было не всегда.

Тора положила книгу в сумку, встала и потянулась.

— Можно воспользоваться туалетной комнатой?

— Может, да. А может быть, и нет... — Маттиас улыбнулся и поспешил добавить: — Думаю, это допустимо. Если вломится полиция и захочет там продолжить расследование, то я их задержу, пока ты не выйдешь.

— Какой ты милый.

Тора прошла в коридор. Здесь также висели картины и старинные реликвии. Ей было любопытно на них взглянуть, хотя скорее они вызывали ужас. В общем, Тора слегка притормозила, как это делают водители, проезжая мимо аварии. Картины, вероятно, тоже из домашней коллекции, потому что тема прежняя: смерть и дьявол.

В отличие от других помещений ванная комната мало что могла рассказать о бывшем владельце. Несколько предметов упорядоченно стоят в открытых шкафах — все подходит

друг другу и общему дорогому стилю. Тора взглянула в кристально чистое зеркало над раковиной, пробежалась пальцами по волосам. В одном из шкафчиков она заметила зубную щетку, которой явно никогда не пользовались. Потом она осмотрелась внимательнее. Наверняка в квартире есть другая туалетная, которой пользовались. А этой — нет, уж слишком она безукоризненна.

Вернувшись в кабинет, Тора встала на пороге и произнесла:

— Здесь должна быть еще одна туалетная комната.

Маттиас с удивлением и интересом посмотрел на нее:

— С чего ты взяла?

— Той, что рядом с прихожей, практически не пользовались. Нет признаков, что Гаральд хоть раз использовал коробочку с зубной нитью. К тому же она слишком подходит к остальному по цветовой гамме.

Маттиас ухмыльнулся.

— Высший бал! Не рассказывай теперь, что не знаешь, как вести расследование. — Он показал в ту часть квартиры, где они были до того. — Она там. В спальне.

А ведь точно, она видела в спальне дверь, но решила, что это гардеробная. Так. Продолжить разбирать бумаги или пойти посмотреть? Пойти посмотреть. Обнаружив вторую туалетную комнату, Тора улыбнулась. Душ вместо ванны, но во всем остальном — как в любом доме. Средства гигиены стоят на раковине как попало, ничто ничему не соответствует. Тора засунула голову в душевую кабинку. На стенной полке две бутылочки шампуня, одна перевернутая, бритва, кусок мыла и тюбик зубной пасты. С душевого крана свисает флакон геля для душа. Все это выглядело так знакомо, что Тора почувствовала некоторое облегчение.

И уже совсем ее успокоила подставка для журналов рядом с унитазом — если это не типично для одиноких людей, тогда она не знает, что типично. Тора порылась в журналах: несколько по автомобилям, один исторический вестник, два экземпляра «Шпигеля», журнал о татуировках и «Бунте». Странно. «Бунте» — чисто женский журнал, с такими же историями про знаменитостей, какие печатает «Хелло». Вот уж никогда бы не подумала, что Гаральд читал эти сплетни. С обложки улыбались Том Круз и Кэти Холмс, заголовок объявлял, что «Том Круз готовится стать отцом». Прибавление в семействе звездной пары интересовало Тору, как статья про выращивание огурцов, и она положила журнал на место.

— Я так и знала, — торжествующе сказала она, вернувшись в кабинет.

— Я тоже знал, — ответил Маттиас. — Я только не знаю, что ты знала.

Тора уже собралась перещеголять его в остроумии, как зазвонил ее мобильный. Она достала его из сумки.

— Мам, — сказала Соулей тоненьким голоском. — Когда ты вернешься?

Тора посмотрела на часы. Как поздно, оказывается!

— Очень скоро, милая. У тебя все хорошо?

Молчание, и затем:

— Да... Мне скучно. Гильфи со мной играть не хочет. С ним неинтересно. Он там прыгает на кровати, вопит и меня к себе не пускает.

Хотя Торе сложно было представить себе эту сцену, ясно одно — из Гильфи плохой бебиситтер.

— Послушай, милая, — нежно сказала она. — Я скоро приду. Скажи своему брату, что хватит валять дурака, пусть выходит и играет с тобой. До встречи.

Они разъединились. Тора, убирая телефон обратно в сумку, заметила свою записку с вопросами к Маттиасу. Она вытащила ее и развернула.

— Я бы хотела задать пару вопросов о документах из черной папки.

— Пару? — удивленно переспросил он. — Я предполагал, что их будет больше, а пара — как минимум. Задавай!

«Черт, — подумала Тора, — неужели я много чего упустила?»

Она сделала умное лицо.

— Я отметила только главное, второстепенного там так много, что все не запишешь. — Она улыбнулась и продолжила: — Например армия. Зачем в папке эти документы, если Гаральда признали непригодным по медицинским показаниям?

— Военная служба, да... Я включил их, чтобы ты как можно полнее представляла себе жизнь Гаральда. Может быть, они не относятся к делу, но кто знает, куда приведет цепочка.

— Ты предполагаешь, что можно найти связь между убийством и его службой в армии? — скептически спросила Тора.

— Напрямую нет, — ответил Маттиас и пожал плечами. — Впрочем, когда речь идет о Гаральде, никогда нельзя сказать наверняка.

— Почему он вообще оказался в армии? — спросила Тора. — Судя по тому, что я о нем узнала, он скорее должен был быть пацифистом.

— Ты абсолютно права. Его, как и всех, призвали, но при других обстоятельствах он бы определенно пошел на альтернативную гражданскую службу: в Германии у молодых людей есть право выбора.

Тора кивнула.

— Тем не менее он этим правом не воспользовался. Незадолго до призыва умерла Амелия, и смерть сестры глубоко его потрясла. Подозреваю, что он принял решение в момент душевного кризиса. Это случилось в начале 1999-го, а в ноябре или декабре Германия посылала войска в Косово в составе миротворческого контингента. Гаральд охотно туда отправился. Я не в курсе подробностей его военной службы, но точно знаю, что он был образцовый новобранец, стойкий и выносливый. Так что происшествие в Косово для всех явилось полной неожиданностью.

— А что случилось? — спросила Тора.

Маттиас криво усмехнулся.

— История комедийная — до некоторой степени. Особенно принимая во внимание, что экспедиция в Косово стала первой немецкой военной миссией за границей со времен Второй мировой войны. До тех пор немецких солдат привлекали только к вспомогательной службе по охране складов и обслуживанию полевых госпиталей. Так что было жизненно важно, чтобы наши военнослужащие вели себя идеально.

— А Гаральд вел себя плохо, так?

— О нет. Лучше сказать, что для него все неудачно сложилось. Полк находился в Косово уже около трех месяцев, когда арестовали серба, владевшего, как подозревали, информацией о взрыве, от которого погибли три немецких солдата и многие получили ранения. Серба держали в подвале дома, где располагался полк; пленник провел там две или три ночи, однако ни в чем не признавался. В ту ночь Гаральд стоял на карауле. Он, видимо, сказал старшему по званию, что сможет получить нужную информацию, и ему разрешили провести допрос. — Маттиас посмотрел на Тору. — Разумеется, человек, который ему это позволил, понятия не имел, что Гаральд весьма сведущ в истории пыток. Должно быть, он себе

представлял, что Гаральд время от времени будет просто заглядывать в дверь и задавать невинные вопросы.

Тора широко раскрыла глаза.

— Он что... его пытал?..

— Скажем так, этот серб с радостью поменялся бы местами с иракцами из пирамиды голых в тюрьме «Абу-Грейб». Я не оправдываю случившееся, но по сравнению с тем, что несчастный вынес в ту ночь, американские издевательства показались бы ему просто Диснейлендом. К моменту когда Гаральда пришли сменить, серб рассказал все, что знал, и даже больше. Гаральд считал, что достоин похвалы, но вместо этого был моментально демобилизован — как только его начальник увидел едва дышащую грудку свежего мяса, лежащую в луже крови. Конечно, дело замяли, поскольку это подрывало репутацию армии. Во всех официальных документах сказано, что Гаральда комиссовали по состоянию здоровья.

— А как об этом узнал ты? — спросила Тора, радуясь хотя бы тому, что может задать вполне нормальный вопрос.

— Я много чего знаю, — загадочно ответил Маттиас. — Я разговаривал с Гаральдом, когда он вернулся из Косово. Он стал другим человеком, это точно. То ли опыт военной жизни его изменил, то ли вкус крови... Он стал даже более странным, чем раньше.

— В чем?

— Просто более странным, — ответил Маттиас. — И внешне, и в поведении. Вскоре он поступил в университет и начал жить отдельно, так что я его почти не видел. Изредка мы все же пересекались, и было очевидно, что он попал в порочный круг. Примерно тогда же умер единственный близкий ему человек — его дед. Возможно, и это сыграло свою роль.

Тора не знала, что сказать. Гаральд Гунтлиб определенно был необычным человеком. Записи напомнили ей про жертву эротической асфиксии из газетной вырезки, но она решила, что на сегодня с нее хватит. Взглянув на время, она увидела, что уже поздно.

— Маттиас, мне пора домой. Список вопросов еще не весь, но надо переварить все то, что я сегодня узнала.

Они быстро сложили бумаги, убедившись, что не перепутали рассортированные стопки. Подумать страшно, если бы пришлось разбирать их заново. Аккуратно положив сбоку последнюю пачку, Тора повернулась к Маттиасу.

— А Гаральд составил завещание? На все свое имущество?

— Да, составил. Кстати, не так давно. То есть завещание было и раньше, но он его изменил в середине сентября. Он даже ездил в Германию, встречался с юристом Гунтлибов, подписал новый вариант. Но никто не знает, что в нем сказано.

— Неужели? — удивленно спросила Тора. — А почему?

— У завещания две части, и есть указание вскрыть сначала одну, потом другую. В первой говорится, что вторую нельзя открыть, пока Гаральда не похоронят, а это еще невозможно из-за расследования.

— И это все, что там говорится?

— Нет, он также дал распоряжение, где его похоронить.

— Где же?

— В Исландии. Это весьма странно, учитывая, что он прожил здесь недолго. Похоже, твоя страна его пленила. Есть еще одно указание: родители должны присутствовать на похоронах и стоять в ногах могилы до тех пор, пока гроб не опустят. Если они не согласны,

то все имущество переходит татуировочному салону в Мюнхене.

Тора попросила повторить.

— Значит, он считал, что они не захотят приехать?

— Очевидно, да, — ответил Маттиас. — Но он сделал так, что они теперь не смогут отказаться. Его родителям явно не понравится быть героями всех «желтых» изданий из-за того, что их сын оставил кругленькую сумму тату-салону.

— И все достанется им? — спросила Тора. — В случае если они появятся на похоронах?

— Нет, — ответил Маттиас. — Да им и не надо, они просто не хотят огласки, и все. — Он ненадолго задумался. — Возможно, большую часть унаследует его сестра Элиза. Незначительная часть денег отойдет кому-то здесь, в Исландии. Когда на юриста надавили, он очень ясно на это намекнул. В соответствии с указанием Гаральда, вторая часть завещания открывается здесь.

— Интересно, кто бы это мог быть...

— Даже не представляю, — откликнулся Маттиас. — Но если он или она знали об этом, то у них был достаточно веский повод для убийства.

Тора с радостью покинула квартиру. Она устала и хотела домой, к детям. И все же ее не оставляло тревожное чувство, будто она что-то проглядела. Но как она ни старалась уловить это «что-то», наслаждаясь вечерним морозным воздухом, а потом садясь в машину от «Мастерской Бибби», так его и не нащупала. А когда устроилась на водительском месте, то забыла об этом совсем.

Не все последствия развода позитивны. У развода есть и отрицательные стороны. Например, семейный бюджет создавался объединенными силами, а теперь Тора вынуждена растягивать одну зарплату, латать бреши, образовавшиеся после раскола. Ничтожная сумма, которую она получает от бывшего мужа на содержание детей, не решает все ее финансовые проблемы. Человек почему-то очень легко увеличивает свои расходы и привыкает к комфортной жизни. Переход из стадии «бедный студент» на уровень «работник с постоянной зарплатой» Тора проделала просто и быстро — по крайней мере она не припоминала каких-то особых трудностей. И совсем другое дело, когда возможность тратить сокращается снова, что после развода и произошло.

Ханнес был хирургом в отделении первой помощи — другими словами, имел стабильную и хорошо оплачиваемую работу. Когда они расстались, Торе пришлось отказаться от многого, что она уже привыкла считать само собой разумеющимся. Теперь нельзя было ужинать в ресторанах, проводить выходные за границей, покупать дорогую одежду и позволять себе многое другое, что обычно позволяют себе люди, которым не надо беспокоиться о деньгах. Хотя не все неудобства связаны только с отсутствием денег («И секса», — промелькнуло где-то внутри у Торы), больше всего ей не хватало помощницы, которая раньше дважды в неделю приходила убирать дом. Тора отказалась от ее услуг, просто чтобы сводить концы с концами. И вот теперь она стояла рядом с кладовкой и пыталась, не прищемив все время выскакивающий шланг пылесоса, закрыть дверь. Когда у нее наконец получилось, Тора вздохнула с облегчением. Она только что прошла им по всему дому — более двухсот квадратных метров, — и была очень довольна собой.

— Ну разве это не чудо? — спросила она дочку, которая сидела на кухне и что-то увлеченно рисовала.

Соулей подняла глаза.

— Что «это»?

— Полы, — ответила Тора. — Я их пропылесосила. Посмотри, какие они теперь чистые!

Девочка посмотрела на пол, потом снова на маму.

— Вот, ты пропустила! — Зеленым карандашом она ткнула на комочек пыли, прицепившийся к ножке стула.

— Ох, простите, мисс Минни Маус! — сказала Тора, целуя ее в макушку. — А что это такое интересное ты рисуешь?

— Вот это ты, это я, а это Гильфи, — ответила Соулей, показывая на три фигурки разного размера. — У тебя красивое платье, у меня тоже. А Гильфи в шортах. Это картинка про лето.

— Ух ты, какая я красивая! — сказала Тора. — Обязательно куплю себе к лету такое платье. — Она посмотрела на часы. — Ну, идем, почистим зубки. Пора спать.

Пока Соулей собирала карандаши, Тора поднялась наверх, легонько стукнула в дверь комнаты сына и вошла.

— Ну разве они не как новенькие? — Она попыталась обратить и его внимание на полы.

Гильфи сразу не ответил. Он лежал на кровати и разговаривал по мобильному. Увидев

ее, быстро попрощался и полупшепотом сказал кому-то, что перезвонит. Он положил телефон, подтянулся на кровати и теперь полусидел. Торе показалось, что сын чем-то потрясен.

— Ты как себя чувствуешь? Что-то ты бледный.

— Что? — сказал Гильфи. — А, нет, все нормально. Превосходно, да.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Я просто пришла узнать, почувствовал ли ты, что воздух в твоей комнате стал чище и не полагается ли мне поцелуй в награду? Я тут все пропылесосила!

Гильфи сел прямо и обвел комнату отсутствующим взглядом.

— А? О! Ага. Круто.

Тора хорошо знала сына. Что-то было не так. Раньше он бы пожал плечами или проямлил, что ему не важно, какой у него пол. Сейчас его глаза бегали и он старался не смотреть на мать. Что-то произошло. У нее внутри екнуло. Она плохо о нем заботится. С момента развода Гильфи из мальчика вырос в юношу, а она слишком занята собой и своими проблемами и не уделяет ему должного внимания. И теперь вот не знает, что делать. Больше всего ей сейчас хотелось крепко обнять сына и запустить пальцы в его без нужды длинные волосы, но это выглядело бы глупо — то время ушло, слишком поздно.

— Эй, — сказала она, кладя руку на его плечо. Он смотрел в сторону, и Торе пришлось вытягивать шею, заглядывая ему в лицо. — Я же вижу — что-то не так. Расскажи мне. Обещаю, что не рассержусь.

Гильфи задумчиво на нее посмотрел, но ничего не ответил. Тора заметила капельки пота у него на лбу и подумала, не простудился ли он.

— У тебя температура? — Она тыльной стороной ладони проверила его лоб.

Гильфи ловко увернулся.

— Нет-нет. Вовсе нет. Просто... плохие новости...

— О? — сказала Тора настороженно. — А кто звонил?

— Сигга... То есть Сигги... — начал Гильфи, не глядя матери в глаза, и поспешно добавил: — «Арсенал» проиграл «Ливерпулю».

Тора не вчера родилась и прекрасно поняла, что он только что придумал эту отговорку. Среди друзей Гильфи она не помнила никого по имени Сигги, хотя, конечно, у него было бесчисленное количество приятелей, чьих имен и даже лиц она не знала. Но зато она прекрасно знала своего сына и понимала, что он не такой уж футбольный фанат и не станет расстраиваться из-за результатов английской премьер-лиги. Но сейчас надо решить, стоит ли продолжать расспросы. Учитывая ситуацию, она рассудила, что лучше оставить его в покое — пока.

— Ну надо же... Вот дрянь. Проклятый «Ливерпуль», — Тора посмотрела сыну в глаза. — Если тебе нужно поговорить со мной, обещай, что не станешь стесняться. — Увидев беспокойство на его лице, она тут же добавила: — Об игре, я имею в виду. Об «Арсенале». Ты всегда можешь ко мне прийти, сынок. Я не решаю мировых проблем, но могу попытаться преодолеть те, что касаются нашей семьи.

Гильфи смотрел на нее и молчал. Слабо улыбнувшись, он проямлил что-то о сочинении, которое ему нужно закончить. Тора поспешно согласилась с его враньем, вышла из комнаты и закрыла дверь. Она представления не имела, какие неприятности могут расстроить шестнадцатилетнего мальчика, — она никогда им не была и неотчетливо помнила собственный подростковый период. Все проблемы, которые возникали, были

девчоночьими. Может, он влюбился? Тора решила выяснять это с помощью дипломатии. Утром за завтраком она как бы мимоходом что-нибудь спросит. К тому времени, может, и кризис пройдет. Не исключено, что это лишь буря в стакане — гормоны играют.

Тора почистила зубы дочке, прочитала ей сказку и устроилась на диване перед телевизором. Она позвонила матери, которая вместе с отцом уехала в отпуск на Канары. Каждый раз, когда Тора звонила, ее неизменно приветствовала перепалка родителей. Несколько дней назад они ругались из-за творога, который не купили к завтраку: настоящая катастрофа! А сейчас, если верить матери, причиной стал гостиничный телевизор и канал «Дискавери».

На прощание мать устало сказала, что сейчас завалится рядом с отцом, большим любителем этого канала, и узнает все о брачных повадках насекомых. Про себя улыбнувшись, Тора положила трубку и тоже стала смотреть телевизор. Когда она уже засыпала под вульгарное реалити-шоу, зазвонил телефон. Она села на диване и ответила, стараясь не выдать, что секунду назад клевала носом:

— Тора слушает.

— Привет, это Ханнес, — раздался голос на другом конце провода.

— Привет. — Неужели она никогда не перестанет чувствовать себя неловко, разговаривая с бывшим мужем? Увы, эта мучительная искусственность неизбежна при переходе от интимной близости к обычной вежливости. Такое же состояние бывало у нее при случайных встречах со старыми друзьями или с мужчинами, с которыми она спала, будучи моложе. Подобных эпизодов не избежать, живя в такой маленькой стране, как Исландия.

— Послушай, я насчет выходных. В пятницу заеду за детьми попозже. Хочу поучить Гильфи водить и считаю, что лучше сделать это после часа «пик», около восьми.

Тора сказала «да», хотя прекрасно понимала, что задержка никак не связана с уроком вождения. Ханнесу, видимо, надо чуть дольше поработать, поскорее всего он собрался в спортзал. Ее бывший совершенно не способен взять на себя хоть какую-то ответственность, из-за этого они и после развода бесконечно спорили. У него всегда виноват или кто-то другой, или какие-то фантастические обстоятельства, с которыми ничего нельзя поделать. Впрочем, теперь это не ее забота, а Клары, его новой подружки.

— Чем вы будете заниматься в выходные? — Тора спросила, лишь бы что-то спросить. — Какую одежду мне им собрать?

— Наверное, мы поедем верхом, так что подбери что-нибудь соответствующее, — ответил Ханнес.

Клара любила лошадей и втянула в это Ханнеса. А для Гильфи и Соулей это был источник непрекращающихся страданий. Они унаследовали нервную организацию Торы, во всяком случае, ее гены страха передались им в двойном размере. У Торы не вызывала энтузиазма езда по обледеневшим трассам, карабканье по горам, канатная дорога и сырая еда — ее напрягало все, что могло плохо кончиться. При этом, непонятно почему, она не боялась самолетов. Словом, она прекрасно понимала ужас своих детей от перспективы «покататься на лошадках». Как и они, Тора считала, что любая прогулка верхом может оказаться последней. Ханнес отказывался принимать страх детей как данность, все время пытался переубедить их, доказать, что в конце концов им понравится и они пристрастятся.

— Может, не стоит? — сказала Тора на всякий случай, хорошо зная, что это бесполезно — ничто не поколеблет планы Ханнеса. — Гильфи какой-то подавленный, и мне кажется,

прогулка верхом не совсем то, что ему сейчас нужно.

— Чушь, — отрезал Ханнес. — Он становится настоящим наездником.

— Ты так считаешь? В общем, поговори с ним. Я подозреваю, он страдает из-за девушки, а ты в этом понимаешь больше, чем я.

— Страдает?.. Из-за девушки?.. Да что я в этом понимаю?! — занервничал Ханнес. — Ему всего шестнадцать. Это несерьезно.

— Ну может, девушка ни при чем. И все же не забудь о моей просьбе, скажи ему несколько мудрых слов.

— Мудрых? О чем? Что ты имеешь в виду? — Ханнес пытался открутиться, и Тора улыбнулась.

— Ну, которые помогут ему справиться с жизненными неурядицами... — Она чуть не засмеялась.

— Ты шутишь, — с надеждой произнес Ханнес.

— Не шучу, — ответила Тора. — Я на тебя полагаюсь, ты придумаешь, как с ним поговорить. Когда наша дочь подрастет и у нее начнутся сложности с мальчиками, я найду, что ей сказать. Попробуй сделать это во время прогулки верхом, ну, будто просто болтаете, покачиваясь в седлах.

Они закончили разговор, и Тора почувствовала, что уменьшила вероятность конных состязаний. Она снова попробовала погрузиться в телевизионную нереальность, но тщетно, потому что телефон опять зазвонил.

— Прости, что так поздно, но почему-то мне взбрело в голову, что ты наверняка обо мне думаешь, — невозмутимо заявил Маттиас после обмена приветами. — Я решил тебя пожалеть и дать послушать свой голос.

Тора обалдела. Он или сошел сума, или пьян, или издевается.

— Не угадал. Ты не за этим меня застукал.

Она потянулась к пульту и приглушила звук, чтобы Маттиас не услышал, какой трэш она смотрит.

— Я читала.

— И что ты читала?

— «Войну и мир». Достоевского, — солгала Тора.

— Да ну? Это что-то вроде «Войны и мира» Толстого?

Тора от досады стиснула кулаки. Ну почему она не назвала Халлдора Лакснесса!^[2] Или другого исландского автора, чтобы он точно не знал. Она иногда немного привирала, но у нее всегда это плохо получалось.

— Я имела в виду Толстого. Что-то случилось? Или ты звонишь, чтобы поговорить о литературе?

— Нет, я просто не туда попал, — продолжал острить Маттиас. Но когда Тора не ответила, он сказал: — Извини. Мне только что звонил адвокат подозреваемого.

— Финнюр Богасон? — спросила Тора.

— Именно эти звуки я бы произнес, если бы говорил по-исландски, — ответил Маттиас. — Он сообщил, что мы можем завтра встретиться с его клиентом.

— Нам разрешили?! — изумилась Тора. Вообще-то посторонним нельзя встречаться с теми, кого держат в предварительном заключении.

— Этот Фэнюр, — Маттиас произнес имя адвоката на французский манер, — убедил полицию, что мы вместе готовим защиту. Хотя это так и есть, только косвенно.

— И почему он на это пошел?

— Скажем так, я немного его стимулировал.

Тора больше не спрашивала, не желая втягиваться в закулисные игры. Маттиас вряд ли запугал адвоката — скорее всего просто пообещал ему денег, а это, мягко говоря, неэтично. Гораздо спокойнее считать, что они действуют как представители защиты.

Однако к черту этику. С Хюги надо встретиться. Вдруг он все-таки виновен. Надо составить о нем личное впечатление, оно всегда крайне важно — посмотреть на него, понаблюдать, что называется, за языком тела.

— Тогда нам стоит немедленно этим воспользоваться. С Хюги необходимо поговорить.

— Согласен. Даю подтверждение этому Фие-неру.

— Почему он так поздно позвонил? — спросила Тора. — Или он только вечером получил разрешение?

— Нет-нет. Он оставил для меня сообщение в отеле, а я вернулся лишь недавно. Номера моего мобильного у него нет, я его всем подряд не раздаю.

Тора ненавидела себя за то, что ей ужасно захотелось узнать, где был Маттиас после того, как они расстались. Хотя скорее всего он просто ходил поесть.

Они договорились, что завтра в девять он заедет за ней на работу и дальше они из города поедут в тюрьму Литла-Хрёйн. Тора посмотрела в окно на падающий снег и всем сердцем понадеялась, что Маттиас умеет водить по зимним дорогам. А если нет, то они могут и влипнуть.

8 декабря 2005 года

Когда пришел Маттиас, Тора сидела за компьютером. Она только что закончила отвечать на вчерашние письма, но большинство из них отдала Тору. Брайи весь сиял, приветствуя ее этим утром. Он все еще носился с идеей, что работа на немцев станет их путевкой в жизнь, то есть волшебным источником нескончаемых заказов. Поскольку Тора сама была рада, что занимается одним делом, а не разбрасывается на множество мелких, то и его не хотела возвращать с неба на землю.

Она написала таинственному Малькольму, коротко рассказав ему о смерти Гаральда и о том, что она и Маттиас Райх представляют семью Гунтлиб. В конце она вежливо попросила с ней связаться, если у него есть важная информация. Белла сообщила о приходе Маттиаса, но Тора извинилась и попросила, чтобы он пять минут подождал в приемной. Она навела порядок на столе, чтобы уже не возвращаться в офис, и выключила компьютер, довольная своими утренними достижениями. Она даже подумала, что это хороший опыт и стоит приходить на работу пораньше. Дома, конечно, все станет несколько напряженнее, но этот лишний час исключительно продуктивен, потому что не отвлекают бесконечные звонки.

Тора решила, что будет полезно записать разговор с Хюги, и достала из ящика стола диктофон. Проверяя батарейки, она вновь подумала о Гильфи. За завтраком он был как в воду опущенный. Его таинственная проблема не исчезла за ночь, как вчера надеялась Тора. Мальчик сидел с отсутствующим видом, почти ничего не ел, и она едва вытянула из него несколько слов. Зато Соулей, как всегда по утрам, болтала без умолку и не дала ей сосредоточиться на сыне. Надо во всем спокойно разобраться вечером, когда Соулей ляжет спать. Она отбросила мысли о доме, положила диктофон в сумку, вышла из кабинета... и застыла в изумлении.

Секретарша сияла как летнее полуденное солнце. Маттиас сидел на краю стола Беллы и оживленно с ней беседовал. Они так увлеклись, что не заметили Тору, и ей даже пришлось кашлянуть.

Маттиас повернулся:

— А, это ты, а я надеялся, что тебе еще есть с чем повозиться.

Он улыбнулся и подмигнул Торе.

Тора с трудом отвела взгляд от Беллы. Надо же, девушка всего лишь улыбнулась, а так изменилось ее лицо — она стала почти хорошенькой.

— Я думала, мы спешим, — сказала Тора, снимая с вешалки пальто. — Рада видеть тебя такой приветливой, Белла. — Она широко улыбнулась секретарше.

Дружелюбность Беллы тут же исчезла. Обаяние Маттиаса приносило дивиденды только ему.

— Когда ждать? — грубо спросила она.

Торе было неприятно, что ее оборвали, но она ни звуком этого не показала.

— Сегодня я не вернусь, но позвоню, если что-то изменится.

— Ладно, не важно, — раздраженно сказала Белла, будто бы Тора никогда не сообщала, куда и насколько уходит, а это вздор.

— Ты прекрасно слышала, что я сказала. — Отвечать секретарше не стоило, но Тора не сдержалась, хотя тут же пожалела об этом. — Идем, Маттиас.

— Да, мадам, — ответил он, по-прежнему улыбаясь Белле. К большой досаде Торы, та ответила ему взаимностью.

Когда они сели в машину, Тора пристегнула ремень и повернулась к Маттиасу.

— Ты умеешь водить по обледенелым дорогам?

— Увидим, — сказал Маттиас, выезжая со стоянки. Заметив выражение лица Торы, он добавил: — Не волнуйся. Я хороший водитель.

— Если машину станет заносить, главное — не жать на тормоз, — сказала Тора.

— Может быть, ты поведешь?

— Нет, спасибо. Я не выношу эту езду без правил, то есть без тормозов. Если начинает заносить, я забываю все и бессознательно даю на педаль. За рулем я становлюсь ужасно бестолковой.

Торе было очень любопытно, о чем разговаривал Маттиас с Беллой, и когда они проезжали вдоль торфяных болот за городом, она не выдержала.

— О чем же вы беседовали?

— Мы?.. — невинно переспросил Маттиас.

— Да, ты и Белла, моя секретарша. Обычно она страшная бука.

— А, с ней. О лошадях. Пока я здесь, мне бы хотелось поездить верхом. Вся Европа только и говорит: ах эти исландские лошади, удивительные исландские лошади... Белла дала мне несколько советов.

— Она-то что понимает в лошадях? — удивилась Тора.

— Она их очень любит, ты не знала?

— Нет, не знала, — ответила Тора и пожалела ту лошадку, которой приходится выдерживать Беллин вес. — И какой породы ее лошади? Ломовой?

Маттиас отвернулся от дороги и посмотрел на Тору.

— А ты не ревнуешь? — ухмыльнулся он.

— А ты не пьян? — отбрила она.

Через лавовые поля по направлению к горному перевалу ехали молча. Тора любовалась пейзажем из окна автомобиля. Возможно, мало кто с ней согласится, но она считала это место одним из самых красивых в Исландии, особенно летом, когда мох вспыхивает зеленым и его мягкие очертания контрастируют с грубой и неровной лавой. Сейчас земля покрыта снегом и кажется невыразительной, лишенной величавости лета. Однако это царство спокойствия привлекало Тору. Она нарушила молчание.

— Здесь так прекрасно, правда?

Поскольку движения на дороге почти не было, Маттиас посмотрел по сторонам и улыбнулся Торе, как бы объявляя перемирие.

— Надо отдать должное, пейзаж необычный, но более подходящее слово — «суровый». — Он показал на два густых столба дыма, поднимающихся в небо прямо перед ними, и спросил: — А это что? Извержение?

— Всего лишь пар из геотермальных скважин, — ответила Тора. — Впереди электростанция, она производит электричество из пара, который по трубам выходит из-под земли. Отсюда же подается горячая вода для отопления домов Рейкьявика.

Маттиас это оценил.

— Здорово, и никакого загрязнения.

— Ага, — сказала Тора. — Чистый воздух, чистая вода. Очень даже неплохо.

— Ваши офисы тоже могли бы быть почище. Раз уж мы заговорили о гигиене.

— Я тебя умоляю... Они вполне чистые. Мы юристы, а не хирурги. — Тора повернулась к Маттиасу. — Из нас не получается хорошая команда, — сказала она, имея в виду их постоянную пикировку. — Может, стоит поменять тактику?

Он снова ей улыбнулся.

— Ты так считаешь? А я доволен. Ты забавная и гораздо приятнее, чем банковские служащие, с которыми я работаю. У них каменные лица; кажется, что они рассыплются, если раздвинут свои насупленные брови.

Теперь улыбнулась Тора.

— Честно говоря, ты и вполтину не так плох, как Белла. Это я за тобой признаю. — Она помолчала и спросила: — Скажи мне вот что. В папке есть газетная вырезка о парне, который умер, когда делал — не помню как по-научному — короче, эротическое самоудушение. Для чего она там?

— О-о-ох... Ты об этой убийственной прелести... Персонаж статьи был другом Гаральда по Мюнхенскому университету. Должно быть, они оказались родственными душами, потому что вместе выделяли всякие эпатажные фортели. Я не знаю, кто из них кого познакомил с этой сексуальной практикой, но Гаральд божился, что первым начал его приятель. Гаральд присутствовал при смерти друга, его потом допрашивали. В общем, он попал в скверную историю. Стыдно сказать, но кажется, он купил себе выход из этой ситуации — в его банковских выписках есть одно крупное снятие. Ты нашла там мою отметку?

Тора кивнула.

— Я решил, что все это может оказаться важным, поскольку Гаральд тоже задушен. А вдруг он умер так же, как его друг? Хотя это весьма сомнительно.

Они припарковались на стоянке перед забором тюрьмы Литла-Хрёйн и прошли ко входу для посетителей. Надзиратель провел их в маленькое помещение на втором этаже.

— Мы подумали, что вам тут будет удобнее, чем в комнате для допросов, — сказал он. — Хюги тихий, с ним не должно быть никаких проблем. Его приведут через минуту.

— Спасибо, все прекрасно. — Тора вошла внутрь и пристроилась на краешке казенного дивана. Маттиас сел рядом, хотя в комнате стояло несколько стульев.

Он взглянул на нее и сказал:

— Чтобы мы оба смотрели ему прямо в лицо. — Маттиас поиграл бровями. — А еще ужасно приятно сидеть к тебе поближе.

Ответить Тора не успела. Дверь отворилась, и зашел Хюги Торриссон в сопровождении охранника, который придерживал юношу за плечо. Молодой человек наклонил голову, проходя под притолокой. Он был в наручниках, но выглядел таким беспомощным, что они казались не нужны. Когда охранник произнес его имя, Хюги поднял глаза. Обеими руками он отвел со лба мягкие волосы, и Тора увидела, что он очень привлекателен и совершенно отличается от образа, который она себе нарисовала. Трудно поверить, что ему двадцать пять, она дала бы ему семнадцать. Черные брови, большие глаза, и самая приметная черта — тонкие скулы. Если это он убил Гаральда, то ему пришлось напрячь все силы. Вряд ли он мог тащить почти девяностокilограммовое тело.

— Ты ведь будешь вести себя прилично, приятель? — дружелюбно спросил охранник. Хюги кивнул, и охранник снял с него наручники. Затем снова положил руку ему на плечо и сопроводил к стулу напротив Торы и Маттиаса. Юноша сел, или, скорее, осел. Он избегал смотреть им в глаза, отвернул лицо и уставился в пол.

— Если понадобится, то мы в комнате рядом. Впрочем, он не доставит хлопот, — пояснил охранник.

— Хорошо, — сказала Тора. — Мы не задержим его дольше, чем надо. — Она посмотрела на часы. — Скорее всего закончим к полудню.

Охранник ушел, и когда за ним закрылась дверь, то единственный звук в комнате исходил от Хюги, который ритмично скреб пальцем по штанине камуфляжной расцветки. Он так и не взглянул на посетителей.

Заключенным разрешалось носить собственную одежду, и в этом было отличие от американских тюрем, в которых, как Тора знала по фильмам и телепрограммам, заключенные расхаживали в комбинезонах, будто бы сшитых из апельсиновой кожуры.

— Хюги, — произнесла она как можно мягче и по-исландски. Неразумно начинать беседу на английском. По ходу разговора они поймут, возможно ли это в принципе. Не тот случай, чтобы увязнуть в языковых трудностях; если он не говорит на сносном английском, то ей придется взять все в свои руки.

— Вероятно, ты знаешь, кто мы. Меня зовут Тора Гудмундседоттир, и я юрист, а это Маттиас Райх, он из Германии. Мы здесь в связи с убийством Гаральда Гунтлиба, которое расследуем независимо от полиции.

Никакой реакции.

— Мы хотели с тобой встретиться, поскольку не совсем уверены, что ты имеешь к убийству прямое отношение. — Тора выдержала паузу, акцентируя внимание на том, что собиралась сказать. — Мы ищем убийцу Гаральда. На наш взгляд, вполне возможно, что это не ты. Наша цель — найти человека, который убил Гаральда, и если это и вправду не ты, то в твоих интересах нам помогать.

Хюги посмотрел на Тору, но не раскрыл рта и не выказал никакой другой реакции.

— Ты наверняка понимаешь, что если удастся доказать, что кто-то другой, а не ты, убил Гаральда, тогда ты более или менее освободишься от неприятностей, — пояснила она.

— Я его не убивал, — произнес Хюги слабым голосом. — Никто мне не верит, но я его не убивал.

— Хюги, Маттиас немец. Он специалист по расследованиям, но не говорит по-исландски. Ты можешь говорить с нами по-английски, чтобы он тоже понимал? Если нет, все нормально. Главное, чтобы ты понимал наши вопросы и мог легко отвечать.

— Я говорю по-английски, — невнятно сказал Хюги.

— Хорошо, — кивнула Тора. — Если ты чего-нибудь не поймешь или тебе будет сложно отвечать, мы снова перейдем на исландский.

Тора повернулась к Маттиасу и объяснила, что они могут продолжать на английском. Ни секунды не колеблясь, он подался всем корпусом вперед и заговорил:

— Хюги, давай начнем с того, что ты сядешь прямо и посмотришь на нас. Хватит распускать нюни — будь мужчиной, хотя бы пока мы здесь.

Тора вздохнула. Что за мачизм!.. Она приготовилась к тому, что юноша сейчас вскочит, зальется слезами и потребует, чтобы его увели, и они это съедят, поскольку он пришел сюда не по собственному желанию. Вмешиваться было бесполезно, Маттиас шел напролом.

— Ты по серьезному влип, и нет нужды тебя в это тыкать носом, поэтому ты должен сделать все, чтобы помочь нам. В твоем положении проще всего жалеть себя, но жизненно важно действовать как взрослый, а не как ребенок. Сделай, как я сказал: сядь прямо, смотри мне в лицо и главное — отвечай честно. Если будешь вести себя как мужчина, тебе самому

станет лучше. Надо только начать.

Тора поразились, увидев, что слова Маттиаса подействовали на Хюги. Он вышел из состояния эмбриона и постарался принять подобающий мужчине вид. Это было сложно, поскольку выглядел он подростком, но все же преобразился и заговорил ясным и взрослым голосом:

— Мне трудно постоянно смотреть вам в глаза. Я принимаю лекарства, из-за которых чувствую себя не очень, но постараюсь ответить на ваши вопросы.

Тора обратила внимание, что взгляд у Хюги мутный и несфокусированный, как обычно бывает под воздействием транквилизаторов.

— Как вы познакомились с Гаральдом? — спросила она.

— Я встретил его в одной компании. Мы поболтали. Оказалось, что он прикольный. А потом я познакомил его с Дори.

— Дори — это кто? — спросила Тора.

— Халлдор Кристинссон. Он студент, изучает медицину, — ответил Хюги, почти что с нотками гордости в голосе. — Мы с ним дружили с детства, жили по соседству в Граварвогуре.^[3] Он ужасно умный, но не ботаник, всегда рад туснуться.

Тора делала пометки. Хотя она и включила диктофон, но беспокоилась, что запись получится нечеткой. Халлдор — это тот молодой человек, который в ночь убийства пропустил общее сборище и ждал всех в центральном баре.

— Вы с Гаральдом были близкими друзьями?

Хюги пожал плечами:

— Конечно. Хотя не такими близкими, как Гаральд и Дори. Когда я толкал Гаральду... — Он неожиданно остановился на полуслове, и вид у него стал беспокойным.

— Всем чихать, чем ты занимаешься. Рассказывай дальше, — резко сказал Маттиас.

У Хюги дернулся глаз.

— О'кей, — продолжил юноша. — Иногда он называл меня лучшим другом, в шутку, когда приходил за дозой. Он был отвязный и не похож ни на кого из моих знакомых.

— В каком смысле?

— Ну, хотя бы тем, что купался в деньгах и никогда не заморачивался, ставил всем выпивку и все такое. Шикарная квартира, крутая тачка... — Он на секунду задумался. — Но даже не в этом дело. Сам по себе он был круче других. Ничего не боялся, всегда придумывал что-то чумное и всех заводил. Особенно классно он делал все эти штуки с телом, ну, боди-арт — мы на такое бы не пошли. Даже Дори, а он очень хотел. Но Дори опасался за свою карьеру и страшно жалел, что сделал себе на руке татуировку. А Гаральду было насрать на будущее.

— Вот его и нет, — сказал Маттиас. — Что вы обычно делали, о чем разговаривали?

— Я не помню, о чем мы разговаривали.

— Говорил ли он когда-нибудь о своей учебе или о сжигании ведьм на кострах? — с надеждой спросила Тора.

— Черная магия, — фыркнул Хюги. — Да они об этом только и говорили. Когда я начал с ними тусить по-настоящему, Гаральд пригласил меня в их общество черной магии.

— Общество черной магии? — вставил Маттиас. — Что за общество?

— «Маллеус» чего-то там... Ну, типа, общество для тех, кто интересуется охотой на ведьм и другой исторической хренью.

Он избегал пронизательного взгляда Торы, слегка краснел и обращался к Маттиасу.

— Вообще это было нечто. Не Гарри Поттер в Хогвартсе, уж поверьте. Они там все замутили на четырех вещах: секс, черная магия, наркотики и еще секс... — Он улыбнулся. — Поэтому мне с ними было прикольно. История, колдовство, всякие там магические символы, заклинания — мне это по фигуре. Я просто хотел побалдеть. И телки клевые... — Хюги на мгновение потерял нить, возможно, припомнив свои развлечения с «клевыми телками». — А некоторые рассказы про колдовство по-настоящему крутые. Я помню один, про то, как беременную бросили в огонь, и она родила прямо в пламени. Священники вытащили ребенка, еще живого, но подумали, а вдруг он заразился от матери, ну, колдовством, и снова бросили в огонь. Гаральд сказал, что это случилось на самом деле.

Тора скривилась, возвращая Хюги на землю.

— Кто входил в это общество? Как звали «клевых телок»?

— Гаральд главный, потом Дори, его правая рука, я, Бриет, она изучает историю. Знаете, по-моему, она одна серьезно всем этим интересовалась... Бряунси, то есть Бряудн, он тоже изучает историю, Андри — химию, ну и Марта Мист, она занимается... Как же она говорила?.. Гад... пен... нет, ген... гендерными исследованиями, вот. Она просто чума, чуть что — талдычит о несправедливом отношении к женщинам. Такая стерва, что иногда просто обламывала нам кайф. А Гаральд все время ее подкалывал и звал Небель,^[4] и она всегда из-за этого бесилась. По-немецки это «мгла», сечете?

Тора кивнула, что понимает, а Магтиас сидел с бесстрастным видом.

— Это те, кто зажигал. Иногда приходили-уходили случайные люди, но только мы держались до конца. Мне по большому счету их заморочки были до лампы, и я особо во все это не вникал. Как я уже говорил, мне была интересна не черная магия, а, так сказать, сопутствующие товары.

— Ты сказал, что Дори был его правой рукой. Объясни, — попросила Тора.

— Они всегда чем-то вдвоем занимались. Дори помогал ему с переводами и все такое. Если бы Гаральд вернулся в Германию, то, я думаю, вместо него был бы Дори. Ему все это страшно нравилось, а от Гаральда он просто тащился.

— Дори голубой?

— Нет, конечно. Он просто из тех, кто фанатеет от знаменитостей. Понимаете, о чем я? Дори из бедной семьи, как и я, между прочим. Гаральд тратил на него деньги, покупал дорогие подарки, иногда хвалил, а Дори ему поклонялся. И кажется, Гаральду это доставляло удовольствие. Хотя он не всегда нормально обращался с Дори, часто при всех унижал. Но потом обязательно делал для него что-то хорошее, чтобы Дори это все не достало и он бы от него не свалил. В общем, те еще отношения.

— Ты сказал, что он твой друг детства. А тебе нравилось, что Дори так поклоняется Гаральду? Что ты чувствовал? Ты ревновал? — спросила Тора.

Хюги улыбнулся.

— Нет, ничуть. Мы все равно друзья. Гаральд приехал в Исландию не навсегда, и я знал, что это пройдет. Меня даже прикалывал Дори в роли обожателя. Раньше я на него равнялся, и тут это как бы превращение, то есть я увидел его в своей роли, понимаете? Правда, Дори не обращался со мной также, как Гаральд с ним, он не такой добрый, но и не такой говнюк. — Неожиданно Хюги встревожился. — Я не убивал его, чтобы вернуть друга. Не было этого.

— Может быть, и нет, — заметил Магтиас. — Но скажи мне вот что. Если не ты убил его, то кто? Ты же кого-то подозреваешь. Ты ведь знаешь, что это не самоубийство и не

несчастный случай.

Хюги снова уставился в пол.

— Я не знаю. Если бы знал, то сказал бы. У меня нет желания тут торчать.

— Ты думаешь, что его убил Дори, — спросила Тора, — и покрываешь друга?

Хюги затряс головой.

— Дори никогда никого бы не убил. Тем более Гаральда. Я же говорю, что он ему поклонялся.

— Да, но ты также сказал, что Гаральд бывал к нему недобр, унижал перед всеми. Может быть, как-то раз Дори не выдержал и напал в приступе бешенства. Такое случается.

Хюги поднял глаза и очень твердо заявил:

— Нет. Дори не такой. Он учится на врача. Он хочет помогать людям жить, а не убивать их.

— Хюги, мне очень жаль тебя разочаровывать, но доктора убивали людей веками. И среди них встречаются паршивые овцы, — саркастически заметил Маттиас. — Но если ты настаиваешь, что это не Дори, тогда кто?

— Может быть, Марта Мист, — пробурчал Хюги, но неубедительно. Было ясно, что не она его главный подозреваемый. — Гаральд слишком часто дразнил ее Небель.

— Марта Мист, конечно, — сказал Маттиас. — Замечательная версия, да только у нее железное алиби. Как и у всех из этого вашего махонького ведьминоного шабаша. За исключением, пожалуй, Дори. У него алиби очень шатко. Весьма вероятно, что он внезапно ушел из кафе, убил Гаральда и вернулся назад, а никто этого не заметил.

— Ага, вернулся и сел на то же самое место. В «Каффибрэннслан» в субботу вечером. Забудьте! — Хюги ухмыльнулся.

— Больше идей нет? — спросила Тора.

Хюги надул щеки и выдохнул.

— Может быть, кто-то из университета. Не знаю. Или кто-то из Германии... — Он не смотрел на Маттиаса, как будто боялся, что тот вступится за своих соотечественников. — Кажется, Гаральд в тот вечер что-то праздновал. Он хотел взять у меня «колеса», чтобы чего-то там отметить.

— Что значит «чего-то там»? — вцепился Маттиас. — Выражайся яснее. Что именно он сказал?

Вопрос привел Хюги в замешательство.

— Что именно?.. Да не помню я... Вроде он нашел что искал... Он выкрикнул что-то по-немецки и потряс кулаками. Потом обнял меня, стиснул так и сказал, что ему надо экстази, потому что у него классное настроение и он хочет оторваться по полной.

— Это случилось, когда вы ушли? — спросила Тора. — После этого он тебя обнял и попросил экстази?

— Да, почти сразу. Я был пьян и пробовал протрезветь с помощью спида, то есть амфетамина. Но не получилось. Я сильно перебрал. В общем, мы взяли такси и поехали ко мне, и я помню, что не мог найти экстази. Я был такой бухой, что не нашел бы молоко в холодильнике. Помню, что Гаральд психовал и орал, что все это долбаная трага времени. А я лег на диван, потому что у меня закружилась голова.

Тора перебила Хюги:

— То есть ты не дал ему экстази?

— Я их не нашел, — повторил Хюги. — Говорю же, я был вдрабадан.

Тора молча посмотрела на Маттиаса. В отчете по результатам вскрытия говорилось, что в крови у Гаральда обнаружено активное вещество таблеток экстази, так что где-то он все-таки их раздобыл.

— А он вообще принимал их в этот вечер, раньше? И мог ли он найти их сам, после того как ты вырубился?

— Нет, он в тот вечер экстази не употреблял, это точно. Я же знаю эффект под названием «просто счастье». У меня он тоже их не нашел, потому что их потом нашла полиция — в подвале. Я их там в кладовке прятал, а ключ лежал у меня в кармане. Гаральд не заглядывал в кладовку. Думаю, он о ней и не знал. Может быть, он пошел за ними к себе домой. Вроде у него сколько-то было, но плохого качества. А почему вы так на это упираете?

— Ты уверен, что Гаральд не брал ключ у тебя из кармана? Возможно, ты ему сказал, но просто не помнишь, — спросил Маттиас. — Попробуй вспомнить. Вот ты лежишь на диване, голова кружится, и...

Хюги зажмурился и напрягся. Неожиданно он открыл глаза и удивленно на них посмотрел.

— Черт, я вспомнил. Про ключ я ничего ему не говорил, но кое-что мне сказал Гаральд. Шепнул на ухо. Я очень хотел ему ответить и попросить меня подождать, но не смог.

— Что? Что он сказал? — нетерпеливо спросил Маттиас.

Хюги неуверенно произнес:

— Возможно, это бред, но, кажется, он сказал: «Сладких снов. Мы отпразднуем позже. Я приехал в Исландию в поисках ада, и знаешь что? Я его нашел».

— Не будь дураком.

Марта Мист скривила губы и выпустила длинную струю дыма. Стряхнула пепел со своей наполовину выкуренной сигареты, а затем ее затушила.

— Ты все только усугубишь, а не окажешь благодеяние.

Презрительно сузив зелено-рыжие рысьи глаза, она посмотрела на молодого человека, который сидел, а точнее, обмяк на стуле по другую сторону стола. Он сердито взглянул на нее исподлобья, но промолчал. Марта Мист сидела прямо и приглаживала пальцами свои вьющиеся рыжие волосы.

— Брось, не стоит на меня так смотреть. Ты нас в это втянул, так что не строй из себя примерного гражданина, у которого заговорила совесть.

Ища поддержки, она ткнула в бок сидящую рядом с ней подружку. Молоденькая блондинка глуповато кивнула. Несмотря на пацаний вид и стрижку «ежиком», она обладала изящными округлостями и совсем не походила на мальчика, хотя сзади могло показаться, что рядом со стройной Мартой Мист сидит какой-то ребенок.

— Поджимаешь хвост, когда дело запахло жареным, — продолжила Марта Мист. — Типично мужское дерьмо, от которого блевать хочется.

Довольная, она откинулась на спинку стула. Ее подружка, не смея глядеть на обоих, изучала пузырьки газировки.

— Да на здоровье! — Дори показал, будто засовывает в рот два пальца. — Может, наконец выблюешь свои дурацкие стереотипы.

По лицу было видно, что он раздражен. Он взглянул на Марту Мист, и его верхняя губа произвольно изогнулась, обнажив зубы. Дори отвернул голову и затянулся сигаретой. Когда выдохнул, злость ослабла, и он добавил чуть спокойнее:

— Ты должна радоваться, если я пойду в полицию. А женская тюрьма — вообще твоя мечта о счастье. Кругом одни только женщины... — Халлдор одарил ее язвительным оскалом.

— Да, и мы станем перезваниваться и рассказывать друг другу счастливые истории, — не осталась в долгу Марта Мист. — Тебе будет что рассказать, сладенький, ты в тюрьме будешь крайне востребован. Такой хорошенький мальчик! — Она мерзко оскалилась в ответ.

— Эй, хватит, — не выдержала Бриет. Остальные посмотрели на нее в немом изумлении. Она покраснела и снова стала изучать стакан. Потом пробурчала в свое декольте: — Меня не тянет в женскую тюрьму, и я не хочу, чтобы вас туда посадили. — Она взглянула на Дори. — Мне очень страшно.

Халлдор искренне ей улыбнулся. Она ему нравилась, и довольно сильно, хотя он еще не решил, есть ли тут нечто большее, чем сексуальное влечение.

— В тюрьму никто не хочет. — Он укоризненно поглядел на Марту Мист. — Посмотри, что ты наделала. До смерти напугала Бриет всей этой чушью.

Марта Мист изобразила возмущение.

— Я?! Здравствуйте!.. Это ты заговорил о тюрьме, а не я. — Она посмотрела на Бриет, закатила глаза и простонала: — И чья же это была распрекрасная идея здесь собраться?

Они сидели в баре для курящих отеля «101». Они часто бывали здесь с Гаральдом, но без него бар, казалось, потерял свое очарование.

Дори опустил голову.

— Ради Бога, Марта. Я сдаюсь. Почему нельзя поговорить как друзья? Я надеялся, ты мне поможешь. Хюги арестован, это ужасно. Ты ведь понимаешь? — Он, не глядя на нее, потянулся за пачкой сигарет в центре стола. — И еще эта тягомотина доводит меня до белого каления! Когда же наконец чертовы похороны?!

Бриет повернулась к Марте Мист, с надеждой и тревогой ожидая, что подруга сменит тактику. Ее чаяния оправдались. Марта тяжело вздохнула и отбросила заносчивость, которую напускала на себя последние пятнадцать минут.

— Ну, Дори... — Она склонилась над столом и взяла юношу за подбородок, принуждая смотреть ей в глаза. — Мы ведь друзья?

Он кротко кивнул.

— Тогда послушай меня. Даже если ты в это дерьмо влезешь, Хюги все равно не помочь. Подумай об этом. То, из-за чего ты так нервничаешь, его положение не изменит, зато нас впутает. Все произошло намного позже, после убийства. Полиции это неинтересно. Они желают знать, кто замочил Гаральда. Больше ничего... — Она улыбнулась. — А похороны совсем скоро, и ты вздохнешь свободно.

Дори опустил глаза, но она вскинула его голову, чтобы он продолжал на нее смотреть.

— Я его не убивала, Дори. Поэтому не собираюсь приносить себя в жертву на алтарь твоей страдающей совести. Нельзя придумать ничего хуже, чем пойти в полицию. Как только ты намекнешь им на марихуану и наркотический кайф, мы тут же окажемся в глубоком дерьме. Понимаешь?

Дори серьезно посмотрел ей в глаза и кивнул.

— Но, может быть...

Марта Мист шикнула на него.

— Никаких «но», никаких «может быть». Пожалуйста, послушай меня. Ты же умный, Дори. Ты думаешь, тебя на медицинском факультете встретят с распростертыми объятиями, когда узнают, что ты курил травку, даже если дальше этого не пошло?

Она покачала головой и взглянула на Бриет, которая все это время настороженно за ними наблюдала, готовая, как всегда, согласиться с тем, за кем останется последнее слово. Марта Мист снова повернулась к Дори и медленно произнесла:

— Не сделай глупость. Еще раз тебе говорю: копы интересуются только тем, кто убил Гаральда. Ничем иным. — Она выделила последние слова, а потом еще раз их повторила для пущей верности: — Ничем иным.

Дори, казалось, был в трансе. Он уставился прямо в ее зеленые немигающие глаза, которые глядели на него из-под проколотых бровей. Затем он едва заметно кивнул — как мог, учитывая, что Марта Мист все еще держала его за подбородок. Ему вдруг пришло на ум, а не специально ли он сказал им, что собирается в полицию. Он ведь знал, что Марта Мист способна его отговорить. Халлдор отогнал от себя эту мысль.

— О'кей, о'кей.

— Супер, — пробормотала Бриет и улыбнулась Дори. С восторгом и явным облегчением она стиснула руку Марты Мист, но та ничем не показала, что это заметила: она по-прежнему контролировала Дори, а его подбородок все еще был заперт в ее руке.

— Который час? — спросила она, не ослабляя хватку.

Бриет быстренько достала из сумки розовый мобильник, разблокировала его и объявила:

— Почти половина второго.

— Какие у тебя на сегодня планы? — спросила Марта Мист у Дори. Ее глаза предлагали несколько больше, чем голос.

— Никаких, — сдержанно ответил он.

— Приходи ко мне. У меня их тоже нет. Мы давно не были вместе, и, как я вижу, тебе нужен собеседник.

Она подчеркнула последние слова.

Бриет заерзала на стуле.

— Может, нам пойти в кино?

Она выжидательно посмотрела на Марту Мист и вдруг почувствовала, как ей наступили на ногу. Посмотрев вниз, она увидела на своей маленькой аккуратной туфле кожаный ботинок Марты Мист. Бриет покраснела, сообразив, что ее присутствие сегодня вечером нежелательно.

— Ты бы пошел в кино? — Марта Мист обращалась к Дори. — Или заглянул бы ко мне ради чего-нибудь более приятного?

Она отклонила назад.

Дори кивнул.

Марта улыбнулась.

— Так что? Это не ответ.

— Заглянул бы к тебе.

Голос Дори звучал хрипло и тяжело. Никто из троих не заблуждался насчет предстоящей повестки дня.

— Сгораю от нетерпения. — Марта наконец освободила подбородок Дори и хлопнула в ладоши. Потом махнула проходящему официанту и попросила счет.

Дори и Бриет молчали. Бриет обиделась, а ему было нечего сказать. Он вынул тысячекроновую банкноту из кошелька, положил на стол и встал:

— Я опаздываю на занятия. Увидимся.

Девушки посмотрели ему вслед. Потом Марта повернулась и сказала:

— У этого ковбоя симпатичный зад. Ему стоит уходить от нас почаще. — Она взглянула на уязвленную подругу. — Ради Бога, не дуйся. Ты же видишь: он разрывается на части, а на кону стоит слишком многое. — Она похлопала Бриет по руке. — Он любит тебя по-прежнему.

Бриет кисло улыбнулась.

— Ну да... Любит меня, а хочет тебя... Так это выглядело.

— Перестань. Это не имеет никакого отношения к любви. В тебя все влюбляются. А я ну... я хороша в постели. — Она встала и холодно оглядела Бриет. — Знаешь что? Я живу сегодняшним днем. Почему бы тебе не попытаться делать то же самое? Хватит сидеть и ждать, когда кто-то бросится к твоим ногам, — бери все сама и наслаждайся жизнью.

Бриет мяла в руках кошелек. Что она могла ответить? Она участвовала во всех любовных забавах своей компашки. Бриет чуть покраснела от воспоминаний. Разве не это называется «наслаждаться жизнью»? И разве она когда-нибудь вела себя так, будто ждет чьей-то любви? Чушь собачья! Парни обычно добиваются ее, а не Марту Мист. Эта мысль утешила девушку. Однако их положение сейчас очень серьезное, поэтому не стоит провоцировать подругу на состязание, кто из них более желанная. Марта Мист ведет себя как Гаральд в женском обличье. И контролирует Дори. А она, Бриет, не хочет идти в тюрьму. Нет уж, спасибо,

временно забудем о Дори. Заполучим его позже. Бриет распрямила спину, демонстрируя свою грудь. Когда они шли к двери, трое сидящих у окна мужчин как один похотливо уставились на нее. Не на Марту Мист. Довольная Бриет улыбнулась про себя. Маленькие победы часто бывают самыми сладкими.

— Ничего, — сказала Тора разочарованно. После разговора с Хюги они заскочили к ней в офис проверить, ответил ли таинственный Мал.

Маттиас пожал плечами:

— Возможно, он никогда не ответит.

Тора не собиралась так легко сдаваться.

— У Гаральда в компьютере наверняка есть о нем информация.

Маттиас поднял брови.

— А у тебя в компьютере есть информация о твоих друзьях?

— Брось, я имею в виду список контактов, адресную книгу...

Маттиас снова пожал плечами:

— Да, я понял. Кто его знает, возможно, у Гаральда и есть список контактов.

Тора закрыла почтовый интерфейс.

— Надо позвонить в полицию, узнать насчет компьютера. — Она взглянула на часы монитора. — Сейчас только половина третьего, они наверняка еще на месте.

На столе у Беллы вчерашнего запроса о предоставлении материалов расследования не было. Скорее всего он все-таки отослан и, вероятно, в полиции уже получен. Разумнее выждать день-два и позвонить сразу — и по поводу компьютера, и документов. Однако проснувшийся в Торе интерес, и не только профессиональный, победил ее здравый смысл. Она разыскала мобильные номера друзей Гаральда и позвонила Марте Мист, Бриет и Бряудну. Все они отказались разговаривать, заявив, что дали показания полиции, а Бриет даже устроила истерику. В общем, на тот момент других идей, чем им с Маттиасом заняться, у Торы не было.

— Звони, — решительно сказала она.

Маттиас позвонил, и ему сообщили, что компьютер можно забрать уже сегодня. Обратиться следовало к сотруднику полиции по имени Маркус Хельгасон.

Маркус встретил их в дежурной части. С Торой он поздоровался на исландском, а к Маттиасу обратился на английском, хотя и сдобренным сильным акцентом.

— Мы уже встречались. При обыске квартиры и когда вы приходили к моему шефу, Аудни Бьяднасону. Кажется, вы с ним не особо поладили, поэтому на сей раз он прислал меня. Надеюсь, не возражаете.

Маркус не слишком соответствовал стандарту «красавца полицейского» — должно быть, поступил на службу, когда требования относительно роста личного состава уже упразднили. Он был вполне обыкновенный блондин с невыразительными серыми глазами. Полицейская форма — голубая рубашка и черные брюки — его молодила. Он с улыбкой пожал гостям руки, и Тора отметила, что у него красивые белые зубы. «Ему надо чаще улыбаться», — подумала она.

Маттиас и Тора заверили, что не возражают против общения с ним, а не с его начальством, и офицер радостно продолжил:

— Я и сам хотел с вами встретиться. Мы понимаем, что вы интересуетесь обстоятельствами убийства, и, поскольку формально наше расследование еще не закончено, мы могли бы кое-что обсудить. — Он смущенно замолчал, а потом добавил: — Компьютер

сейчас упаковывают вместе с оставшимися вещами из квартиры погибшего. Так что вам придется немного подождать. Давайте пройдем в мой кабинет.

Тора вопросительно взглянула на Маттиаса, но тот, как всегда, пожал плечами, давая понять, что не видит в этом ничего особенного. Она же сообразила, что объяснение насчет упаковки компьютера — явный предлог задержать их. Даже однорукий сделал бы это за три минуты. Она подыграла: любезно ответила, что нет проблем. С видимым облегчением Маркус повел их к себе.

Его служебный кабинет был таким же безликим, как и хозяин. Вид оживляла лишь кружка с эмблемой «Манчестер Юнайтед». Маркус предложил Торе и Маттиасу сесть, убедился, что они устроились комфортно, и только потом сел за свой стол. Во время этой процедуры никто не произнес ни слова. Молчание затягивалось.

— Ну-ну-ну... Вот так вот... — тянул Маркус, изображая радушие.

Тора и Маттиас молча улыбались в ответ. Тора хотела, чтобы разговор начал полицейский, и Маттиас, судя по его плотно сжатым губам, хотел того же.

Полицейский не выдержал.

— Слышал, вы сегодня были в тюрьме и встречались с Хюги Торриссоном?

— Встречались, — подтвердила Тора.

— Понятно, — сказал Маркус и провел рукой по краю стола. — Выяснили что-то новое? — Он вопросительно смотрел на обоих. — Прошу не обижаться, но ваши поступки кажутся странными. Вы должны действовать в интересах семьи убитого, но, как мне сообщил Финнюр Богасон, готовы защищать главного подозреваемого... Я правильно расцениваю ваш утренний визит в тюрьму?

Тора взглянула на Маттиаса, тот жестом попросил ее ответить.

— Согласитесь, — начала она, — что странным и нетипичным выглядит все дело. Разумеется, мы представляем семью Гаральда. А защита Хюги Торриссона, по стечению обстоятельств, является частью поручения семьи. — Она сделала небольшую паузу, ожидая возражений со стороны полицейского, однако он промолчал, и Тора продолжила: — Семья Гаральда не убеждена в виновности задержанного, и наш утренний разговор с ним только укрепил эти сомнения.

Маркус удивленно вскинул брови.

— Признаться, я не понимаю, на чем они основаны. Проведено следствие, установлены факты, обнаружены улики — все указывает на обратное.

— Но многое остается без ответа. Считайте это мотивом, определяющим нашу позицию.

Полицейский кивнул, отчасти соглашаясь.

— Да, вопросы еще есть... Поэтому мы окончательно не закрываем дело. Правда, если обнаружится хоть что-нибудь, что поставит под сомнение виновность Хюги Торриссона, я лично буду крайне удивлен. — Он стал загибать пальцы. — Во-первых, Хюги последним видели вместе с жертвой перед убийством. Во-вторых, на одежде, в которой он был в тот вечер, обнаружена кровь Гаральда. Третье. Среди его домашних вещей мы нашли спрятанную футболку, которой, как тряпкой, вытерли изрядное количество крови — крови жертвы. Четвертое: Хюги — член секты, созданной Гаральдом для занятий черной магией, а значит, хорошо знает символы, вырезанные на теле убитого. Ну и пятое: одурманенный наркотиками человек вполне способен вырвать глаза. Поверьте, в здравом уме никто такого не сделает. Впрочем, и это еще не все. Наш Хюги не просто наркоман, а дилер, и мы

предполагаем, что готовился ввоз в страну крупной партии наркотиков. Убитый же располагал значительными средствами и вполне мог финансировать эту операцию. Незадолго до убийства с его счета исчезла очень крупная сумма. Бесследно! Это при том, что законную коммерческую сделку всегда легко проследить... — Маркус отвел взгляд. — Скажу вам откровенно, большинство приговоров выносятся на основании гораздо меньшего количества улик. Чтобы выдвинуть обвинение, нам сейчас не хватает только личного признания, но я убежден, что мы его получим.

Тора с трудом подавила волнение. Кровь на одежде Хюги, окровавленная футболка — вот это новости! В полицейском отчете об этом ни слова, она бы не пропустила... Чтобы Маркус не заметил ее растерянность, она поспешила сказать:

— А вас не беспокоит, что, несмотря на все эти факты, он упорно отрицает свою вину?

— Нисколько. Знаете почему?

Тора не ответила.

— Потому что подозреваемый ничего не помнит. И просто цепляется за надежду, что убил не он. Сложно дать против себя показания, если не помнишь, что натворил. Особенно если это грозит серьезными последствиями.

Тора почти сдалась.

— А как тело оказалось в университете? У вас есть объяснение? — вступил Маттиас. — Хюги едва ли мог туда проникнуть. В выходные там наверняка закрыто.

— Тут все ясно. Он воспользовался магнитной картой Гаральда. При осмотре тела мы нашли связку, на которой висел и ключ доступа от помещений факультета. Из данных охранной системы следует, что картой пользовались как раз после убийства.

Маттиас оживился.

— Почему вы считаете, что после? Почему не до? Ведь время убийства определено приблизительно.

— Это мало что меняет, — сухо ответил Маркус.

Маттиас продолжал наступать, не давая полицейскому соскочить с крючка.

— Допустим, Хюги убил Гаральда и переместил тело из своего дома в университет. Как именно он это сделал? У вас есть соображения на этот счет? Не в карман же он труп засунул и не на такси привез.

Полицейский заулыбался.

— Он привез его на велосипеде. Велосипед обнаружили рядом с институтом рукописей, а на руле — ДНК Гаральда, то есть его кровь. К счастью, велосипед оказался под навесом и его не засыпало снегом.

— А откуда вы знаете, что это велосипед Хюги? — спросила Тора. — Как вы определили, что он был там брошен именно в ночь убийства?

Улыбка Маркуса стала еще шире.

— Велосипед лежал рядом с мусорными баками. Местный работник, который вывозил мусор, уверяет, что никакого велосипеда в пятницу там не было. Хюги сам подтвердил, что это его велосипед, и в субботу он на нем не ездил, а оставил в подвальном помещении своей многоэтажки. Кстати, недалеко от университета. Его соседка по подъезду подтвердила, что, когда она брала оттуда коляску, отправляясь с ребенком за покупками, велосипед там стоял. Это было примерно в обед.

— Да как же свидетельница может это помнить?! Я жила в таком доме и довольно часто спускалась в нижний холл, но спроси меня тогда, что там стоит и чего там нет, я

никогда бы не назвала! — воскликнула Тора.

— Этот велосипед весьма приметный, поскольку сильно заезженный. У Хюги нет водительских прав, так что он круглый год на двух колесах — летом и зимой, в дождь и в снег. Кроме того, он привык думать только о своем удобстве, и в субботу использовал чужую детскую коляску вместо подпорки. Разумеется, женщина это запомнила: чтобы достать коляску, ей пришлось переставлять его велосипед.

Маттиас кашлянул.

— Для входа в здание одной магнитной карты недостаточно. Я полагаю, надо еще набрать соответствующий код... Он его что, угадал?

— Нас это тоже интересовало, и на допросах мы задавали этот вопрос друзьям Гаральда, — ответил Маркус. — Оказалось, что все они знают его персональный код.

Тора недоверчиво на него посмотрела:

— С какой стати?

— Гаральд им очень гордился. «Кто имеет ум, тот сочти число зверя...»: код у него был 0666, что явно соотносилось с одержимостью всякой дьявольщиной.

— Вообще-то он увлекался магией, а это не имеет ничего общего с дьяволом, — сказал Маттиас и, желая избежать долгой дискуссии о природе магического, быстро сменил тему: — Не могли бы вы прояснить нам еще кое-что? Полиция распечатала все электронные письма Гаральда. Одно из них адресовано некоему Малу. Вам что-нибудь говорит это имя?

Полицейский задумался.

— Честно сказать, не припоминаю. Мы разобрали сотни документов. Впрочем, я уточню и дам вам знать, если такое имя всплывет.

Тора пересказала ему содержание e-мейла. Маркус пообещал выяснить, устанавливался ли адресат, но интереса к письму не проявил.

— Вероятней всего, Гаральд сообщал о какой-нибудь девчонке, которой долго добивался, или что-то в этом роде. Однако я хотел поговорить с вами о другом. Скажите, долго еще вы собираетесь этим заниматься? — Он посмотрел на Тору, потом на Маттиаса.

— Сколько потребуется, — нахмурился Маттиас. — Я по-прежнему считаю, что вы задержали не того человека, и ваши доводы меня не убеждают. Впрочем, я могу ошибаться.

Маркус вяло улыбнулся.

— Мы будем признательны, если вы позволите нам наблюдать за ходом вашего расследования, поскольку дело все-таки еще не закрыто. Нам не нужны конфликты, сотрудничество гораздо продуктивнее.

Тора тут же воспользовалась случаем.

— Мы получили некоторые документы дела, но далеко не все. Я направила вам официальное письмо от нашей юридической фирмы — оно, возможно, придет завтра — с просьбой предоставить нам все материалы. Вы не против?

Маркус пожал плечами:

— Против или нет, решение принимаю не я. Требование для нас непривычное, но, думаю, вам пойдут навстречу. Подготовка материалов займет какое-то время. Конечно, мы постараемся...

Его прервал стук в дверь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Войдите, — сказал он, и дверь открылась. На пороге стояла молодая женщина в полицейской форме и держала картонную коробку, из которой выглядывал черный корпус

компьютера.

— Вот компьютер, который вы просили. — Сотрудница полиции поставила коробку на стол и вытащила страницу в прозрачной папке. — Монитор внизу, на стойке дежурного, его принесли прямо со склада, так как нам он был не нужен. Зачем его вообще сюда привозили? — с важным видом сказала она. — Кто-нибудь объяснил бы этим умникам, проводящим изъятие, что если содержимое компьютера и появляется на мониторе, то это совсем не значит, что оно в нем и находится. А вся информация здесь... — Она легонько похлопала по металлическому корпусу.

Маркусу явно не понравилось выслушивать выговор от коллеги, да еще в присутствии Тора и Маттиаса.

— Спасибо. — Он сердито взял у нее файл с описью, вытащил лист и протянул его Маттиасу: — Распишитесь в получении, пожалуйста. Здесь также оставшаяся часть изъятых из квартиры документов.

— Документов? Каких документов? — встрепелась Тора.

— Мы оставили их для более подробного изучения, однако ничего особенного не обнаружили. — Маркус встал, давая понять, что разговор закончен.

Тора и Маттиас тоже поднялись. Маттиас расписался и взял коробку с компьютером и бумагами.

— Не забудьте монитор, — сказала женщина в форме, улыбаясь Торе. Тора с улыбкой заверила, что не забудут.

Они вышли из участка и направились к машине: Тора — обхватив руками монитор, а Маттиас с коробкой. Прежде чем устроиться на пассажирском сиденье, Тора вытащила пачку документов. Пока Маттиас заводил машину, она пролистнула их и вдруг удивленно повернулась к нему.

— А это еще что?

Среди бумаг лежал маленький кожаный портфель, желтовато-коричневый, с ремешками. Тора их расстегнула. Кожа, на вид старая (шестьдесят лет точно, на внутренней маркировке значился год: НГГ 1947), на ощупь оказалась мягкой, как перчатка. Однако удивление вызвал не сам портфельчик, а его содержимое: очень старые письма. Не просто старые, а старинные. Судя по шрифту и другим внешним признакам, они были значительно старше своего вместилища. Тора вопросительно смотрела на Маттиаса.

— Ты нашла это в коробке? — Он был явно потрясен.

— Да, — ответила Тора и решила сосчитать письма и одновременно их просмотреть, как вдруг Маттиас, издав нечленораздельный звук, выхватил у нее портфельчик. От неожиданности она вздрогнула.

— Ты с ума сошла?! — Он второпях стал застегивать ремешки, но из-за спешки у него плохо получалось, к тому же мешал руль, да и неудобно было это делать, сидя на водительском месте.

Тора недоуменно наблюдала за его усилиями. Наконец Маттиас застегнул портфель и осторожно положил на заднее сиденье, потом извернулся и снял куртку, аккуратно накрыл находку и убедился, что с ним соприкасается только подкладка, а не мокрая наружная ткань.

— Не пора ли нам ехать? — прервала молчание Тора. Они находились на полпути до выезда со стоянки на улицу.

Маттиас вцепился в руль обеими руками и медленно выдохнул.

— Прости, я вел себя неадекватно. Вот уж не ожидал увидеть эти письма в убогой полицейской коробке.

Он вырулил со стоянки на дорогу, и они поехали прочь.

— Могу я наконец узнать, что это за письма? — спросила Тора.

— Письма исторические, 1485 года. Принадлежали деду Гаральда. Некоторые весьма ценные. Точнее, бесценные. Я и представить не мог, что Гаральд взял их с собой в Исландию. В страховой компании наверняка считают, будто письма лежат себе в банковской ячейке.

Маттиас отрегулировал зеркало заднего вида так, чтобы заветный груз все время оставался в поле зрения.

— Они написаны одним знатным человеком из Инсбрука. В них рассказывается, как Генрих Крамер начал охоту на ведьм в его родном городе. Тогда это еще не стало повсеместным явлением.

— Напомни, кто такой Генрих Крамер. — Имя казалось Торе знакомым, но она не могла вспомнить почему.

— Один из двух авторов «Молота ведьм», главный инквизитор Тироля. Явно извращенец, поскольку особенно любил мучить женщин. Кроме травли мнимых ведьм он еще преследовал евреев и богохульников. В сущности, его мишенью могли стать люди, объединенные по любому признаку.

Тора припомнила, что немного читала об этом в Интернете.

— Ага, понятно. То есть эти письма о нем? — удивленно спросила она.

— Да, — подтвердил Маттиас. — В 1485 году Крамер прибыл в Инсбрук. Возможно, «пришел, увидел», но точно не «победил». Сначала для него все складывалось удачно: он

устраивал допросы, применяя насилие и ужасные пытки. Подозреваемых в колдовстве женщин — их набралось пятьдесят семь — никто официально не защищал. Местное духовенство и светская власть испугались. Крамер проводил процессы как настоящие шоу! В основном эти шоу разоблачали сексуальные «преступления» предполагаемых ведьм. В конце концов сам епископ возмутился и выслал Крамера из города. Содержащихся под стражей женщин освободили, но их тела были чудовищно истерзаны, а дух сломлен систематическими пытками. Автор писем рассказывает, как истязали его жену. Поверь мне, это не развлекательное чтение.

— Он писал кому-то конкретно?

— Все письма адресованы Георгу Гольсеру, епископу Бриксенскому — тому, что выдворил Крамера из города, и у меня есть подозрение, что письма сыграли в этом не последнюю роль.

— А как они попали к деду Гаральда?

Маттиас пожал плечами.

— Когда окончилась война, в Германии распродавали все. Гунтлибы воспользовались этим и диверсифицировали вложение своих капиталов, снижая риски, вызванные девальвацией марки. Их банк не обслуживал обычных вкладчиков, не осуществлял стандартных денежных операций. Благодаря деду Гаральда клиенты банка Гунтлибов ничего не потеряли. Гунтлиб-старший хорошо разбирался в курсах валют и биржевых спекуляциях, манипулировал акциями, не привлекая лишнего внимания. И чем сильнее экономика шла вниз, тем лучше становилось его положение. Тогда-то он и собрал свою коллекцию старинных реликвий.

— А кто владел письмами до него? Вряд ли это был простой человек. Обыватели не хранят на черный день письма пятнадцатого века.

Маттиас задумался.

— Понятия не имею. Эти документы не значатся ни в каких каталогах; возможно даже, что это и подделка, но очень качественная. Дед Гаральда особо не распространялся насчет этой покупки. Инициалы на портфеле — его: Никлас Гаральд Гунтлиб. В общем, о прежнем владельце ничего не известно... Я лично думаю, что когда-то их украли из церковного архива.

Маттиас ехал по Сноррабрёйт и подавал сигнал другим водителям, намереваясь поменять полосу. Поскольку они решили, что лучше всего вернуть компьютер на Бергстадастрайти, то сейчас направлялись туда. Для этого необходимо было повернуть направо, а они никак не могли перестроиться из левого ряда. Никто из водителей не пропускал Маттиаса, скорее наоборот: казалось, ему намеренно препятствуют и направляют на мост, ведущий к кладбищу Фоссвогур.

— Да что вы такое творите?! — возмутился Маттиас.

— Смело бери вправо, — посоветовала Тора, для которой ситуация была обыденной. — Они просто берегут тормоза, а вовсе не пытаются мешать твоему движению.

Маттиас отважился — и перестроился безо всякого ущерба (если не считать громкого гудка той машины, водителю которой все же пришлось притормозить).

— Нет, я никогда не привыкну к стилю вождения в этой стране, — изумленно заметил он.

Тора улыбнулась и спросила:

— И что там, в письмах? Что случилось с этой женщиной?

— Ее пытали. Жестоко.

— А бывают не жестокие пытки? — Она ждала более подробного рассказа. — Что с ней сделали?

— Ее муж пишет о парализованных руках, о ноге, расплющенной «испанским сапогом». Оба уха отрезаны. Много такого, что бумага с трудом выдерживает. Резаные раны и тому подобное. — Маттиас отвернулся от дороги и посмотрел на Тору. — Насколько я помню, одно из последних писем заканчивалось так: «Если вы ищете дьявола, то не найдете его в том, что осталось от моей молодой и безгрешной жены. Дьявол — в ее обвинителе».

— О Боже, — содрогнулась Тора. — Как подробно ты все запомнил...

— Такое не забывается, — сухо ответил Маттиас. — Впрочем, цель автора не в описании мучений и зверств. Он пытается добиться освобождения жены, доказывает невиновность жертвы и даже прибегает, как бы мы сейчас сказали, к незавуалированным угрозам. Этот человек на грани безумия. Он любит свою жену всем сердцем. Судя по его словам, она была необычайно красивой, и они только недавно поженились.

— Ему позволили навещать ее? Письма написаны, когда узница еще сидела в тюрьме?

— И да и нет. Ему не разрешали с ней видеться, но один из стражников сжалился и позволил им обмениваться записками, которые, судя по письмам, становились все более и более безысходными. Что же касается твоего второго вопроса, то все письма за исключением одного — с просьбами ее освободить. Последнее письмо написано после того, как несчастную выпустили. То, что в нем сказано об их участии, нам всем неплохо бы вспоминать, когда мы жалуемся на жизнь.

— Ты о чем? — Тора не слишком желала услышать ответ.

— По сравнению с сегодняшним днем медицина тех времен была просто смехотворна. Больным и увечным приходилось переносить невообразимые физические страдания. А теперь представь себе психическое состояние девушки, которая раньше считалась хорошенькой и привыкла, что ею восхищаются, а после освобождения у нее практически расплющена нога и все пальцы на руках. Ушей нет. Тело испещрено отметинами от ножа, которым протыкали родимые пятна и родинки, чтобы посмотреть, не потечет ли кровь. И многое другое, на что только намекается, а не описывается. Что бы ты сделала в таких обстоятельствах? — Маттиас снова обернулся к Торе.

— У нее были дети? — спросила Тора, непроизвольно подняв руку к уху. Никогда прежде она не задумывалась, какая неотъемлемая часть облика — уши.

— Нет.

— Значит, она покончила с собой, — не раздумывая сказала Тора. — Страдать и терпеть можно только ради детей, ни для чего больше.

— Совершенно верно! — произнес Маттиас. — Они жили у реки, и однажды вечером, ковыляя домой, она в нее бросилась. Тяжелое платье по моде того времени, обездвиженная нога и парализованные руки не оставили шансов на спасение.

— И что сделал муж? Это упоминается в письме? — спросила Тора, стараясь не думать о несчастной молодой женщине.

— Да, упоминается. В последнем письме он говорит, что инквизитор Крамер забрал самое дорогое в его жизни, и потому он отнял самое дорогое в жизни Крамера и отправил прямоком в ад. Но там не говорится, что именно стало предметом его мести или где она свершилась, а также при чем тут ад. Современные источники также не дают подсказок. Потом автор обвиняет епископа в бездействии — в том, что тот вовремя не ответил на его

мольбы, за что ему, как слуге Божьему, придется отвечать перед своим господином. Затем он цитирует Ветхий Завет, который, как ты знаешь, довольно далек от всепрощения. Я не могу вспомнить точно, но эти слова больше походят на проклятие и призыв на голову епископа Божьей кары, а если Бог будет мешкать... На мой взгляд, это была прямая угроза, но исполнил ли он ее, неизвестно. Георг Гольсер умер несколько лет спустя. Возможно, перед смертью епископ сам захотел избавиться от этих писем, не желая, чтобы они остались в церковных архивах.

— Сомневаюсь. Если бы он хотел от них избавиться, он бы их сжег. А страницы даже не обуглены.

Маттиас сосредоточился на вождении, пытаясь пристроить машину рядом с домом Гаральда. На стоянке все места были заняты.

— Ну, не знаю... Возможно, перед встречей с Богом и святым Петром он побоялся сжигать письма, не желая привлекать внимание к их содержанию. Дым как-никак возносится к небесам.

— Значит, ты думаешь, что они подлинные, а не фальшивые? — спросила Тора.

— Не совсем так. Там есть некоторые места, которые не сходятся.

— Например?

— Прежде всего ссылки на написанную Крамером книгу. Автор говорит, что ее витиеватый стиль не скрывает дьявольское происхождение содержания.

— Он имел в виду «Молот ведьм»? Наверняка Крамер проводил расследования против так называемых ведьм, применяя ее на практике.

— Вот тут и не совпадает, — сказал Маттиас. — Письма, как я уже говорил, датированы 1485 годом, а про «Молот ведьм» точно известно, что сие экстраординарное произведение литературы появилось на свет в 1486-м.

— А дед Гаральда или он сам пытался определить, когда изготовлены бумага и чернила?

— Да, и эксперты подтвердили их подлинность. Впрочем, это ничего не значит. Фальсификаторы умеют делать и старинную бумагу, и старинные чернила или краску, как раз на тот случай если состоятельные люди захотят перед приобретением провести подобные тесты.

— Старинные чернила? — засомневалась Тора.

— Именно. Или что-нибудь подобное. Они выделяют их из древних веществ или выпаривают из других старинных документов, менее ценных. Получается то же самое.

— Очень много мороки, — сказала Тора, радуясь, что ей никогда не хотелось стать фальсификатором.

Они вышли из машины.

— Но зачем эти письма Гаральду? — спросила Тора. — Он-то считал их подлинными или фальшивыми?

Маттиас закрыл дверцу с водительской стороны и открыл заднюю. Аккуратно завернул портфельчик в свою куртку, положил сверток в коробку и осторожно поднял всю пирамиду. Если он и мерз, оставшись в одном свитере, то не показал этого.

— Гаральд был убежден, что они настоящие. Он все время пытался выяснить, кого или что Крамер потерял из-за мести автора. Будучи страшно увлечен этой тайной, он искал ссылки в документах по всей Германии и даже специально ездил в библиотеку Ватикана, но не смог найти никаких свидетельств. О жизни Крамера практически ничего не известно,

кроме того, что он написал свою нашумевшую книгу, да и происходило это более пяти веков назад.

Тора заметила на снегу свежие следы, ведущие за угол дома — туда, где жил Гаральд. Подбородком она указала на них Маттиасу. Следы вели только в одном направлении, поэтому вряд ли их оставил почтальон. Маттиас кивнул и, стараясь, чтобы снег не скрипел под ногами, начал медленно обходить дом с торца. Тора тихонько следовала за ним.

Как только они завернули за угол, то увидели мужчину, стоящего недалеко от входной двери. Он отступил, пытаясь заглянуть в окна верхнего этажа, и вздрогнул, заметив Тору и Маттиаса. Его губы несколько секунд шевелились, а затем он запинаясь спросил:

— Вы знали Гаральда Гунтлиба?

— Позвольте представиться, я Гуннар Гествик, декан факультета истории государственного университета. — Он неуверенно переступал с ноги на ногу. Его одежда была хорошего качества: элегантное зимнее пальто той марки, которую Тора знала по гардеробу своего бывшего мужа, из-под пальто виднелся пиджак и яркий галстук, аккуратно повязанный под выступающим воротником голубой рубашки. В целом их новый знакомец производил впечатление сильного и уверенного в себе человека, однако в данный момент его уверенность и спокойствие были чем-то сильно поколеблены. Совершенно очевидно, что своим появлением они застали Гуннара врасплох, и теперь он лихорадочно просчитывал, что ему предпринять. Это был именно тот человек, который обнаружил тело Гаральда, или, если быть точным, именно на него это тело свалилось. Тора гадала, зачем он пришел в квартиру своего бывшего ученика. Может, психиатр дал ему такой совет в качестве способа избавиться от стресса?

— Я был поблизости и решил проверить, нет ли здесь кого, — нерешительно произнес Гуннар.

— Здесь? В квартире Гаральда?.. — удивленно переспросила Тора.

— Разумеется, я не рассчитывал встретить его самого, — быстро ответил декан. — Я имею в виду кого-то, кто присматривает за квартирой, или занимается вещами, или что-то в этом роде...

Маттиас не понимал ни слова и предоставил Торе вести разговор, но мгновенно среагировал на имя. Направляясь к подъезду, он глазами дал сигнал пригласить Гествика войти, выудил из кармана ключи и открыл дверь.

Гуннар смотрел на действия Маттиаса со странным нетерпением.

— А у вас есть право сюда входить? — спросил он Тору.

— Да, этот господин работает на семью Гаральда, и я также их представитель. Мы привезли вещи убитого, которые нам отдали в полиции. Может, зайдете? Согреетесь, а заодно мы могли бы немного побеседовать.

Гуннар с трудом скрыл свою радость. Предварительно посмотрев на часы и сделав вид, что ограничен во времени, он с признательностью принял ее предложение и даже придержал дверь, пропустив Тору и входя вслед за ней. Несмотря на элегантный внешний вид, настоящим джентльменом он все же не был: не предложил свою помощь и не взял тяжелый монитор, так что ей пришлось самой нести его вверх по лестнице.

Реакция Гуннара была сродни реакции Торы, когда она впервые вошла в эту квартиру. Даже не сняв пальто, словно загипнотизированный, он прошел в гостиную и стал рассматривать старинные гравюры. Маттиас и Тора не спеша поставили вещи. Маттиас развернул куртку, вытащил кожаный портфельчик с письмами и понес в спальню. Тора осталась наблюдать за Гуннаром. Она подошла к нему и встала рядом, хотя едва ли могла повлиять на его восприятие.

— Замечательная коллекция... — Тора лихорадочно вспоминала, что говорил об этих картинах Маттиас, но, побоявшись что-нибудь перепутать, решила не выпендриваться.

— Откуда у него все это? — спросил Гуннар. — Он украл?

Тора удивилась. С чего бы декану строить такие предположения о своем студенте?

— Нет, получил в наследство. — Внезапно Тора спросила: — А вы Гаральда

недолюбливали?

Вопрос оказался для Гуннара весьма неожиданным.

— Ох ты... Боже мой... Нет, что вы, мне он чрезвычайно нравился!.. — Голос декана звучал неискренне, и, похоже, он это понял и заторопился исправить впечатление. — Гаральд был невероятно умный молодой человек, прекрасно знал историю, а его подход к исследовательской работе достоин подражания. Такое, к сожалению, редкость в наши дни.

Тора все еще ему не верила.

— Значит, он был образцовым студентом?

Гуннар натянуто улыбнулся.

— Можно сказать и так. Конечно, его внешний вид и поведение... Все это несколько нестандартно, но не стоит судить о молодых по их манере одеваться. Я вспоминаю «Битлз», и как модно было их копировать. Старшему поколению, конечно, это не нравилось. А в своем нынешнем возрасте понимаю, что молодая душа носит множество масок.

— Прекрасно сказано! — Тора вежливо улыбнулась Гуннару, про себя подумав, что сравнивать Гаральда с «Битлз» — это, мягко говоря, перебор. — Жаль, я совсем его не знала.

— Если я правильно понял, вы юрист.

Тора согласно кивнула.

— А что именно вы делаете для семьи Гаральда? Это как-то связано с завещанием? Предметы на этих стенах стоят кругленькую сумму.

— Нет, вовсе нет, — ответила Тора. — Мы перепроверяем версию убийства, потому что семья сомневается в результатах полицейского расследования.

Гуннар удивленно на нее уставился и нервно сглотнул.

— Как?.. Разве убийца не пойман?.. Торговец наркотиками?

Тора пожала плечами:

— Есть основания предполагать, что убийца не он. — Она заметила, что Гуннар почему-то не слишком обрадован новостью. — Все, в конце концов, выяснится. Может быть, мы ошибаемся. А может быть, и нет.

— Возможно, это не мое дело, но какие причины заставляют вас предполагать, что задержанный невиновен? Полиция, кажется, убеждена в обратном. Или вы знаете нечто, чего не знают они?

— Если вы намекаете, что мы скрываем от полиции информацию, то это не так, — сердито сказала Тора. — Мы просто не удовлетворены некоторыми аспектами сделанных выводов.

Гуннар вздохнул.

— Надеюсь, вы простите мою назойливость. Я сам не свой с тех пор, как это случилось. Сказать по правде, я так надеялся, что все вот-вот закончится. Вся эта история крайне неприятна не только лично для меня, но и бросает тень на факультет.

— Да, понимаю, — ответила Тора. — Однако не очень правильно осудить невиновного ради спасения репутации факультета, вы согласны?

Сообразив, какой подтекст уловили в его словах, Гуннар поспешил оправдаться:

— Нет-нет-нет! Разумеется, нет! Пожалуйста, не расценивайте мои слова таким образом! Конечно, всем нам свойственно в первую очередь защищать собственные интересы, но, безусловно, до определенной черты.

— Хорошо. Так что же вас сюда привело? — спросила Тора, размышляя при этом, почему не возвращается Маттиас.

Гуннар повернулся к одной из картин и стал ее рассматривать.

— Я надеялся встретиться с кем-нибудь, кто имеет право распоряжаться вещами Гаральда. И вот мне повезло...

— Зачем?

— Незадолго до того, как его убили, он... Как бы это сказать... позаимствовал? Да, позаимствовал один документ в университете... И не вернул. Я ищу этот документ. — Все это время Гуннар не сводил с картины глаз.

— Что за документ? Их здесь сотни.

— Старинное письмо епископу города Роскилле, датированное примерно 1500 годом. Мы получили его из Дании и должны вернуть, поэтому крайне важно, чтобы оно не потерялось.

— Звучит довольно серьезно. Почему вы не сказали полиции? Они бы скорее нашли ваш документ.

— Это недавно выяснилось. Когда меня допрашивали, я о пропаже понятия не имел, иначе непременно бы их попросил. Придя сюда, я надеялся решить проблему проще и обойтись без полиции. Кроме того, я не хочу снова давать показания. Хватит с меня подобных испытаний. Документ никак не связан с убийством, уверяю вас.

— Может, и не связан... — сказала Тора и прикусила язык. Что-то часто она подражает Маттиасу. — К сожалению, я такого письма не встречала. Но мы просмотрели еще не все бумаги Гаральда. Вполне вероятно, что письмо найдется.

В этот момент Маттиас стремительно вошел в комнату и сел на один из двух черных диванов, широким движением руки пригласив присутствующих сделать то же самое. Он принес какие-то бумаги. Тора устроилась на стуле, а Гуннар сел на диван напротив. Тора объяснила, в чем проблема Гуннара и что пропавший документ с убийством никак не связан.

— Может, и не связан, — пробурчал Маттиас по-немецки и добавил, что ему документ тоже не попадался, но это не значит, что его нет. Затем положил бумаги на стол и обратился к Гуннару по-английски: — Скажите, вы курировали исследования Гаральда?

— Как сказать... Вроде того, — осторожничая, ответил декан. По-английски он говорил с заметным акцентом.

— Да ну? Неужели неизвестно, кто чей куратор, когда студенты работают над диссертацией?

— Да-да, разумеется, известно, — поспешил сказать Гуннар. — Просто он не слишком нуждался в помощи факультетских преподавателей. Я это имел в виду. Его научный руководитель, Торбьёрн Оулафссон, вполне ему доверял. Так что я был скорее сторонним наблюдателем, если можно так выразиться.

— Понятно. Однако, я полагаю, он должен был предоставить какой-то план работы... Разве не так?

— Тезисы он предоставил сразу, как только начался семестр, если я правильно помню. Мы рассмотрели тему и в целом ее утвердили. Торбьёрн этим занимался, это его епархия.

— А что, собственно, исследовал Гаральд? — спросила Тора.

— Историю охоты на ведьм в Исландии в сравнении с другими странами Европы, прежде всего с Германией, где к ведьмам относились, так сказать, с особым жаром. Он начал работать над этой темой еще в Мюнхенском университете.

Маттиас задумчиво кивнул.

— Если я не ошибаюсь, в Исландии процессы о колдовстве начались только в

семнадцатом веке?

— Верно. Преследования были и прежде, но первое известное сожжение датировано 1625 годом.

— Тогда неясно, — озадаченно произнес Маттиас, раскладывая на столе бумаги, — почему Гаральд интересовался куда более ранними событиями. Вы специалист и разбираетесь в этом лучше...

— Какими событиями? — Гуннар потянулся к бумагам.

Это были ксерокопии статей из научных журналов.

Маттиас принялся перечислять:

— Извержение вулкана Гекла в 1510-м... Вспышки эпидемий начала 1500-х в Дании... 1550-й — завершение церковной реформации в Исландии... Сведения о пещерах ирландских монахов до норвежского заселения... Ну и так далее. Не понимаю, как все это связано, но я не историк. Можете подсказать?

Гуннар внимательно просматривал страницу за страницей и, наконец, ответил:

— Даже и не знаю... История заселения Исландии — моя область, но ко мне на лекции Гаральд не ходил, иначе ему не понадобилась бы статья о пещерных монахах. Могу лишь предположить, что он или посещал дополнительные курсы, или собирал материал по другой теме.

Маттиас пристально посмотрел на Гуннара.

— Большая часть статей была подшита в папку с надписью «Маллеус». — Он указал на следы от дырокола. — Вам, несомненно, знакомо это слово. Я думаю, эти материалы имеют какое-то отношение к черной магии.

— Да, значение слова «Маллеус» мне известно... Но, возможно, Гаральд просто сложил бумаги в старую папку, а надпись не поменял.

— Возможно. Но почему-то мне кажется, что это не так.

Гуннар снова уткнулся в ксерокопии.

— Гм, сразу увидеть общее довольно трудно. Похоже, что объединяющий элемент здесь — эпоха Реформации, которая, как известно, лишь усилила охоту на ведьм, и не только в Исландии. Религия начала меняться, и это породило нечто вроде духовного кризиса. Что касается извержения Геклы и эпидемий, то Гаральд мог связывать массовые гонения с экономической ситуацией, на которую в те времена существенно влияли природные катаклизмы и вспышки заболеваний. Людей сжигали не только по обвинению в колдовстве, но и за распространение различных болезней. Хотя, изучая охоту на ведьм, было бы логичнее искать связь с извержениями той же Геклы, но в 1636 году, и с эпидемиями внутри исследуемого периода, а не с теми, что в статьях... — Декан важно похлопал ладонью по бумагам.

— А разве Гаральд не высказывал свои соображения вам или Торбьёрну? — спросила Тора.

— Мне — нет. С Торбьёрном он что-то обсуждал, но подробностей их разговоров я не знаю, — ответил Гуннар. — Гаральд все еще колебался в выборе темы, хотя, очевидно, от первоначального замысла отошел. Торбьёрн как-то обронил, что Гаральд хочет сместить акцент и посвятить диссертацию более широким последствиям Реформации, а не только ведовским процессам, но к моменту, когда его убили, название работы оставалось прежним.

— Это в порядке вещей? — спросила Тора. — Менять тему диссертации?

Гуннар кивнул:

— Да, это весьма распространено. Студенты всегда начинают с энтузиазмом, а потом выясняется, что предмет исследования не такой уж увлекательный, и тогда они ищут другой. Мы даже составили список, из которого можно выбрать, если нет собственных идей...

— Все же вернемся к черной магии. — Маттиас развернулся к висевшим на стенах картинам. — Гаральд увлекся ею еще в детстве, под влиянием своего деда. И я сомневаюсь, что интерес к Реформации смог погасить в нем эту страсть.

— Вы же знаете, что Гаральд был католик, — ответил Гуннар. Тора и Маттиас утвердительно кивнули. — Католическая церковь до 1550 года владела обширными землями в Исландии, получала с них приличные доходы. Когда же все богатства церкви перешли королю Дании, страна обнищала. Католическая церковь занималась благотворительностью: раздавала милостыню, обеспечивала едой и кровом нуждающихся, а вот после принятия лютеранства в Исландии произошло всеобщее падение уровня жизни, особенно среди беднейших слоев. Думаю, что Гаральд хотел представить Реформацию именно с этой, неприглядной стороны. Также, судя по заметкам на полях статьи, его поразило, что в Исландии священникам и епископам разрешалось иметь семью, что не допускалось в других католических странах как в те времена, так и до сих пор.

Маттиаса это не убедило.

— Да, наверное. А возможно ли, что они разговаривали с Торбьёрном не очень обстоятельно из-за того, что Гаральда интересовало нечто, о чем ни Торбьёрн, ни вы, по всей вероятности, не знали?

— И уже не узнаем, — ответил Гуннар. — Разумеется, он мог без моего ведома изучать все, что угодно, — я не проверял каждый его шаг, да это и не требовалось. Студенты, получившие степень бакалавра, самостоятельны в своих исследованиях и работают независимо. Все же советую вам поговорить с Торбьёрном, он расскажет подробнее. Если хотите, я договорюсь о встрече.

Маттиас посмотрел на Тору, она согласно кивнула.

— Да, спасибо, было бы неплохо, — поблагодарил Маттиас. — Сообщите, когда Торбьёрн сможет с нами увидаться. А также, как говорят в полиции, если вспомните что-то, что может показаться важным... ну и так далее. — Он протянул визитную карточку.

Тора вручила Гуннару свою визитку.

— Мы вам сообщим, если обнаружим письмо, которое вы ищете.

— Буду очень признателен. Ситуация крайне неприятна для университета, и я бы предпочел не объявлять об утрате письма. К сожалению, у меня нет визитной карточки, но вы всегда можете позвонить мне на работу.

Он встал.

— Еще одна просьба, — сказал Маттиас. — Не сможете ли вы нам встретиться с друзьями Гаральда? Хотелось бы поговорить с кем-то, кто хорошо его знал. Возможно, они объяснят, чем все-таки Гаральд занимался. Мы сегодня пробовали связаться с некоторыми из них, но они отказались разговаривать.

— Вы, вероятно, имеете в виду членов общества, созданного по инициативе Гаральда, — сказал Гуннар. — Да, пожалуй, я вам помогу. Они обосновались на нашем факультете, и я время от времени на них натываюсь. Честно говоря, я надеялся, что без Гаральда группа распадется. Не такой уж это подарок для университета, и я лично не вижу причин их поддерживать, предоставляя помещение. К сожалению, мне подчинено не все, поэтому я вынужден с ними мириться. Я организую вам встречу с двумя студентами с

нашего факультета, они и свяжут вас с остальными.

— Это было бы замечательно! — Тора благодарно улыбнулась. — А чем это общество вам не угодило?

Казалось, Гуннар обдумывает ответ.

— Около полугода назад случился неприятный инцидент, который как-то связан с этим обществом, хотя у меня и нет прямых доказательств.

— Что произошло? — поинтересовался Маттиас.

— Наверное, не следовало об этом вспоминать... — Гуннар явно сожалел, что обмолвился. — За пределы университета эта история, слава Богу, не просочилась.

— Какая история?.. — одновременно спросили Тора и Маттиас.

Гуннар замялся.

— Мы нашли палец.

— Палец?! — удивленно воскликнули Маттиас и Тора.

— Да, одна из уборщиц обнаружила палец неподалеку от комнаты для персонала. Вопли этой бедняжки до сих пор раздаются у меня в ушах. Чтобы не привлекать внимания, палец отдали для экспертизы на факультет криминалистики, и выяснилось, что он принадлежал человеку в возрасте. Тест на определение пола не проводили, но, похоже, он мужской. И гангренозный.

— Вы не сообщили в полицию? — возмутилась Тора.

Гуннар покраснел.

— Я был бы рад ответить, что сообщили, но, пока мы разбирались, что это за палец, прошло слишком много времени, и мы решили, что уже нецелесообразно их уведомлять. Кроме того, начинались летние каникулы.

Тора не считала летние каникулы достаточным оправданием. По этой логике надо сказать спасибо, что, когда обнаружили тело Гаральда, никто не ушел в отпуск по беременности. Или за то, что исторический факультет не взялся расследовать убийство самостоятельно. «Ну и ну», — только и подумала она.

— А что вы сделали с пальцем? — спросил Маттиас.

— Гм... мы... ну... выбросили, — промямлил Гуннар. Краска стыда разлилась по его щекам до корней волос. — Поскольку ни о каких преступлениях не сообщалось, то решили, что нет причин доводить этот случай до полиции. У них и без того есть чем заниматься.

— Ну и ну, — вслух произнесла Тора. Пальцы, глаза, письма про отрезанные уши — что ждет их дальше?

Подсоединив все кабели, Тора выпрямилась на стуле. Осталось только включить компьютер. Они проводили Гуннара Гествика и теперь сидели в кабинете Гаральда.

— Должна сказать, что существование таинственного убийцы все больше и больше кажется мне невероятным. — Тора нажала кнопку, компьютер загудел и начал загружаться. — Кровь на одежде Хюги, например... Как она вписывается в твою версию?

Маттиас промолчал.

— А эти статьи?.. Ты так прижал бедного Гуннара, словно существует прямая связь между убийством Гаральда и его работой над диссертацией.

— Убил не Хюги, я это знаю, — сказал Маттиас, не взглянув на нее.

Его поведение показалось Торе странным. Во-первых, он избегает смотреть в глаза, а это на него не похоже. Уставился на свой телефон, будто надеясь, что кто-то позвонит и выпутает его из этого разговора. Тора сложила на груди руки и нахмурилась.

— Ты от меня что-то скрываешь.

Он продолжал смотреть на мобильник.

— Надеюсь, ты не ждешь, чтобы я раскрыл все свои тайны сразу. Мы еще так мало знакомы... — произнес он с неестественной веселостью.

— Прекрати! Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Дело не только в пропавших деньгах и глазах. — Ей по-прежнему было трудно обсуждать вырванные глаза. Кроме того, она не могла ясно изложить мысль. Слова как-то не хотели складываться. — На самом деле все, что у нас есть, — это ничего не говорящий e-мейл и какой-то палец, который перепуганная профессура выбросила на помойку.

Маттиас положил телефон в карман.

— А даже если бы я что-то от тебя скрывал, ты согласишься мне на слово, что Хюги не убийца или по крайней мере не совершал это преступление в одиночку?

Тора засмеялась.

— Нет.

Маттиас встал.

— Очень жаль. По правде говоря, я не имею права сообщить тебе некоторые сведения, — сказал он и быстро добавил: — То есть если бы они были.

— Давай представим, что эта информация действительно существует — и человек, который решает, сообщать мне ее или нет, разрешил это сделать, — разве ее не нужно проверять? А как ты сможешь это сделать без меня?

Маттиас задумчиво на нее посмотрел и вышел из комнаты. Тора заметила, что телефон снова в его руке. Стоит надеяться, что он им воспользуется. Тора наострила уши и услышала в коридоре приглушенный звук его голоса.

Серый прямоугольник в центре компьютерного экрана запросил пароль. Тора решила действовать наугад: «Гаральд», «Маллеус», «Ведьмы» и так далее. Она откинулась на спинку стула и огляделась в поисках подсказки. На полке напротив стояла фотография в рамке: девушка в инвалидной коляске. Очевидно, это сестра Гаральда, умершая несколько лет назад. Как же ее звали? Она названа в честь матери. А у той какое имя? Анна? Нет, но начиналось на А. Агата? Или Анджелина? Амелия! Ее имя — Амелия Гунтлиб. Тора ег ввела. Ничего не произошло. Вздохнув, она решила напечатать с маленькой буквы: «амелия».

Ура! Зазвучало знакомое «дам-ди-дам-ди» и загрузилась программа «Виндоус». Интересно, а полиция смогла вычислить пароль? Впрочем, у них наверняка есть специалист, который вошел с черного хода. Вряд ли они тратили время на подбор вариантов.

Тора не сразу поняла, что за картинка служит фоном для рабочего стола. Ей еще ни разу не приходилось заглядывать в чей-то рот шириной с семнадцатидюймовый экран, язык в котором прихвачен с обеих сторон зажимами из нержавеющей стали, с ярко-красным продольным разрезом от кончика — вернее, от кончиков. Хотя она мало в этом понимала, но было очевидно, что фотография сделана в момент, когда язык разделился на две половинки. Операция или еще продолжалась, или только-только закончилась. Тора могла биться об заклад, что это язык самого Гаральда. Она встряхнулась, отгоняя тошноту, и открыла папку «Мои документы». Экран немедленно заполнился, убрав тошнотворное изображение.

Быстрый поиск выявил почти четыре сотни текстовых файлов. Она упорядочила их по дате так, чтобы самые свежие оказались сверху. Названия говорили сами за себя. Общим для имен файлов было немецкое слово «hexe» — «ведьма». Тора достала из сумки флэшку и скопировала все файлы, связанные с черной магией, чтобы не спеша посмотреть их вечером дома — если, конечно, Маттиас расскажет, что именно Гунтлибы от нее скрывают. А если не расскажет, то она проведет этот вечер, репетируя, как пошлет их всех подальше. Ей совсем не улыбалось работать в качестве переводчика класса «люкс».

Маттиас не появлялся, и Тора решила поискать отсканированные материалы. Она задала в поиске все pdf-расширения и получила шестьдесят названий. Вновь упорядочила их по дате и самые последние тоже скопировала. На сегодня есть чем заняться, это точно. Потом она сообразила, что у Гаральда наверняка был цифровой фотоаппарат, и вытащила список изображений. Появились сотни файлов, но они ни о чем не говорили, так как у всех были серийные номера, которые присваиваются автоматически, когда картинка загружается из фотоаппарата в компьютер. Гаральд не потрудился их переименовать. Тора выбрала «Эскизы страниц», чтобы увидеть сразу все содержимое, и упорядочила изображения по дате. Она обратила внимание, что недавние фотографии сделаны здесь же, в квартире. Сюжеты были разные, на некоторых ничего особенного, большая часть отснята на кухне, во время приготовления еды — процесс детально зафиксирован. Людей нет, на двух видны руки. Эти Тора скопировала: а вдруг это руки убийцы? «Никогда не знаешь», — подумала она. Еще несколько фотографий с гигантской тарелкой пасты на разных стадиях — эти не нужны...

Прокручивая вниз, Тора заметила, что многие снимки — довольно нескромного содержания — сделаны во время различных сексуальных действий. Ей очень хотелось их увеличить, но она боялась, что тут-то и войдет Маттиас и застучает ее за подглядыванием. Еще она просмотрела бесчисленное количество фотографий операции на языке, включая ту, которую Гаральд избрал фоном для рабочего стола. Понять, кто на них изображен, было невозможно, но на некоторых видны чьи-то торсы, поэтому она их тоже скопировала. Другие файлы хранили кадры буйных вечеринок и массовых гулянок вперемежку с исландскими пейзажами — и это казалось совершенно неуместным. На нескольких, очень темных, была лишь серая поверхность камней. Увеличив изображение, Тора разглядела, что на одном из валунов, похоже, вырезан крест. Целая серия снимков сделана в деревушке, которую Тора не узнала, часть — в каком-то музее, где вместе с кусками базальта выставлялось что-то похожее на рукописные фолианты. На одном из снимков виднелась

надпись. Тора ее увеличила в надежде идентифицировать музей, но надпись оказалась табличкой «Не фотографировать». Дальше пошли совсем старые фотографии, едва ли связанные с делом, и Тора перестала их смотреть.

Затем она проверила почту Гаральда. В папке «Входящие» было семь непрочитанных сообщений. Большинство присланных после убийства полиция наверняка проверила.

Вошел Маттиас. Тора отвлеклась от e-мейлов и выжидательно на него посмотрела. Он сел на стул, по-прежнему криво улыбаясь.

— Ну? — нетерпеливо сказала она.

— Ну... — эхом отозвался Маттиас и наклонился вперед, опершись локтями о колени и сложив ладони так, будто собрался молиться. — Поскольку, как ты считаешь, тебе необходимо все знать... — он выделил слова «как ты считаешь», — то прежде, чем я тебе это скажу, пообещай мне кое-что.

— Что именно? — спросила она, будучи заранее уверена в ответе.

— Информация абсолютно конфиденциальная. Ты должна подтвердить, что сохранишь это втайне. Понятно?

— Откуда мне знать, смогу ли я сохранить «это» в тайне, если нет даже намека на то, что такое «это»?

Маттиас пожал плечами:

— Придется рискнуть. А чтобы не получилось, будто я заманиваю тебя в ловушку, честно предупреждаю — рассказать захочется.

— Кому же мне захочется рассказать? — спросила Тора, предчувствуя ответ, и не ошиблась.

— Полиции, — не колеблясь ответил Маттиас.

— Значит, вы, то есть семья Гаральда, владеете информацией, которая может оказаться важной для расследования, но скрываете ее? Я правильно поняла?

— Да, — сказал Маттиас.

— Ну-ну, — произнесла Тора и задумалась.

Долг юриста и принятые в их сообществе этические нормы обязывают ее информировать органы власти о том, что может иметь отношение к совершенному преступлению. Таким образом, ей следует отклонить предложение и уведомить полицию, что Маттиас утаивает факты, связанные с расследованием убийства. С другой стороны, он ведь станет все отрицать, а ее собственное участие в деле на этом закончится. И кто от этого выиграет? В общем, ее моральная установка оказалась довольно гибкой. Тора посчитала, что во имя торжества гражданской справедливости она просто обязана держать рот на замке и, вооружившись новой информацией, сделать все возможное для раскрытия невиданного для ее страны преступления. Потомки ей будут благодарны... Все это Тора обмозговывала молча. Решение довольно-таки двусмысленное, однако лучшее из худшего. В своде этических норм наверняка должны быть учтены обстоятельства, когда цель оправдывает средства. А если нет, то пора менять этические нормы.

— Ладно, — объявила она. — Что бы ты ни сказал, обещаю никому не говорить, даже полиции.

Маттиас довольно заулыбался и хотел было начать свое откровение, но Тора добавила:

— Ты тоже пообещай: если этот секрет доказывает невиновность Хюги, а мы не сможем каким-нибудь способом предъявить это доказательство, то до начала суда над ним мы передадим информацию властям. И не скажем, что я об этом знала заранее. И...

Маттиас ее перебил:

— Умоляю, не надо больше «и»!.. — Он задумался, пристально глядя на Тору. — Согласен. Ты молчишь, а я извещаю полицию о письме в том случае, если у нас не получится подтвердить невиновность Хюги до суда.

Письмо? Еще одно? Это становится похожим на водевиль. Если, конечно, забыть про фотографии со вскрытия, которые тут же встали перед глазами Торы.

— О каком письме ты говоришь? — спросила она. — Я подтверждаю свое обещание.

— Вскоре после убийства мать Гаральда получила письмо, — начал Маттиас. — Именно оно всех убедило в невиновности подозреваемого. Его послали по почте, когда Хюги уже арестовали. Сомневаюсь, что полиция оказала такую любезность и отправила письмо за него, а если бы вдруг это произошло, они бы обязательно его сначала прочитали.

— И что там? — нетерпеливо спросила Тора.

— В содержании ничего особенного за исключением того, что оно очень неприятно для матери. И написано кровью. Кровью Гаральда.

— Ни хрена себе! — не сдержалась Тора. Получить письмо, написанное кровью мертвого сына, — это чудовищно! — Там есть подпись? Откуда известно, что это кровь Гаральда?

— Письмо на исландском и подписано именем Гаральда, но графолог установил, что почерк не его. Однако он не смог подтвердить это на сто процентов, потому что оно написано каким-то грубым инструментом. Это осложнило сравнение с образцом почерка Гаральда. Поэтому письмо и послали на дополнительную экспертизу, включая исследование крови. Результат неоспорим — это кровь Гаральда, смешанная с небольшим количеством крови птицы из семейства воробьиных.

Глаза Торы расширились. Птичья кровь? От этого ее замутило гораздо больше, чем от крови человеческой.

— О чем говорится в письме? Оно у тебя с собой?

— Оригинал у меня нет. Мать не отдала бы его, и вполне могла уничтожить. Оно довольно мерзкое.

— И что? — расстроилась Тора. — Надо же знать, о чем оно... Вы нашли кого-то, кто его перевел?

— Да, нашли. Это всего лишь любовное стихотворение, которое начинается сладкозвучно, но потом становится довольно жутким. — Он улыбнулся, глядя на разочарованную Тору. — Тебе повезло, я его переписал. Видишь ли, переводчик — я. Правда, мне здорово помог исландско-немецкий словарь. Вряд ли я выиграл бы конкурс поэтических переводов, но смысл текста мне передать удалось. — Маттиас достал из кармана сложенный лист и вручил его Торе. — Возможно, не все буквы я перерисовал правильно — потому что не все разобрал, но я старался, чтобы вышло похоже.

Стихотворение было длинным. Сколько же потребовалось для него крови?.. Трудно представить... Буквы прописные — наверное, как в оригинале. На листе бумаги Тора прочитала:

Я СМОТРЮ НА ТЕБЯ,
А ТЫ ДАРИШЬ МНЕ
ЛЮБОВЬ И НЕЖНОСТЬ
ВСЕМ СЕРДЦЕМ.

БУДЬ НИГДЕ,
ОСТАВАЙСЯ НИГДЕ,
ПОКА НЕ ПОЛЮБИШЬ МЕНЯ.
Я ПРОШУ ОДИНА
И ВСЕХ ТЕХ,
КТО МОЖЕТ ЧИТАТЬ
ЖЕНСКИЕ РУНЫ,
ЧТОБЫ В ЭТОМ МИРЕ
ТЕБЕ НЕ БЫЛО ПОКОЯ И
БЛАГОДЕНСТВИЯ,
ПОКА НЕ ПОЛЮБИШЬ МЕНЯ
ВСЕМ СЕРДЦЕМ.

А ПОТОМ ТВОИ КОСТИ СГОРЯТ ДОТЛА,
ТВОЯ ПЛОТЬ СГОРИТ И ПОДАВНО.
ПУСТЬ ТЕБЯ ПОСТИГНЕТ НЕСЧАСТЬЕ,
ПОКА ТЫ НЕ ПОЛЮБИШЬ МЕНЯ,
ПУСТЬ ТВОИ НОГИ ОКОЧЕНЕЮТ,
ПУСТЬ ТЫ НИКОГДА НЕ ЗАСЛУЖИШЬ ПОЧЕСТЕЙ
ИЛИ СЧАСТЬЯ.
ПОЛЫХАЙ ОГНЕМ,
ПУСТЬ ТВОИ ВОЛОСЫ СТАНУТ ПЕПЛОМ,
ПУСТЬ ТВОЯ ОДЕЖДА СТАНЕТ ПРАХОМ,
ЕСЛИ ТЫ САМА НЕ ПОЖЕЛАЕШЬ МЕНЯ.

Дико было читать это макабрическое стихотворение.

— К сожалению, я его не знаю. Кто это сочинил?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил Маттиас. — Подлинник еще жутче, потому что написан на коже — на телячьей коже. Только безумец способен измыслить такое и отправить матери усопшего.

— Только матери? К отцу оно не имеет отношения?

— Там была еще короткая приписка на немецком. Я не записал, но приблизительно помню.

— И что там?

— Что-то вроде: «Мама, я надеюсь, тебе понравились стихи и подарок. Твой сын Гарри». Слово «сын» дважды подчеркнуто.

Тора оторвалась от страницы и посмотрела на Маттиаса.

— Подарок? С письмом был подарок?

— Родители Гаральда говорят, что нет, и я им верю. Когда они это получили, то чуть с ума не сошли. В таком состоянии не лгут.

— Почему оно подписано «Гарри»? У человека, который это написал, кончилась кровь?

— Нет, так Гаральда называл его брат. Это детское прозвище мало кто знал, и это еще одна причина, по которой письмо так подействовало на мать.

— Она с ним плохо обращалась? — Торе вспомнилась фотография одинокого

маленького мальчика.

Маттиас ответил не сразу, тщательно подбирая слова. Он собирался говорить о частной жизни своих хозяев, которых, похоже, очень уважал, и для него было важно выразиться подобающим образом.

— Скорее она его избегала. Понимаешь, если бы их отношения были нормальными, она бы передала письмо исландской полиции. Оно ощутимо бьет по нервам. — Он сделал короткую паузу и внимательно посмотрел на Тору. — Она хочет с тобой поговорить. Как мать с матерью.

— Со мной?! — изумилась Тора. — Что ей от меня надо? Прощение за плохое отношение к собственному ребенку?

— Она не уточняла. Сказала только, что желала бы с тобой поговорить, но не сейчас. Ей нужно время, чтобы оправиться от шока.

Тора не ответила. Разумеется, если эта женщина будет настаивать, Тора с ней поговорит, но утешать того, кто плохо обращался с ребенком, — нет уж, извините.

— Я не вижу в письме мотива для убийства, — сказала она, меняя тему.

— Я тоже, — мгновенно ответил Маттиас. — В инсценировке, что его якобы послал сам Гаральд, есть какая-то ненормальность, поэтому не исключено, что убийца — психопат.

Тора уставилась на лист.

— А может быть, это намек, что мертвый Гаральд будет преследовать свою мать?

— Зачем? — резонно сказал Маттиас. — Кому нужно так ее мучить?

— Гаральду, разумеется. Если не считать того, что он мертв. Или его умершей сестре. Возможно, мать с ней тоже плохо обращалась.

— Нет, — ответил Маттиас. — С ней плохо не обращались, я могу это засвидетельствовать. Она была светом родительских очей.

— Тогда кто? — Тора запуталась.

— Точно не Хюги. Если только у него не было сообщника.

— Жаль, что утром мы ничего не знали о крови на одежде Хюги. — Тора посмотрела на часы. — Хорошо бы у него самого спросить. Может быть, мне разрешат поговорить с ним по телефону.

Она позвонила в справочную, узнала телефон тюрьмы. Тора напомнила дежурному охраннику, что она представитель защиты и утром встречалась с арестованным. Ей разрешили с ним поговорить, но коротко. Несколько минут нетерпеливого ожидания под аккорды бетховенского «К Элизе», и вот запыхавшийся Хюги у телефона:

— Алло.

— Привет, это Тора Гудмундсдоттир. Я тебя надолго не задержу. Мы забыли спросить насчет крови Гаральда на твоей одежде. Можешь объяснить?

— Это сраное дерьмо! — застонал Хюги. — Полиция меня об этом спрашивала. Понятия не имею, про какую окровавленную футболку они говорят, а про свою одежду я уже объяснял: кровь на ней появилась раньше.

— Как?

— На тусовке в Скерьяфьордюр мы с Гаральдом пошли в туалет, нюхнуть. У него сильно пошла носом кровь, и брызнуло на меня. Туалет крошечный.

— Разве нельзя это подтвердить? Неужели никто не помнит, как ты вышел из туалета, залитый кровью?

— Я же не по уши был ею залит, вот никто и не заметил. Глазки-то у всех давно были в

кучку.

«Черт!» — подумала Тора.

— А как окровавленная футболка попала в твой шкаф?

— Понятия не имею. — Он немного помолчал, а потом добавил: — Я не убивал Гаральда и не вытирал кровь футболкой. Я даже не знаю, моя ли она, — мне ее не показывали. Скорее всего копы ее сами подбросили.

— Это серьезное обвинение, Хюги. Полиция такими вещами не занимается. Если ты говоришь правду, то это объясняется как-то по-другому.

Они закончили разговор, и Тора пересказала его Маттиасу.

— Что ж, половину Хюги объяснил, — сказал Маттиас. — Надо спросить остальных участников вечеринки, помнят ли они что-нибудь про кровь из носа.

— Да, — согласилась Тора, но подумала, что в этом будет больше мороки, чем пользы.

«Пинг-г!» — раздалось из компьютера. Тора с Маттиасом посмотрели на экран. В правом углу выскочило уведомление о новом письме. Тора схватила мышь и кликнула по иконке с конвертиком.

Это был е-мейл... от Мала.

«Ну здорово, мертвый Гаральд.

Что за дела? Тут мне пришло мыло типа от исландской полиции и от какого-то засранного юриста...»

Тора разозлилась, хотя за свою юридическую карьеру слышала и похуже.

«...Эти придурки решили, что ты мертв, — это прикол, да? Черкни мне, а то как-то напрягает.

Пока.

Мал».

— Быстро! Быстро отвечай, — торопил ее Маттиас, — пока он у компьютера.

Тора спешно нажала «Ответить отправителю».

— Что писать? — спросила она, набирая традиционное «Уважаемый Мал!»

— Какая разница! — рявкнул Маттиас.

Классно помог. Тора стала писать:

«К несчастью, это правда, и Гаральд мертв. Его убили, и ответить он не может. Компьютер Гаральда теперь у меня, а я тот самый „засранный юрист“, который недавно пытался с вами связаться. Я выполняю поручение родителей Гаральда, и они хотят найти убийцу. Арестован один молодой человек, но он скорее всего невиновен. Полагаю, у вас есть информация, которая нам поможет. Известно ли вам, что именно нашел Гаральд и кто этот „хренов идиот“, о котором он вам писал? Пожалуйста, пришлите мне номер телефона, по которому я могла бы с вами связаться.

С уважением,

Тора».

Маттиас читал с экрана, и, едва она поставила точку, воскликнул, нетерпеливо размахивая руками:

— Отправляй, отправляй!

Тора отослала письмо, и несколько минут они молча ждали. Через некоторое время всплывающее окно объявило о новом сообщении. Они взволнованно поглядели друг на друга, и Тора его открыла.

«Ты, засранный юрист, пошел ты на хрен. И Гунтлибов с собой прихвати. Все вы гады! Я скорее сдохну, чем стану вам помогать!

Со всей моей ненавистью,

Мал».

Тора медленно перевела дыхание. Все предельно ясно. Она посмотрела на Маттиаса.

— Возможно, он шутит?

Маттиас поймал ее взгляд, пытаясь понять, спрашивает она серьезно или иронизирует. Решил, что все-таки иронизирует.

— Разумеется. И сейчас придет еще один e-мейл со скачущими через весь экран смайликами и расскажет, как он любит семейство Гунтлибов и его представителей.

Маттиас тяжело вздохнул.

— Вычеркиваем. Судя по всему, Гаральд в разговорах с друзьями отзывался о родителях не слишком высоко. Думаю, надо забыть про Мала.

— Жаль, время впустую потратили! Может, сходим в «Каффибреннслан», поговорим с барменом, который обеспечил алиби Халлдору? Если сегодня его смена. А если нет, то просто выпьем кофе.

Маттиас охотно встал. Тора быстро отсоединила флэшку, спрятала ее в сумку и выключила компьютер.

В «Каффибреннслан» посетителей было не много, поэтому Тора и Маттиас выбрали столик поближе к бару. Пока Тора боролась со своим пуховиком, пытаясь повесить его на спинку стула, Маттиас рассматривал молодую официантку. Потом повернулся к Торе.

— Почему ты не надела то же пальто, что и утром? — спросил он, таращась на нечто, расплывающееся по обеим сторонам ее стула: рукава, набитые гагачьим пухом, оттопыривались чуть ли не под прямым углом.

— Замерзла, — ответила Тора, удивленная его вопросом. — Этот уютный домик висит у меня в офисе, и я ношу его по вечерам. Чем тебе не нравится?

Лицо Маттиаса красноречивее слов выразило его мнение о пуховичке.

— Да нет, славный. Брать пробы льда в Антарктиде — в самый раз.

Тора закатила глаза.

— Боже, какой ты злой.

— Что закажете? — спросила подошедшая официантка. На девушке был маленький черный фартук, затянутый вокруг тонкой талии, и она держала наготове блокнот.

— Мне, пожалуйста, двойной эспresso.

Тора повернулась к Маттиасу.

— А тебе, наверное, травяной чай в чашечке костяного фарфора?

— Ха-ха. Очень смешно. А мне кофе по-исландски, — сказал он официантке, — то есть тоже эспresso.

— О'кей, — улыбнулась она и не стала записывать заказ. — Что-нибудь еще?

— И да и нет, — ответила Тора. — Бьёрн Йонссон сегодня работает? Нам бы с ним поговорить.

— Бьёсси? — удивилась девушка. — Да, он только что пришел. — Она посмотрела на настенные часы. — Его смена начинается прямо сейчас. Хотите, позову?

Тора ее поблагодарила, и девушка ушла за Бьёсси и кофе.

Маттиас лукаво улыбался Торе.

— Твой пуховик великолепен. Я только это имел в виду. Просто он такой... огромный.

— Хм, размер не помешал тебе флиртовать с Беллой. Она тоже огромная, настолько огромная, что создает собственное поле притяжения. Канцелярские скрепки так и кружатся вокруг нее. Кстати, тебе стоит приобрести наш пуховик. В нем ужасно удобно заказывать кофе по-исландски.

— Не могу. Иначе в машине тебе придется сидеть сзади. И по-другому никак. Вдвоём

мы спереди не уместимся.

Они приостановили дискуссию об исландских пуховиках, когда официантка принесла кофе. Вместе с ней пришел молодой человек, симпатичный и немного женственный: темные волосы аккуратно подстрижены и тщательно уложены, щеки чисто выбриты.

— Привет, вы хотели меня видеть? — спросил он певучим голосом.

— Да, если вы Бьёрн, — сказала Тора, беря с подноса одну из чашек.

Молодой человек кивнул, и она объяснила, кто они такие. Тора решила, что лучше говорить на исландском, а не на английском, чтобы бармен чувствовал себя свободнее. Маттиас молчал и невозмутимо прихлебывал кофе.

— Мы хотели бы спросить у вас про вечер убийства и о Халлдоре Кристинссоне.

Бьёсси сосредоточенно кивнул:

— Да, конечно, но... А это по закону?

Тора объяснила, что в их беседе нет ничего противозаконного, и он начал рассказывать.

— Я тогда обслуживал не только его... — Он оглядел полупустой зал. — По выходным здесь полно народу.

— Он вам чем-то запомнился? — уточнила Тора, следя, чтобы не получилось, будто она сомневается в его словах.

— Дори? Еще бы! — воскликнул Бьёсси чуть-чуть самодовольно. — Я их уже узнавал, понимаете? Его и того иностранца, которого убили. Они сюда часто вдвоем приходили, и трудно было их не замечать. Иностранец очень выделялся. Всегда называл меня «медведем», по значению моего имени. Дори иногда приходил и один, мы даже болтали, если он садился у барной стойки.

— А в тот вечер?

— Нет, здесь такое творилось — сумасшедший дом! Я метался от одного клиента к другому. С Дори только поздоровался, потом мы перебросились парой слов. Он был довольно хмурый, так что я не навязывался.

— И в такой суете вы запомнили, во сколько он пришел? — нажимала Тора. — Судя по вашим же словам, у вас для этого не было ни времени, ни повода.

— А, это, — произнес Бьёсси. — Он попросил записывать на его счет, чтобы не платить отдельно за каждый напиток. В этом случае мы всегда отмечаем время первого заказа и время окончательного расчета. — Бьёсси заговорщически улыбнулся Торе. — Он правильно сделал, потому что напился в дым. Его кредитка расплавилась бы, если бы ее столько раз за вечер прогнали через кассовый терминал.

— Понятно, — сказала Тора. — А вы уверены, что он все время сидел тут до двух часов ночи, пока не пришли его друзья? Мог он неожиданно уйти, а вы не заметили?

Бьёсси задумался.

— Вообще-то я уверен, и сказал об этом полиции, но клясться не стану. Я судил по его заказам в баре, но сам не обслуживал его все время. Он мог разрешить кому-то другому взять выпивку по своему счету... Не знаю. — Он обвел рукой помещение. — Наше заведение не такое уж большое. Я бы заметил, что он исчез. Вот так.

Тора зашла в тупик. О чем еще спросить? Бармен хоть и все рассказал, но алиби Халлдора от его объяснения убедительнее не стало. Поблагодарив Бьёсси, она дала ему свою визитную карточку, на тот случай если он вспомнит что-то еще, хотя это маловероятно. Она выпила остывший кофе, между глотками пересказав Маттиасу разговор. Пора было домой. Они расплатились и ушли.

Почти пять, но дороги еще свободны. На улице холод и сильный ветер, штормовая погода, поэтому людей не много, лишь горстка пешеходов спешит, не глядя по сторонам и не останавливаясь у витрин. Решив не заходить в офис, Тора попросила Маттиаса подвезти ее до автостоянки, и уже оттуда собралась поехать домой. Она позвонила Белле предупредить, что появится только завтра утром, и заодно спросить о делах, которые возникли в ее отсутствие.

— Але, — раздалось в телефоне. Ни тебе названия компании, ни сама не представилась...

— Белла, — сказала Тора, сдерживая недовольствие, — это Тора. Я сегодня не вернусь, но завтра буду к восьми.

— У-гм, — загадочно раздалось в ответ.

— Для меня есть сообщения?

— Откуда я знаю?

— Откуда?! Какой же я оптимист, если наивно полагала, что секретарь должен ненароком принимать телефонные звонки. Хотя, разумеется, я говорю глупости.

На другом конце линии замолчали, и Тора почти слышала, как Белла в обратном порядке отсчитывает секунды.

— Уже пять часов. У меня рабочий день закончился. — Белла повесила трубку.

Тора уставилась на свой мобильник, потом сказала — больше себе, чем Маттиасу:

— Как ты думаешь, у Беллы и Мала похожие характеры?

— Что? — Маттиас подъехал к автостоянке.

— Да так... — Тора сняла пристегнутой ремень. — Кстати, чем ты занимаешься по вечерам?

— Чем придется, — ответил Маттиас. — Ужинаю, иногда захожу в бары, время от времени изучаю достопримечательности, музеи и все такое.

Торе стало его жалко. Наверное, ему одиноко.

— Завтра пятница, и мои дети все выходные проведут с отцом. Приглашаю тебя на ужин. Как ты на это смотришь?

Маттиас улыбнулся.

— Великолепно, если обещаешь не готовить рыбу. Если я съем еще хоть кусочек, у меня отрастут плавники.

— Нет, я подумала о чем-нибудь более изысканном — например, о готовой пицце, — сказала Тора и вышла из машины. Она надеялась, что Маттиас уедет до того, как она подойдет к своему автомобилю. Если он смеется над ее пуховиком, то когда увидит, на чем она ездит, у него случится сердечный приступ. Увы, ее надежды не оправдались: Маттиас хотел удостовериться, что она сядет в машину. Тора открыла дверцу и услышала, как он ее окликает. Она обернулась. Он высунулся из окошка и громко крикнул:

— Новая шутка? Это твоя машина?

Игнорируя его глумливый смех, Тора прокричала в ответ:

— Хочешь поменяться?

Маттиас покачал головой и уехал.

Накануне Тора договорилась с родителями дочкиной одноклассницы, что после школы Соулей побудет у них. Теперь она к ним заскочила, забрала дочку и поблагодарила молодую и довольно бойкую маму подружки, которая сказала, что нет проблем и даже проще, если их

двое, — тогда они заняты друг другом. Тора еще раз ее поблагодарила и пообещала, что надеется когда-нибудь помочь тем же. Ага, когда-нибудь, когда рак на горе свистнет.

Дома в прихожей, собираясь уходить, толпились друзья Гильфи. На полу валялись пальто, куртки, кеды и потрепанные рюкзаки с учебниками. Все это добро принадлежало трем долговязым мальчишкам и девочке. Мальчишек Тора знала хорошо, а девочку не очень. Они пытались разобраться, где чья обувь.

— Привет! — протискиваясь между ними, поздоровалась Тора.

Ее сын стоял в проходе и выглядел таким же замороженным, как и утром.

— Вы уроки делали? — спросила Тора, прекрасно осознавая, что это невозможно в принципе. В этом возрасте вместе собираются не для уроков, и если бы кто-то осмелился такое предложить, его бы тотчас подвергли остракизму. Впрочем, она обязана задать этот дурацкий вопрос — мать все-таки.

— Ну-у... нет, — ответил Патти, хороший парнишка, уже много лет лучший друг Гильфи. Его пунктиком было считать, сколько месяцев, дней и часов осталось до того, как он получит водительские права. Иногда Тора проверяла его расчеты, и в основном они оказывались верными.

Тора улыбнулась девочке, которая смущенно стояла у вешалки. Тора не помнила, как ее зовут, хотя в последнее время она приходила к ним довольно часто. Гильфи сильно повзрослел, возможно, он в нее влюблен или даже встречается с ней... Она довольно милая, но такая малюсенькая по сравнению с Гильфи и его друзьями.

Соулей повесила пальто, аккуратно поставила обувь. Потом посмотрела на подростков, встала руки в бока и по-хозяйски нахмурилась.

— Вы опять прыгали на кровати? Нельзя это делать, от этого портится матрас!

Ее брат покраснел от стыда и заорал:

— Ну чем я заслужил такую семью? Почему вы такие тормозы?! Я вас обеих ненавижу!!! — Он психанул и выскочил из прихожей, хлопнув дверью.

Его друзья засмутились и стали быстро выходить.

— Пока, — буркнул Патти, закрывая за собой дверь, но тут же просунул обратно голову и заявил: — Вы и вполтину не такие тормозы, как мои. Просто у Гильфи сейчас черная полоса.

Тора улыбнулась и поблагодарила его. По крайней мере это была попытка вежливости, хоть и довольно неуклюжая.

— Что ж, — обратилась она к дочке, — приготовим ужин?

Сосредоточенно кивнув, девочка потащила один из пакетов с продуктами на кухню.

Они вместе, включая вернувшегося Гильфи, поужинали магазинной лазаньей, разогретой в микроволновке, а также питой, которую Тора прихватила в магазине, приняв за чесночный хлеб. Соулей отправилась поиграть в свою комнату, а сын начал мыть посуду. Было очевидно, что он сожалеет об опрометчивом выкрике насчет умственных способностей матери и сестры, но не может извиниться. Тора вела себя так, будто ей все равно, надеясь при этом, что избрала правильную линию поведения. Возможно, он в конце концов расскажет, что его беспокоит. Ей казалось, что она ясно дала сыну понять: вот она, здесь, всегда поможет. Тактически поцеловав Гильфи в щеку, она поблагодарила его за помощь и в награду получила вымученную улыбку. Сын пошел к себе.

Тора решила воспользоваться неожиданной тишиной и посмотреть файлы, скопированные из компьютера Гаральда. Она взяла ноутбук и устроилась на диване. Сначала

она изучила несколько фотографий с операцией на языке, датированных семнадцатым сентября. Тора открывала их одну за одной, увеличивая некоторые фрагменты, отчего снимки становились чуть менее отвратительными. В основном это был рот и сама операция в последовательности, но кроме Гаральдовых челюстей в кадр попали и другие детали. Операцию проводили на дому, это несомненно, так как обстановка отличалась от зубного кабинета или другого медицинского учреждения. Тора обратила внимание на журнальный столик, заставленный стаканами и пивными банками. Еще на нем стояла громадная, полная окурков пепельница. Все происходило явно не у Гаральда — жилище выглядело грязным и дешевым, не чета его девственно-чистой и современной квартире.

На одну фотографию попала часть торса того, кто проводил операцию. Или ассистировал. Он (или она) был одет в светло-коричневую футболку с надписью, которая не читалась из-за складок на ткани. Тора ухитрилась различить «100» и «...или...».

На первых двух снимках разреза еще не было, но третий сделан уже после того, как пустили в ход нож: кровь текла изо рта Гаральда прямо на чьи-то руки. Если рана на языке сравнима с повреждением кожных покровов головы, то кровотечение должно быть обильным. Торе показалось, что на одной руке неизвестного есть татуировка. Она увеличила изображение и прочитала слово «дерьмо». Никаких рисунков или украшательств, просто — «дерьмо». Больше на снимках не обнаружилось ничего важного.

Тору заинтересовали фотографии приготовления еды, сделанные за три дня до убийства, в среду, что подтверждалось «свойствами файла». Особенно тщательно Тора изучила два снимка, где фотограф сконцентрировался на руках. На одном руки перемешивали салат, на другом — нарезали хлеб, но принадлежали они разным людям. Одна пара была в декоративных шрамах, с пентаграммой и изображением, похожим на смайлик с опущенными уголками рта и рожками. Скорее всего это руки Гаральда. Другая пара — изящная, женская, с тонкими пальцами и ухоженными ноготками. На одном из пальцев кольцо. Тора увеличила снимок. Кольцо с бриллиантом или каким-то другим прозрачным камнем выглядело довольно обычным. Вряд ли такое врежется кому-то в память, однако Тора решила показать фотографию Хюги — вдруг он узнает кольцо.

С того момента как Тора впервые побывала в квартире Гаральда, у нее не выходил из головы немецкий журнал «Бунте» в ванной комнате. Ведь совершенно ясно, что его читал не Гаральд. И вряд ли кто-то из его исландских приятелей. Скорее всего журнал привезли из Германии, и привезла женщина, поскольку журнал типично женский. С обложки улыбались Том Круз и Кэти Холмс, ожидающие прибавления семейства. А ребенок родился у них этой осенью, об этом трубили все новостные программы. Возможно, к Гаральду приезжал кто-то из Германии и жил у него дома. Тора вспомнила фразу Хюги, что перед вечеринкой в Скерьяфьордюр Гаральд исчез на неделю и друзья не могли с ним связаться.

Она позвонила Маттиасу, который ответил лишь через несколько гудков.

— Ты где сейчас? Тебе удобно разговаривать? — спросила она, услышав какие-то фоновые шумы.

— Говори-говори, — ответил Маттиас с полным ртом. Проглотил и сказал: — Я ем. Мясо! Хочешь разделить со мной десерт?

— Нет, спасибо. — На самом деле Торе ужасно захотелось красиво одеться, пойти в ресторан, испачкать помадой бокалы, которые потом вымоет кто-то другой... — Завтра детям в школу, и мне надо проконтролировать, что они вовремя легли спать. Слушай, у тебя есть телефон уборщицы Гаральда? Похоже, что незадолго до убийства у него были гости.

Может быть, даже останавливались в его квартире. Все указывает на то, что это женщина из Германии.

— Где-то в списке адресов у меня есть телефон уборщицы. Давай я ей сам позвоню: мы с ней встречались, по-английски она говорит хорошо. Возможно, так будет лучше. Тебя она не знает, а меня наверняка помнит — я отдавал ей зарплату за последний месяц.

Так и решили, и Маттиас обещал перезвонить. Тора объявила дочери, что пора спать, и пошла с ней чистить зубки. Тут запищал мобильный. Она пристроила его между щекой и плечом и разговаривала, одновременно помогая Соулей.

— Уборщица рассказала, что в гостевой спальне кто-то жил, по меньшей мере пользовался кроватью. И кое-что она нашла в туалетной комнате — одноразовую бритву, женскую. Словом, ты права.

— Полиции она об этом сообщила?

— Нет, не посчитала важным — Гаральда ведь убили не в его квартире. К тому же она говорит, что у него часто оставались гости, и не один-два, а сразу несколько. Понятно, что в основном после ночных пирушек.

— Может быть, у него была девушка? Немка?

— Которая прилетела сюда заняться любовью, но спала в гостевой спальне? Сомневаюсь. Кроме того, я никогда не слышал про какую-нибудь его немецкую подружку.

— Они могли быть в ссоре. — Тора на секунду задумалась. — Или это не его девушка, а просто знакомая. Или родственница. Возможно, сестра?

Маттиас ответил не сразу.

— Если она, то мы не пойдём в эту сторону.

— Да ты что?! — взвилась Тора. — Почему, черт возьми?!

— Видишь ли, у нее недавно случилось несчастье — брата убили. И есть еще дополнительные переживания, связанные с ее будущим.

— То есть?

— Она талантливая виолончелистка и хотела посвятить себя музыке, однако отец настаивает, чтобы она пошла в бизнес и унаследовала банк. Никого ведь не осталось. Впрочем, если бы Гаральда не убили, его кандидатуру все равно бы не рассматривали. А семейный разлад из-за ее занятий возник гораздо раньше.

— Она носит украшения? — спросила Тора. Она вспомнила короткие ухоженные ногти на фотографии и подумала, что такие руки вполне могли принадлежать виолончелистке.

— Нет, никогда. Она не того склада, побрякушками не увлекается.

— У нее нет даже маленького колечка с бриллиантом?

Помолчав, Маттиас произнес:

— Кажется, есть. Откуда ты знаешь?

Тора рассказала про фотографии. Он пообещал, что подумает и, может быть, все-таки свяжется с девушкой. Они попрощались.

— Ты все? — спросила Соулей с полным пены ртом. Во время разговора бедняжка терпеливо ждала, пока ей почистят зубки — «белые жемчужинки», как говорила про них мамочка. Уложив дочь, Тора подоткнула одеяльце и немного ей почитала, пока та не стала клевать носом. Поцеловав полусонную девочку, Тора выключила свет, закрыла дверь детской и вернулась к компьютеру.

Почти два часа она внимательно просматривала оставшиеся файлы, но не нашла ничего полезного. Она решила лечь в постель и почитать «Молот ведьм», как советовал Маттиас.

Чтение обещало быть не скучным.

Она раскрыла книгу, и оттуда выпала сложенная пополам бумажка...

— Заткнись, — прорычала Марта Мист. — Ничего не получится, пока мы все не сосредоточимся.

— Сама заткнись, — огрызнулся в ответ Андри. — Хочу и говорю.

Бриет показалось, что Марта Мист оскалилась по-звериному, но расставленные по комнате гелевые свечи горели тускло, так что, возможно, это всего лишь игра теней.

— Хватит ругаться, и давайте уже со всем этим покончим! — Бриет поудобнее устроилась на полу, где они сидели плотным кружком, подобрав под себя ноги.

— Да ради Бога, — проворчал Дори, потирая глаза. — Я собирался пораньше лечь спать, и не хочу растягивать это дерьмо на всю ночь.

— Дерьмо? — завелась раздраженная Марта Мист. — Вроде все были согласны. Или я ошиблась?

Дори тяжело вздохнул.

— Нет, и не переиначивай мои слова. Давайте уже начнем...

— Здесь не так, как у Гаральда, — вставил Бряудн, вглядываясь в их лица. До сих пор он не часто подавал голос. — Без него вряд ли получится.

Реплику насчет своей квартиры Андри пропустил мимо ушей.

— То, что Гаральда нет, уже не исправить. Ну, как там зовут эту старую корову?

— Тора Гудмундсдоттир, — ответила Бриет. — Она юрист.

— О'кей, — сказал Андри. — Поехали. Согласны? — Он посмотрел на остальных — кто-то кивнул, кто-то пожал плечами. — Кто начнет?

Бриет взглянула на Марту Мист.

— Начни ты, — сказала она, желая подмаслить подругу. — У тебя это лучше всех получается. Важно сделать все как следует.

Марта Мист не удостоила вниманием примитивную лесть и обвела взглядом круг.

— Если эта баба сунет нос куда не надо, то мы окажемся в полной заднице. Вы понимаете? Наше счастье, что полицейские сюда не копают.

— Понимаем, — ответил за всех Бряудн. — Стопроцентно.

— Вот и прекрасно, — сказала Марта Мист и положила руки на бедра. — Так... А теперь — ни звука!

Все замолчали. Она взяла из центра круга несколько листов чистой бумаги и маленькую чашу с красной жидкостью. Листы положила перед собой, а чашу поставила рядом. Бриет торжественно подала ей китайскую палочку для еды. Марта Мист обмакнула ее в вязкую жидкость и медленно начертила символ. Закрыла глаза и начала говорить низким, монотонным и зловещим голосом:

— Дабы убоился тебя враг твой...

9 декабря 2005 года

Тора читала до утра, встала разбитой и с тяжелой головой. Вчера она сначала долго исследовала выпавшую из книги бумажку с различными словами и датами. Тора предположила, что это рука Гаральда — его имя стояло на форзаце книги, а некоторые надписи сделаны на немецком. Почерк был не слишком аккуратный, поэтому Тора сомневалась, что все разобрала правильно. Но кое-что она расшифровала.

«1485 Маллеус», дата подчеркнута, а само словосочетание — дважды. Под этим — «Й.А. 1550?» — перечеркнуто. Дальше то ли две черточки, то ли две буквы L, и рядом с ними надпись «Loricatus lupus». Ниже что-то по-немецки, Тора перевела это как «Где? Где? Древний крест?» Часть листа занимает нечто вроде диаграммы со стрелочками, которые соединяют жирные точки с датами и названиями мест. Точки расположены таким образом, что получается как бы набросок карты. Одна помечена «Инсбрук — 1485», над этим «Киль — 1486», а еще выше «Роскилле». Рядом с этим названием сразу две даты: «1486 — умер» и «1505 — прибыл». Еще два кружочка стоят над этими тремя. У самого верхнего написано «Хоулар — 1535», но он перечеркнут, хотя сохранена связь с другой точкой — «Скаульхольт», рядом с которой еще две даты — «1505» и «1675». От последней разбегается целый пучок стрелок, и у всех на конце знак вопроса. Вдоль каждой стрелочки подписано: «Древний крест?» Другой ручкой добавлено слово «Gastbuch», что по-немецки означает «гостевая книга», и сразу за ним маленький крестик. Гостевая книга чего? Посетителей креста? Ниже запись: «кратер — печь — 3-й символ!», если Тора правильно перевела. В конце концов она устала расшифровывать схему и взялась за саму книгу.

Развлекательным чтением «Молот ведьм» не назовешь, однако Тору захватила невероятная чудовищность книги. Впрочем, от корки до корки она читать не собиралась — первая и вторая главы показались ей слишком дикими, и она не стала изучать их подробно. Книга составлена в виде катехизиса: в начале каждого параграфа задается вопрос или приводится утверждение сторонников черной магии, а затем следует ответ или разоблачение с помощью вопиюще небезупречной богословской софистики.

Рассказы о немислимых злодеяниях и ритуалах ведьм создавали впечатление, что могуществу колдуний нет границ: они могли вызывать ураганы, летать, превращать людей в домашний скот и диких животных, насылать импотенцию и делать так, что мужское тело казалось лишенным половых органов. Значительное место уделялось обсуждению, действительно ли пенис исчезал или то была иллюзия. К какому заключению в результате пришли авторы, Тора так и не поняла. Для получения подобной власти ведьмы ни перед чем не останавливались, будь то поедание детей или половое сношение с дьяволом. Очевидно, одержимость авторов была вызвана обетом безбрачия, принятого ими как монахами-доминиканцами, и поэтому не только разоблаченные ведьмы, но и женщины вообще описаны в книге злобными и неприглядными. Отвращение к ним сквозит в каждой строчке. Весь этот бред Тора вынесла с трудом. Особо она отметила перл, что для сотворения Евы у Адама взяли реберную кость, которая сама по себе крива, — это якобы и привело к роковым последствиям. Вот если бы Бог взял прямую бедренную кость, то женщины были бы совершенны. С помощью подобных доказательств читателя убеждали, что дочери Евы легко становятся добычей дьявола, и поэтому большинство ведьм — женщины. Самые опасные и

трудно поддающиеся разоблачению — из низшего сословия, поскольку у них нет чести и они умеют лгать более правдоподобно, чем богатые и знатные. В общем, страшно вообразить, как жилось в те времена женщине, особенно бедной.

Больше заинтересовала Тору третья, заключительная часть, которая касалась правовых аспектов работы инквизиции и преследований ведьм. Как юристу, Торе претило, что обвиняемому можно клятвенно пообещать жизнь в обмен на признание, а потом не сдержать обещание, не считая это клятвопреступлением. Авторы предлагали три разных способа нарушения таких клятв. Еще они описывали надлежащую процедуру ареста ведьм: ни в коем случае нельзя позволять ведьме ступать на землю, ее нужно нести в корзине или на плечах и так препровождать в тюрьму, ибо если она прикоснется к земле, то дьявол наделит ее силой отрицать обвинение под самыми страшными пытками. В тюрьме ведьму необходимо обыскать, чтобы она не пронесла под одеждой колдовские амулеты, сделанные из убиенных и расчлененных младенцев. Ведьму рекомендовалось обрить, поскольку она могла спрятать эти амулеты в волосах; впрочем, по вопросу о необходимости брить волосы на лобке мнения авторов расходились.

Излагались также способы препятствия защите. Так, свидетельства обвинения следует записывать на двух листах: на одном — только показания, а имена свидетелей — на другом, чтобы невозможно было определить, кто именно и в чем именно обвиняет. Показывать эти свидетельства обвиняемому надлежит не во всех случаях. В отдельном параграфе обсуждалось, когда это допустимо, а когда нет. При этом в суде над ведьмой показания мог дать любой, в то время как по другим обвинениям — только честный человек.

Авторы расписывали, как следует проводить пытки, какой должен быть между ними интервал, и особо отмечали необходимость постоянно проверять, плачет ли жертва на дыбе в присутствии судьи, — если да, то это указывало на невиновность. Но следует различать настоящие и ненастоящие слезы, ведь ведьма может обмазать щеки слюной и притвориться плачущей. Возможно, к приходу судьи у этих страдалиц уже не оставалось слез. Да и были ли они в своем уме после непрерывных пыток? Плач в отсутствие судьи — в узилище, камере пыток или где-либо еще — не считался. Конечная цель всех действий и ухищрений — выбить признание в колдовстве и участии в ведьминских ритуалах, описанных в предыдущих частях книги, и продемонстрировать бесовскую природу женщин. Любой здравомыслящий читатель, по крайней мере современный, сразу же осознает, что такие признания ложны, лишены логики, получены под пытками и сделаны, лишь бы угодить палачам и прекратить собственные страдания.

Так и не отойдя от эмоций, вызванных ночным чтением, Тора села в постели, взглянула на дьявольскую книгу на столике у кровати и попыталась взбодрить себя оптимистическим заключением, что с 1500 года человечество все-таки сделало шаг вперед. Потом она встала и направилась в душ, по пути постучав в дверь комнаты сына. Завтрак, как обычно, был походным, но нормально поела только Соулей. Когда они садились в машину, Тора напомнила детям, что сегодня они остаются у отца. Дети никогда этого особенно не жаждали, но, возвращаясь в воскресенье вечером, всегда были довольны — особенно если получалось увильнуть от верховой езды.

Высадив детей, Тора поспешила в офис. Выпавший вчера из книги лист с записями она взяла с собой — показать Маттиасу. В конторе еще никого, хотя уже полчаса как должно быть открыто. Масса времени: можно приготовить кофе, проверить почту и узнать, что происходит в мире помимо этого жуткого убийства, занимающего все ее время.

Лекция начиналась в четверть девятого. Бриет подошла к аудитории, но у входа ее остановил декан. Всего пару слов с Гуннаром — и уже не до лекции. Вместо этого она побежала курить на крыльцо, успокоить нервы. Надо позвонить остальным и рассказать невероятную новость. Она глубоко затянулась длинной ментоловой сигаретой. Марта Мист считала эту марку настолько слабой, что, как она сказала, Бриет с абсолютно чистой совестью может утверждать, что не курит вообще. Сама Марта Мист курила «Мальборо». Бриет терзала мобильник в поисках номера подружки и думала, что сейчас им понадобится кое-что покрепче.

Марта Мист наконец ответила.

— Привет, — нервно сказала Бриет.

— Чего звонишь в такую рань! — Сиплый голос Марты Мист говорил о том, что Бриет ее разбудила.

— Надо срочно увидеться! Гуннар рехнулся — грозит, что нас всех отчислят, если мы не сделаем того, что он прикажет.

— Что за хрень! — Марта Мист окончательно проснулась.

— Нужно позвонить остальным, пусть тоже приходят. Если меня выгонят, папаша взбесится. Вдобавок не хочется терять студенческий кредит.

— Остынь на секундочку, — перебила ее Марта. — С чего это Гуннар нас отчислит? Не знаю, что у тебя, а у меня средний балл под потолок.

— Он сообщит в совет факультета, что мы принимаем наркотики, — говорит, у него есть доказательства. Сначала отчислят Бряудна и меня, а потом то же самое случится с тобой, Андри и Дори. Так что придется подчиниться. Я, во всяком случае, рисковать не собираюсь.

Бриет нервничала. Неужели не убедить Марту Мист хоть раз сделать так, как им велят?

— Что он от нас хочет?

— Он требует, чтобы мы встретились с этой юристкой и ответили на ее вопросы. И еще он намекнул, что мы далеко не всегда говорим правду, но его это мало волнует — мы должны с ней встретиться, и точка.

Бриет затянулась, быстро выдохнула и услышала, как кто-то спросил Марту Мист, в чем дело.

— Хорошо, хорошо, — сказала Марта Мист. — Ты уже всем позвонила?

— Нет, помоги мне. У меня сейчас лекция. Давай встретимся в десять и покончим с этим.

— Я поговорю с Дори. А ты позвони Андри и Бряудну. Собираемся в книжном. — Марта Мист без лишних слов повесила трубку.

Бриет зыркнула на телефон. Конечно, Дори у нее, чего ему звонить. Марта Мист, как всегда, вешает на подружку самое неприятное. Вот пусть сама и связывается с Андри или Бряудном! Бриет затушила сигарету о крыльцо и пошла к книжному, по пути выискивая в телефоне номер Бряудна.

Гуннар наблюдал за Бриет из окна своего кабинета. «Прекрасно, — подумал он, — вот и забегали!» Уж он постарался как следует припугнуть эту девицу. У него на них ровным счетом ничего не было — кроме уверенности, что они наркоманы и наверняка втянуты во что-нибудь гнусное. Он пообещал юристке организовать с ними встречу, совершенно не представляя, как это сделать. Эта компания всегда его раздражала. Разумеется, самым

худшим был Гаральд, но остальные не многим лучше. Они отличались от Гаральда Гунтлиба только тем, что не уродовали свою внешность под стать тому, что было у них внутри. Наглые, заносчивые, они игнорировали любые просьбы. Даже смерть Гаральда их не изменила. Поэтому декан прибегнул к угрозам, полагая, что этот язык они понимают лучше, чем язык просьб, — и угадал. Единственная проблема заключалась в том, что, искренне желая избавить университет от мерзости, которую они называли «фольклорным обществом», он проверил их личные дела и, к своему изумлению, обнаружил, что почти все они образцовые студенты.

Гуннар опустил жалюзи и поглядел на телефон. На столе лежала визитная карточка юристки. Надо сохранять с ней хорошие отношения, и с немцем тоже, если он хочет найти украденное Гаральдом письмо. Украденное! Притворяться, что ему нравился этот омерзительный урод, говорить о нем уважительно, было невыносимо. Гаральд — обычный вор и опозорил себя и всех, кто с ним был знаком. Декан положил трубку на аппарат. Надо успокоиться, в таком состоянии звонить нельзя. Он глубоко вдохнул и приказал себе думать о приятном: например, о гранте по программе «Эразмус» — заявка подана, есть неплохой шанс, что ее одобряют. Гуннар собрался с духом, взял трубку и набрал номер с карточки.

— Тора, здравствуйте, это Гуннар, — сказал он как можно вежливее. — Вы хотели встретиться с друзьями Гаральда...

Столько неправильных осанок Тора в последний раз наблюдала на шестнадцатилетии своего сына. Однако расхлябанные молодые люди, которые, уставившись в пол, сидят перед ней и Маттиасом, были десятью годами старше. Все они, кроме высокой рыжеволосой девушки, выглядели так, будто вывалились на диван прямиком из мусорного контейнера. После утреннего звонка Гуннара Тора связалась с Бриет и договорилась о встрече в одиннадцать.

По голосу девушки она поняла, что им с Маттиасом делают большое одолжение. Кроме того, Бриет предупредила, что все будут курить. Тора предложила квартиру Гаральда. Согласие прозвучало угрюмо, но даже если бы Тора пригласила их в Париж, она получила бы ровно то же самое. Маттиас от выбранного места встречи пришел в восторг, считая, что это выведет друзей из равновесия и заставит быть правдивыми.

Дожидааясь студентов, Тора показала Маттиасу исписанный лист бумаги, выпавший из «Молота ведьм».

Какое-то время они над ним корпели, но окончательных выводов не сделали, за исключением того, что запись «Инсбрук — 1485» сходится с годом прибытия туда Крамера и, возможно, связана с теми старинными письмами, которые Гаральд привез в Исландию. Тора была абсолютно убеждена, что «Й.А.» расшифровывается как Йоун Арасон, и речь идет о последнем исландском католическом епископе, казненном датчанами в 1550-м. С другой стороны, она не могла догадаться, почему Гаральд это перечеркнул. Насколько они поняли, схема представляла собой маршрут движения или путешествия. Ни о какой «книге посетителей креста» Маттиас никогда не слышал, в квартире ее тоже не было, и полиция во время обыска не забирала ничего похожего.

Звонок снизу прервал их размышления.

Студенты оккупировали оба дивана, поближе друг к дружке; Тора и Маттиас сели на стулья. Тора нашла пепельницы, и сразу стало дымно.

— Чего вы от нас хотите? — спросила рыжеволосая, Марта Мист. Друзья посмотрели на нее с облегчением, надеясь, что лидер отвлечет внимание на себя. Все беспрерывно курили.

— Поговорить о Гаральде, — ответила Тора. — Мы пытались с вами встретиться, но вы настроены к нам враждебно. Почему?

— Потому что мы учимся, — невозмутимо заявила Марта Мист. — У нас есть дела поважнее пустых разговоров с незнакомцами. Мы все рассказали полиции. Кроме того, мы не обязаны...

— Да-да, конечно, — подхватила Тора, стараясь не показать, что девушка, как и все остальные, действует ей на нервы. — Мы благодарны, что вы нашли время и собрались. Надолго мы вас не задержим. По поручению семьи мы выясняем причину смерти Гаральда, а все вы были его ближайшими друзьями...

— Мы часто вместе тусовались, это точно, но никто из нас понятия не имеет, чем он занимался, — сказала Марта Мист. Бриет мрачно кивнула. Остальные не отрывали взглядов от пола.

— Один за всех, и все за одного? Вас все-таки здесь пятеро, — вступил Маттиас. — Мы были в тюрьме у Хюги Торриссона, вы его, конечно, знаете. По его словам, с тобой, Халлдор, Гаральд общался больше, чем с другими. Ты переводил ему и помогал в его

занятиях. — Он обращался к Дори, который сидел, тесно прижавшись к Марте Мист. — Это так?

Дори поднял глаза.

— Относительно... Да, мы довольно много времени проводили вместе. Иногда Гаральд приносил какой-нибудь исторический документ на исландском, ну, я ему помогал. Мы были хорошими приятелями... — Он пожал плечами, как бы давая понять, что это были вполне обычные отношения.

— С Хюги вы тоже хорошие приятели? — спросила Тора.

— Да, мы дружим с детства. — Дори снова уставился в пол, ловко тряхнув головой: челка упала на глаза и избавила его от прямых взглядов.

— Интересная рисуется картина: один из твоих друзей убит, а другой обвинен в его убийстве. Странно, что ты не бросаешься нам помогать. Понимаешь? — Маттиас улыбнулся Дори, но без толку: улыбка запуталась в челке и не достигла глаз.

Маттиас повернулся к остальным.

— Это всех касается, ясно?

Они забубнили «да» куда-то себе в грудь и затрясли головами в знак согласия.

— Прекрасно! — Маттиас хлопнул себя по колену. — Значит, все всё поняли и можно начинать. Только надо определить с чего. — Он выразительно посмотрел на Тору.

Тора улыбнулась студентам.

— Для начала расскажите нам, как вы познакомились с Гаральдом. И еще хотелось бы понять, чем занималось ваше весьма своеобразное студенческое общество.

Все посмотрели на Марту Мист в надежде, что она решит эту задачу. Тычком локтя она переадресовала вопрос Дори. Удар вышел довольно болезненным, и Дори поморщился.

— Меня с Гаральдом познакомил Хюги, — начал он. — В прошлом году. Мы встретились в баре. Потом вместе ходили в рестораны, в кафе, на концерты и так далее. Как-то Гаральд сказал, что задумал создать интересное общество, и спросил, не хочу ли я в него вступить. Так я познакомился с остальными.

Его рассказ подхватила Марта Мист.

— А я присоединилась к обществу через Бриет. Она знала Гаральда по факультету, и предложила мне посмотреть, чем они занимаются.

Бриет ревностно кивнула, подтверждая ее слова.

— А вы? — Тора обратилась к Андри и Бряудну, которые сидели бок о бок и курили.

— Мы? — Андри кашлянул, поперхнувшись дымом.

— Да, — подтвердила Тора. — Вы оба. — Чтобы рассеять сомнения, она поочередно ткнула в них пальцем.

Бряудн заговорил первым.

— Я тоже изучаю историю, как и Бриет. Гаральд приходил к нам на лекции, иногда после занятий приглашал нас в кафе, мы болтали. Однажды он предложил мне и Бриет создать общество по изучению древних магических культов. А я позвал Андри для смеху.

Андри глуповато улыбнулся.

— Из рассказа Хюги мы поняли, — продолжила Тора, по-прежнему стараясь сохранять доверительную интонацию, — что под видом изучения колдовства с исторической точки зрения вы устраивали самые настоящие сексуальные оргии.

Три парня ухмыльнулись, а Марта Мист опустила уголки рта и произнесла тоном оскорбленной невинности:

— Оргии? Не было никаких оргий. Мы изучали магическое искусство и ведьмовство как культуру древних времен. В конце концов, старинные ритуалы не так уж глупы, если знать их по-настоящему. А то, что мы после встреч немного трахались, к делу не относится. Хюги, как всегда, все извратил. Он никогда не врубался, чем мы на самом деле интересуемся.

Она откинулась на спинку дивана и свирепо посмотрела на Маттиаса и Тору из-под нахмуренных рыжих бровей.

— Разумеется, вы тоже не понимаете. Держу пари, вы думаете, что мы рубим курам головы и втыкаем иголки в самодельных кукол.

— Тогда будьте любезны, объясните, чем для вас является черная магия? — с толикой сарказма спросил Маттиас.

Марта Мист раздраженно простонала.

— Я не собираюсь ради вас корчить из себя профессора. Скажу только одно: магия — это индивидуальная попытка влиять на собственную жизнь нешаблонным способом, нешаблонным с точки зрения современного сознания. В прошлом это было почти нормой, а для бедняков — единственной надеждой изменить жизнь к лучшему. Для этого надо совершить определенные действия, которые повернут события в твою пользу, иногда за счет кого-то другого, а иногда нет. На мой взгляд, твоя заклинание, ты делаешь шаг к той цели, которой добиваешься, сосредоточиваешься на ней, и появляется больше шансов ее достичь.

— Можешь привести пример? — сказала Тора.

— Привлечение любви или успеха, исцеление, порча на врагов. Да что угодно. Большинство древних заклинаний связаны с основными человеческими потребностями, хотя в те времена жизнь не была такой уж сложной штукой.

После чтения «Молота ведьм» Тора позволила себе не согласиться. По крайней мере защищать кого-то в судебной системе, правила которой постоянно меняются и гнутся в интересах обвинения, очень сложно.

— А что вы используете для заклятий? — спросила она и, чтобы позлить Марту Мист, добавила: — Кроме обезглавленных куриц и самодельных кукол?

— Очень смешно, — сказала Марта Мист без тени улыбки. — В Исландии в основном применялись гальдраставы — руноподобные знаки. Для наложения заклятия их надо не просто вырезать или начертить. Кстати, в других странах Европы то же самое: нарисовать магический символ — это еще не все.

— А что нужно еще? — спросил Маттиас.

— Прочитать заклинание, использовать кости животных, волосы девственницы. Такого рода вещи. Ничего серьезного, — холодно ответила Марта.

— Да, а иногда нужны части человеческого тела, — ляпнула Бриет. Ее друзья, развалившиеся на диванах, неожиданно напряглись. Девушка осеклась и покраснела.

— Да ну? — притворно изумившись, произнес Маттиас. — Например? Руки? Уши? — Он сделал короткую паузу. — Или, может быть, глаза?

Все молчали. Потом заговорила Марта Мист:

— Я не читала и не знаю заклятий, для которых нужны глаза, разве только глаза животных.

— А остальные? Кто-нибудь знает о таких заклятиях? — спросил Маттиас.

Никто не ответил, но все отрицательно затрясли головами.

— Не-а, — выдавил Брядн.

— А пальцы? — быстро спросила Тора. — Вам известно о заклятиях, где требуется

палец? Может быть, вы сами их творили?

— Нет, — твердо сказал Дори, для убедительности откинув челку с глаз и открыто глядя на Тору и Маттиаса. — Давайте проясним ситуацию. Мы не творили никаких заклятий, для которых нужны части человеческого тела. Я не знаю, на что вы намекаете, но это нелепо. Мы не убивали Гаральда — это первое, что вы можете исключить. У копов есть наши алиби, и они их проверили.

Дори потянулся к столу, вытащил из пачки сигарету, прикурил, глубоко затянулся и медленно выдохнул дым.

— Значит, Гаральда убил Хюги? — спросила Тора. — Ты это хочешь сказать?

— Нет, совсем не это! Вам надо внимательнее слушать, — вспыхнул Дори. Он подался вперед, будто желая что-то добавить.

Марта Мист отбросила его обратно на диван и спокойно произнесла:

— Я не знаю, откуда ваша логика, но то, что мы не убивали Гаральда, совсем не значит, что это сделал Хюги. Дори только хотел сказать, что мы его не убивали, баста! — Марта Мист в свою очередь откинулась на спинку дивана, вытащила сигарету из пальцев Дори и затянулась.

На лице Бриет появилось раздражение: похоже, ее заставил нервничать этот явный признак интимности.

— Хюги его не убивал. Он не такой, — угрюмо пробубнил Дори. Он оттолкнул руку Марты Мист и потянулся к пепельнице на столе.

— А ты?.. Ты — такой? У тебя, насколько я помню, весьма сомнительное алиби по сравнению с остальными. — Маттиас буравил его глазами в ожидании ответа.

Дори сдвинулся на край дивана, поближе к Маттиасу, и произнес тихим от бешенства голосом:

— Гаральд был моим другом. Близким другом. Мы заботились друг о друге, многое делали друг для друга. Я бы никогда его не убил. Никогда. Вы от истины даже дальше, чем копы, и просто гоните, а сами ни хрена не знаете. — Для усиления своих слов Халлдор наставил на Маттиаса зажженную сигарету.

— Кстати, что именно ты для него делал? Кроме переводов? — спокойно перебила Тора.

Дори отвел взгляд от Маттиаса и так же исступленно посмотрел на Тору. Он открыл было рот, намереваясь что-то еще сказать, но сдержался. Затушив сигарету, он придвинулся к своим товарищам.

Бряудн, студент-историк, взял на себя роль миротворца.

— Чего вы наезжаете, я не понимаю... Вы сэкономите массу времени и сил, просто поверив нам. Никто из нас Гаральда не убивал. Зачем нам это? Он был необычный, вечно что-нибудь придумывал, денег не жалел, хороший друг и все такое. Наше общество без него — ноль. Да никто из нас не мог его убить — нас и рядом не было, вам многие скажут.

Его поддержал студент-химик Андри. До этого он сидел с остекленевшими глазами, и у Торы возникло подозрение, что его интерес к химии распространяется не только на учебу.

— Это правда, — подтвердил Андри. — Гаральд был необыкновенный, никому бы из нас в голову не пришло от него избавляться. Иногда он, конечно, ехидничал, но и помогал нам. Кстати, не только деньгами. Он был очень, очень порядочным.

— Как трогательно, — без тени сочувствия произнес Маттиас. — Мне бы хотелось знать вот что. Вы все, кроме Халлдора, были на той вечеринке. Вы помните, как Хюги и

Гаральд вместе пошли в туалет, а после на их одежде появилась кровь?

Все, кроме Халлдора, отрицательно затрясли головами.

— Кто там смотрел на одежду? — печально сказал Андри. — Было хорошо. Весело и хорошо. Зачем кровь? Не помню я никакой крови.

Остальные трое согласно закивали.

Воцарилось молчание. Несколько сигарет было затушено, но гораздо больше зажжено.

— Значит, вы не знаете, кто убил Гаральда? — нарушил тишину Маттиас.

В унисон, твердо, друзья заявили «нет».

— И вы никогда не использовали части человеческого тела — палец например — в ваших магических обрядах? — продолжал он.

Гораздо менее синхронное «нет».

— И вы не узнаете этот магический знак? — Маттиас швырнул на стол рисунок вырезанного на груди Гаральда символа.

Снова единоголосное «нет».

— Было бы убедительней, если бы вы сначала взглянули на рисунок, — саркастически заметил он.

— Копы нам уже показывали. Мы прекрасно знаем, о чем речь, — растягивая слова, произнесла Марта Мист, мимоходом положив руку на бедро Дори.

— Понятно. А что вы знаете о деньгах Гаральда, которые он снял с банковского счета незадолго до смерти?

— Ничего. Мы же были друзьями Гаральда, а не его бухгалтерами.

— Он ничего не упоминал о ценном приобретении или о том, что собирается что-нибудь купить? — спросила Тора, обращаясь к Бриет, которая, как казалось, более склонна говорить правду.

— Гаральд всегда что-то покупал, — сказала Бриет, зыркнув в сторону Марты Мист и Дори. Увидев руку подруги на бедре Халлдора, она повернулась к Торе и добавила: — Если не для себя, то для Дори. Они были очень близки. — Девушка злорадно улыбнулась.

Дори залился краской смущения.

— Что он тебе покупал и почему? — спросила Тора.

Юноша неловко заерзал на диване.

— Все было не так. Иногда он дарил мне то или другое в обмен на то, что давал ему я.

Тора не дала ему увильнуть.

— Например?

Дори покраснел еще больше и снова защитился челкой.

— Всякую ерунду.

Маттиас хлопнул себя по колену, на сей раз более решительно, чем прежде.

— У меня возникла идея. Раз Марта Мист, Бриет, Бряудн и Андри ничего не знают, то пусть отправляются домой, или на занятия — словом, идите куда хотите. От вас все равно никакого толку. А мы останемся с Дори и поболтаем. Так ведь будет лучше, правда, Дори?

— Будто бы! — взвизгнула Марта Мист. — Дори знает не больше, чем все остальные. — Она повернулась к Халлдору. — Не вздумай оставаться. Уходим все.

Поначалу Дори ничего не сказал, потом сбросил ее руку с бедра.

— О'кей.

— О'кей? «О'кей» что?! Ты с нами? — не отступала Марта Мист.

— Нет, — ответил Дори. — Я хочу с этим покончить. Я остаюсь.

На секунду показалось, что Марта Мист бросится на Дори и вонзит в него когти, но она взяла себя в руки. Прежде чем встать с дивана, она наклонилась к Дори и что-то ему прошептала. Он с отсутствующим видом кивнул. Марта Мист его поцеловала, а Бриет сделала вид, что этого не заметила. Андри и Бряудн деловито затушили сигареты и поднялись на ноги.

Маттиас вышел проводить студентов. Тора и Халлдор остались в современной гостиной, окруженные ужасами прошлого. Тора сочувствовала молодому человеку, который явно хотел бы сейчас очутиться в совершенно другом месте. В каком-то смысле он напомнил ей собственного сына — неокрепшая душа, испытывающая страдания от борьбы с самим собой.

— Пойми, мы всего лишь хотим узнать правду. Нам не важно, что именно вы вместе вытворяли и какие за тобой водятся грешки, — сказала она, чтобы прервать молчание и разрядить тяжелую обстановку. — В главном мы с тобой согласны — Хюги невиновен, или по крайней мере обвинения, выдвинутые против него, более серьезны, чем он заслуживает.

Дори избегал смотреть ей в глаза.

— Я не верю, что Гаральда убил Хюги, — сказал он тихо. — Это чушь.

— Я вижу, ты любишь друга. Если хочешь ему добра, то ничего от нас не скрывай. Твоему лучшему другу больше не от кого ждать помощи.

Дори молчал, и было непонятно, пойдет он им навстречу или нет.

Вернулся Маттиас и сел на стул. Какое-то время он внимательно изучал Дори.

— Ну и отношения у вас в компании! Девушки, похоже, не бросятся друг другу в объятия, когда отсюда выйдут.

Дори пожал плечами:

— Всем сейчас несладко.

— Ясно. Ну что, приступим?

Дори вздохнул.

— Давайте спрашивайте. Я постараюсь ответить.

Дрожащей рукой он потянулся за сигаретой.

— Что ж, дружище, — произнес Маттиас почти по-отечески. — Есть несколько темных мест, которые ты нам поможешь прояснить. Сначала поговорим о тратах Гаральда, а потом об исторических исследованиях, над которыми вы вместе работали. Начнем с финансов. Что ты знаешь о его денежных делах?

— Ничего не знаю. Но и дураку ясно, что он был чертовски богат. — Дори обвел рукой квартиру. — Крутая тачка, дорогие рестораны... Жизнь, которую большинство из нас не может себе позволить.

— Конечно, вы же бедные студенты, — иронично сказала Тора. — И что, он посещал рестораны в одиночку?

Вопрос был явно неприятен Дори. Он пыхнул сигаретой.

— Ну, иногда с ним ходил я. Он меня приглашал.

— То есть брал тебя с собой и все оплачивал, так? — спросил Маттиас.

Халлдор кивнул.

— И часто он с тобой ужинал?

Дори снова кивнул.

— А чем еще он тебя баловал?

В юноше вдруг проснулся странный интерес к пепельнице — он уставился на нее, будто надеясь найти ответ среди окурков.

— Так, помогал кое в чем.

— Это не ответ, — настаивала Тора. — Мы не налоговая полиция и не Общество по

защите нравов. Расскажи...

После недолгого молчания Халлдор произнес:

— Он оплачивал все — аренду моей квартиры, учебники, одежду, такси. Наркотики.

Абсолютно все.

— Почему? — спросил Маттиас.

Дори пожал плечами:

— Гаральд говорил, мол, зачем еще нужны деньги, как не тратить? Он не желал себе ни в чем отказывать только потому, что его друзья вечно на мели. Мне было стыдно, а он это делал с радостью. Я старался отблагодарить его, помогая с переводами и чем-нибудь еще.

— Чем? — поинтересовался Маттиас.

— Ничего сексуального, если вы об этом думаете. — Щеки Дори, и без того красные, побагровели. — Ни Гаральд, ни я, мы не по этому делу. Нам вполне хватало девушек.

Тора и Маттиас переглянулись. Траты, о которых рассказал Дори, были крохами по сравнению с той суммой, которая исчезла со счета Гаральда.

— Вспомни, делал ли он какие-нибудь крупные вложения незадолго до смерти?

Дори задумался.

— Нет, не знаю... — По его лицу было видно, что он говорит правду. — Гаральд ни о чем таком не упоминал. Кроме того, я целую неделю с ним не виделся. Он был занят, а я воспользовался этим и постарался наверстать упущенное в университете.

— А что он в эти дни делал? Почему вы не встречались? — вставила Тора.

— Понятия не имею. Я звонил ему несколько раз, но у него не было настроения. Почему — не знаю.

— Значит, к моменту когда его убили, вы не виделись несколько дней? — спросил Маттиас.

— Да, только разговаривали по телефону.

— Тебе не показалось это странным? Или у него была привычка вот так от всех отстраняться на какое-то время? — напирал Маттиас.

— Тогда я так не думал... — протянул Халлдор. — Вы правы, это действительно необычно для Гаральда. Раньше такого не случалось — во всяком случае, я не припоминаю. Я спросил его, в чем дело, он ответил, что хочет побыть один и все такое.

— А ты не затаил на него из-за этого обиду? — спросила Тора. — Все-таки обычно вы много времени проводили вместе, а тут вдруг лучший друг тебя бросил.

— В те дни я только и делал, что занимался. А еще больница. Времени обижаться у меня не было.

— Ты работаешь в городской больнице в Фоссвогуре, так? — спросила Тора.

Дори кивнул.

— Как ты ухитряешься и работать, и учиться, и проводить время в компании?

— Я там не в штате, а подрабатываю, — объяснил Халлдор. — Летом в каникулы, а зимой — если надо подменить кого-то. Что касается занятий, то я, когда надо, могу собраться; в общем, учеба мне дается легко.

— А что ты делаешь в больнице? — спросил Маттиас.

— То да сё. Помогаю в хирургическом отделении. Обрабатываю инструменты после операций, прибираю — типа этого. Подсобная работа, особой квалификации не требует.

Маттиас выразительно на него посмотрел.

— Прибираешь что? Мне просто любопытно, я мало что знаю о хирургии.

— Всякое, — ответил Дори и снова потянулся за сигаретой. — Внутренности и тому подобное.

— Угу... — Маттиас прищурился. — А с кем мы можем побеседовать о твоей работе? В особенности о той ночи, когда убили Гаральда? Кто там, говоришь, у тебя руководитель?

Дори теребил на запястье кожаный браслет с шипами и не знал, что ответить.

— Гюннур Хельгадоттир, — в конце концов обреченно пробормотал он. — Старшая медсестра хирургического отделения.

— У меня вопрос, — сказала Тора, записав имя. — Кто разрезал Гаральду язык? Ты, да?

Халлдор собирался в очередной раз прикурить, но резко вытащил сигарету изо рта.

— А что? И какая разница?

— У Гаральда в компьютере есть фотографии этой операции. Ее провели в доме человека, которого он, вероятно, хорошо знал. Операция — это не преступление, я просто хочу знать.

Дори в замешательстве поглядел на своих собеседников, вероятно, прикидывая, подразумевала ли операция определенный уровень профессиональной подготовки или считается нелегальной. Заново прикусив сигарету, он произнес:

— Нет. Я этого не делал.

— Можно взглянуть на твою руку чуть повыше? — спросила Тора, вспомнив, как Хюги рассказывал о сожалениях Дори из-за сделанной татуировки.

— Зачем? — Юноша откинулся на спинку дивана.

— Нам так хочется, — сказал Маттиас, сдвигаясь к краю своего стула, хотя понятия не имел, зачем это нужно Торе. — Будь пайнкой и закатай рукав по просьбе дамы. — Он угрожающе склонился к дивану. Дори вжался в сиденье и, наконец, не выдержал.

— Нател!.. — крикнул он, с силой ткнул сигаретой в пепельницу и, сверкая глазами, закатал рукава.

Тора подалась вперед.

— «Дерьмо»? — прочитала она на правой руке юноши, сразу над запястьем.

— И что? — Халлдор опустил рукав.

— Да ничего, — сказала Тора. — Просто у того, кто делал Гаральду операцию, была такая же татуировка. — Она усмехнулась и спросила: — А зачем ты это себе наколол?

— Не важно, — медленно произнес Дори. Он запустил пальцы в волосы и зажмурился. — О'кей! Язык ему разрезал я. У Хюги дома. Гаральд меня все время упрашивал, вот и уболтал в конце концов. Вы же понимаете, я не мог ему бесконечно отказывать. Пришлось на время позаимствовать из больницы инструменты, а обезболивающее я стащил. Никто не заметил. Хюги мне ассистировал. Это было довольно неприятно, но получилось неплохо.

«Да уж», — подумала Тора.

— Интересно, в больнице обрадуются, если узнают, что ты украл медикаменты?

— Куда там... — ответил Дори. — Поэтому я и не афишировал свою роль. Не хочу, чтобы меня считали фриком. Мне это может навредить в учебе.

Маттиас покачал головой, а потом неожиданно сменил тему.

— Я бы хотел спросить тебя кое о чем, что звучит довольно странно, — а может, для тебя и не странно и ты с этим сталкивался... — После короткой паузы, поймав тревожный взгляд Дори, Маттиас продолжил: — Ты знал, что Гаральд практиковал сексуальное самоудушение, чтобы усилить удовольствие?

Лицо Дори стало пунцовым.

— Я не хочу это обсуждать, — резко возразил он.

— Почему? — спросил Маттиас. — А вдруг именно это стало причиной его смерти?

Колени Халлдора запрыгали вверх-вниз, ботинки выбивали дробь на сверкающем паркете.

— Гаральд не так умер, — прошептал он.

— Откуда такая уверенность? — подхватила Тора.

Дори молчал. Тора и Маттиас смотрели на него и ждали. Наконец юноша сдался и со вздохом произнес:

— Черт его знает, какое это ко всему имеет отношение, но да, Гаральд подобными вещами время от времени занимался.

— Откуда ты это знаешь? — резко спросил Маттиас.

Халлдор замер и отвел глаза.

— Он сам сказал. Предлагал мне попробовать.

— Ты пробовал? — спросила Тора.

— Нет, — твердо ответил он, и Тора ему поверила. — Я, конечно, вытворял всякое, но такой безумной дури еще не видел.

— Видел? — повторил Маттиас.

Дори покраснел еще сильнее.

— Ну, не то чтобы видел, я не это имел в виду... — Он уставился в пол. — Дело было здесь, нынешней осенью. Мы круто потусили, а потом я вырубился на этом самом диване и проснулся среди ночи от звука, будто кто-то громко хрипит. — Он взглянул на Маттиаса. — Не знаю, что меня привело в чувство, потому что обычно, если я отрубаясь, то хоть из пушек пали. А тут я очнулся и пошел на звук... Гаральд был уже в агонии. — Халлдора передернуло при этом воспоминании. — Он привязал конец ремня к батарее, а петлю затянул на шею — крепко! Я его еле высвободил, сделал ему искусственное дыхание и с большим трудом привел в чувство.

— Может, он пытался покончить с собой? — спросила Тора.

— Нет, — покачал головой Дори. — Давайте я не буду подробно описывать, что именно он в это время делал и в каком виде я его нашел?

Теперь покраснела Тора. Дори это заметил, у него улучшилось настроение, и он бодро продолжил:

— Потом я это обсуждал с Гаральдом, и он откровенно рассказал, чем занимался. Он даже предложил мне попробовать, говорил, что это просто улет. При этом он полностью осознавал, что подвергался опасности, и в тот раз был напуган до смерти.

— Значит, он не прекратил этим заниматься после такого потрясения? — спросил Маттиас.

— По-моему, нет, — ответил Дори. — Трудно, конечно, сказать наверняка — он здорово тогда струхнул.

— Ты помнишь, когда это случилось? — поинтересовался Маттиас.

— В ночь на одиннадцатое сентября.

Маттиас задумчиво кивнул, посмотрел на Тору и сказал по-немецки:

— Через несколько дней он слетал в Германию и изменил завещание.

Тора тоже кивнула, согласившись с его догадкой, что сидящий перед ней молодой человек — тот самый исландец, на которого намекал юрист семьи Гунтлиб. Он спас

Гаральду жизнь, и друг решил его отблагодарить, завещав ему часть своих капиталов.

— Между прочим, я понимаю немецкий, — хитро усмехнулся Дори.

Маттиаса это не смутило, ему было чем ответить.

— Хюги рассказал, что Гаральд тебя унижал перед остальными, все время высмеивал.

Тебя это задевало?

Дори фыркнул.

— Хюги гонит. Ежу понятно, что Гаральд был не такой, как все. Он мог надо мной поприкалываться, так он и был приколыщик. На самом деле ко мне он относился нормально, особенно когда мы с ним бывали наедине. А при других мог повести себя как говнюк. Я все это пропускал, спросите у того же Хюги. И кстати, Гаральд потом всегда извинялся. Так что мне было по фигу, просто доставало, пока длилось.

Тора прекрасно улавливала, что кроется за его бравадой, — для этого не требовалось особой проницательности. Понятно, что в действительности Халлдор с трудом выносил такое к себе отношение.

— А чем ты помогал Гаральду в его исследованиях? — спросила она. — Что конкретно для него делал?

Дори ответил мгновенно, радуясь, что сменили тему.

— Да ничего особенного — переводил ему разные тексты, изредка помогал их получить. Он хватался то за одно, то за другое. Мне казалось, что без всякой связи, но я не историк, откуда мне знать. Я, допустим, читаю ему какой-нибудь отрывок, который перевел, а он вдруг обрывает меня на середине и просит почитать что-нибудь из другого текста.

— Можешь назвать работы или статьи, которыми он интересовался? — не отставал Маттиас.

— Ну, всего не перечислишь. Поначалу я в основном переводил отрывки из докторской диссертации Оулины Торвардардоттир, посвященной времени, когда в Исландии еще сжигали ведьм, потом он заинтересовался Скаульхольтом — из-за какой-то древней колдовской рукописи, которую нашли в тамошней школе. Однажды он долго мучил меня, заставляя сравнивать исландский перевод «Молота ведьм» с немецким оригиналом. Как-то приволок старинное письмо на датском — тут я не особо силен, но примерно смог перевести.

— Про что было письмо? — на всякий случай спросил Маттиас.

— Там говорилось о каком-то посланнике, но подробностей я не разобрал. Он тогда неожиданно перестал копаться в ведьмах и в том, какими способами их сжигали, и переключился на более ранний период. Помню, я переводил для него отрывок из текста где-то 1590 года, написанного епископом Скаульхольта Оддюром Эйнарссоном. Там рассказывалось о человеке, который свихнулся из-за того, что поднялся на Геклу и заглянул в кратер. Еще Гаральд занимался извержением Геклы в 1510-м, казнью епископа Йоуна Арасона в 1550-м и епископом Бриньольвом Свейнссоном. Да, потом он неожиданно захотел узнать все об ирландских монахах.

По тому, как уверенно Дори перечислял даты, было видно, что у молодого человека отличная память. «Неудивительно, что он хорошо учится, несмотря на бесконечные гулянки», — подумала Тора.

— Об ирландских монахах? — переспросила она.

Дори кивнул:

— Да, это отшельники, которые появились здесь до викингов. Можно сказать, что он

шел в глубь веков, все дальше и дальше, к тем временам, когда Исландия еще не была заселена.

— Ладно, — сказала Тора, не зная, о чем еще спросить. Потом вспомнила беднягу Гуннара, организовавшего эту встречу. — А ты не знаешь, откуда взялось то старинное письмо на датском языке и где оно сейчас?

Халлдор покачал головой:

— Понятия не имею, откуда оно. У него были и другие старинные письма, в таком маленьком портфельчике, но датское он держал отдельно и все время с ними сравнивал. Должно быть, оно где-то здесь, в квартире.

— Тебе что-нибудь говорит имя Мал? — перевел разговор Маттиас.

— Нет, никогда о нем не слышал. А кто это?

— Да так, — уклончиво ответил Маттиас.

Дори собирался что-то еще сказать, но тут зазвонил его мобильный. Он его достал, посмотрел на дисплей, скривился и засунул обратно в карман.

— Мамочка? — усмехнулся Маттиас.

— Она, — с горечью ответил юноша.

Из его кармана раздался писк эсэмэски. Поскольку Дори никак не отреагировал, Тора выложила очередной вопрос:

— Ты что-нибудь знаешь о некой гостевой книге, которая или принадлежала Гаральду, или он о ней говорил? Гостевая книга креста или что-то в этом роде?

Дори, похоже, озадачился.

— Книга Креста Господня? Религиозная секта?

— Нет, не то, — ответила Тора. — То есть ты не слышал упоминаний ни о какой гостевой книге?

— Не-а...

Маттиас сцепил пальцы.

— Зачем Гаральду понадобился ворон? Рассказывай!

У Дори будто перехватило горло.

— Ворон? — неожиданным фальцетом переспросил он.

— Да, — поддержала Тора. — Мы знаем, что Гаральд хотел купить ворона. Зачем?

Дори пожал плечами, будто сам удивлен.

— Не слышал об этом. Хотя держать дома ворона — вполне в его стиле. Среди этих картин ворону самое место.

Тора видела, что юноша врет, но не могла придумать, как его уличить. Пока она соображала, ее сменил Маттиас.

— А что ты знаешь о поездке Гаральда в Хоульмавик, в Музей колдовства и черной магии?

— Ничего, — ответил Дори, явно солгав и на этот раз.

— А об отеле «Рангау»? — спросила Тора.

— Нет. — Очередная ложь.

Маттиас встал и посмотрел на Тору:

— Кажется, кто-то очень хочет, чтобы мы с тобой отправились в небольшое путешествие с познавательной целью. Хоульмавик, отель «Рангау»...

На лице Дори явственно читалось, что он не поддерживает эту идею.

Дори с громадным облегчением выскочил из квартиры Гаральда и забежал за угол дома. Сойдя с тротуара, он оглянулся, но ни Тора, ни Маттиас из окна за ним не следили. Зато ему показалось, что дернулась занавеска на нижнем этаже, и он ругнул вечно все вынюхивающую хозяйку квартиры: эта костлявая сучка в своем амплуа. Не давала Гаральду ни минуты покоя, каждый раз поднимала вой, если кто кашлянул или перднул.

В одно прекрасное летнее утро, после того как они колбасили всю ночь, его послали выслушивать ее тираду у двери, и как же тогда эта тетка его достала! У него было чудовищное похмелье, и каждое слово, да что там — каждый звук отзывался у него в голове ударами молота. Вот уж действительно молот ведьмы. Дори передернуло от воспоминания. Все кончилось тем, что он высунул голову за дверь и блеванул ей под ноги. Разумеется, она грозилась вызвать полицию, но Гаральд ухитрился каким-то образом ее успокоить. Весь остаток лета Дори пришлось быть тише воды, ниже травы. Вся компания долго смеялась, когда он приполз назад и рассказал, что произошло.

Зазвонил мобильный: Марта Мист, кто же еще... На этот раз он ответил.

— Чего тебе?..

— Вы закончили?

Надо же, вся трясется от нетерпения.

— Мы тебя ждем, давай приходи.

— Куда? — Дори хотелось свалить домой и лечь, хотя он понимал: Марта Мист не отстанет, будет звонить и звонить, а если он не ответит, то сама придет. Лучше сразу с этим покончить.

— В «101», и быстренько, — сказала она и отключилась.

Было холодно, у него пересохло во рту, и он почти бежал. Через пару минут Дори уже стоял в вестибюле отеля «101», стряхивая с головы снег. Он пригладил волосы, потом снова растрепал их и вошел в бар. Естественно, все сидели в зоне для курящих, на столике — несколько чашек с кофе и бокал пива. Дори вдруг страшно захотелось пива! Он подошел и сел на стул сбоку, хотя Марта Мист и Бриет отодвинулись друг от дружки, освобождая ему место. Нет, оказаться зажатым между ними сейчас невыносимо!

Девушки старались не подать виду, что обижены, и постепенно сдвигались обратно, понемногу сокращая образовавшееся пространство. Марта Мист гениально умела сохранять хладнокровие и редко показывала какие-то иные эмоции, кроме ярости или презрения. Оскорбленная гордость в этом списке не значилась.

— Почему, черт возьми, ты не ответил на звонок?! — набросилась она на Дори. — Нам сдохнуть как надо было с тобой поговорить!

Халлдор взбесился.

— Ты что?! Я разговаривал с этими... Подумай, что я мог сказать по телефону? — Ему никто не ответил, и он повторил: — Как я мог что-то сказать?

Марта Мист пропустила вопрос мимо ушей.

— Я послала тебе сообщение. Мог бы сбегать в сортир и написать ответ. Не так уж много от тебя требовалось.

— Ну конечно, — саркастически сказал Дори. — Это выглядело бы замечательно. За кого бы они меня приняли? За описавшуюся девочку?

В их перепалку вмешался Бряудн.

— Все хорошо? — спросил он, спокойно прихлебывая пиво.

Дори не выдержал, заказал себе большой бокал и повернулся к группке.

— Все прошло нормально, если вам интересно. У них были кое-какие подозрения, но по-настоящему они ничего не знают.

Он забарабанил по краю стола пальцами правой руки, а левой шарил по карманам куртки в поисках сигарет. И не нашел.

— Тьфу. Я забыл там сигареты. Даст кто-нибудь одну?

Бриет бросила ему пачку, и Дори чуть не застонал:

дамские, белоснежные, с ментолом, и в довершение ко всему — супертонкие. Сигарету он все-таки взял. Досадно, что Марта Мист на него зла — она-то курит нормальные «Мальборо». Он затянулся, вытащил сигарету изо рта, бросил пачку Бриет и покачал головой.

— Как ты куришь это дерьмо?

— Другой сказал бы спасибо, — проворчала Бриет.

— Прости. Просто я заведен.

Принесли пиво. Дори не отрываясь сделал несколько больших глотков, раздул щеки и выдохнул:

— Полегчало...

— Ты ведь ничего им не сказал, да? — сказала Марта Мист. Кажется, она успокоилась.

Дори вновь приложился к бокалу, отрицательно мотая головой.

— Нет, ничего важного, хотя они беспрерывно меня поджаривали и надо было что-то отвечать.

Марта Мист чуть задумалась, потом кивнула, по всей видимости, удовлетворенная.

— Абсолютно уверен?

Дори подмигнул.

— Абсолютно, не волнуйся.

Марта Мист улыбнулась.

— Мой герой...

— А ты что думала? — небрежно сказал он, помахивая перед лицом гламурной сигареткой. — Ну разве я не милашка?

Андри гоготнул и бросил ему через стол свою пачку сигарет.

— Как думаешь, что они будут дальше делать? Захотят еще раз с нами встретиться?

— Нет, вряд ли, — ответил Дори.

— Это хорошо, — сказал Бряудн. — Будем надеяться, что они посуетятся без толку и на этом все кончится.

— А как же Хюги? Вы про него забыли? — вдруг спросила Бриет, которая одна не радовалась и глядела на всех с возмущением.

Улыбка тут же исчезла с лица Дори.

— Нет, что ты! — Он отхлебнул пива, но вкус был уже не так хорош.

Марта Мист изо всех сил треснула Бриет по руке. Девушка вскрикнула.

— Да что с тобой, Бриет? Говорю тебе, они не отступятся и что-нибудь обязательно раскопают. А это поможет Хюги. Важно, что мы к этому не будем иметь отношения. Мы тут ни при чем, несмотря на весь твой пессимизм.

— Человека никогда не посадят за убийство, если он не убивал. Хюги отпустят, вот

увидишь, — со смешком сказал Андри.

— Ты с луны свалился? — спросила Бриет, игнорируя боль в руке. Она редко осмеливалась противостоять Марте Мист, но сейчас была задета тем, как та ведет себя с Дори. — Невинных постоянно сажают.

— Хватит ругаться, — сказала Марта Мист, впившись глазами в Дори. — Все будет хорошо, не переживайте. Пошли поедим чего-нибудь. Жрать хочу.

Все поднялись и пошли расплачиваться за выпивку. Марта Мист оттащила Дори в сторонку.

— Ты избавился? Ну, от этого...

Дори увернулся от взгляда Марты Мист, но она схватила его за подбородок и развернула лицом к себе.

— Да или нет?

Дори кивнул.

— Все в порядке, ничего больше нет. Не волнуйся.

— Я даже сигареты с марихуаной боюсь дома держать. Очень надеюсь, что и ты осторожен. Если эти двое начнут гнать волну, у копов могут возникнуть идеи, и к нам придут с ордерами на обыск. Ты точно все подчистил?

Дори выпрямился, посмотрел ей в глаза и твердо произнес:

— Клянусь. Все.

Улыбнувшись, Марта Мист отпустила его подбородок.

— Иди заплати.

Дори смотрел ей вслед. Как занятно, что она поверила. Она, которая всегда видела его насквозь. Он явно делает успехи в искусстве лжи.

Тора старалась не отвлекаться на необычайно кустистые брови мужчины напротив. Они с Маттиасом сидели в кабинете Торбьёрна Оулафссона, научного руководителя Гаральда.

— Спасибо, что согласились встретиться, — с улыбкой сказала она.

— Не за что, — спокойно ответил Торбьёрн. — Я лишь выполняю просьбу Гуннара, хотя не предполагал увидеть вас так скоро.

Оулафссон позвонил сразу после того, как Дори ушел из квартиры Гаральда, и Тора с Маттиасом решили, что пойдут к нему немедленно.

Торбьёрн отложил карандаш, который до этого крутил в пальцах.

— Так что вы хотите знать?

— Я полагаю, Гуннар вам объяснил, какое отношение мы имеем к Гаральду? — начала Тора. Торбьёрн кивнул, и она продолжила: — Хотелось бы услышать ваше мнение о нем, а также нас интересуют исследования, которыми он занимался под вашим руководством.

Торбьёрн чуть задумался.

— Не могу сказать, что хорошо его знал. Я не панибратствую со студентами: забочусь о том, чтобы они прогрессировали в учебе, и не вмешиваюсь в их личную жизнь.

— Но какое-то мнение о нем у вас сложилось? — спросила Тора.

— Весьма общее. Мне казалось, что он, мягко говоря, натура эксцентричная. И дело тут не только в его внешнем виде. Меня, например, Гаральд несколько не раздражал, а вот Гуннар его на дух не переносил. Я люблю работать со студентами, которые умеют мыслить самостоятельно. Он был невероятно упорный, умел концентрироваться. Как правило, у меня нет иных требований.

Тора удивилась:

— Умел концентрироваться? Гуннар считает, что Гаральд никак не мог сосредоточиться на чем-то одном.

Торбьёрн хмыкнул.

— Гуннар — педант, человек старой школы. Он требует, чтобы студенты ни на шаг не отступали от утвержденного плана. Гаральд же принадлежал к тому типу, что предпочитаю я. В исследовании ему было любопытно, а что, образно говоря, за поворотом, в переулках. Это, так сказать, петляющий путь. Никогда не знаешь, куда он заведет, и времени он занимает больше, но иногда приносит неожиданные плоды.

— Значит, Гаральд не собирался менять тему диссертации, как утверждает Гуннар? — спросил Маттиас.

— И не думал, — ответил Торбьёрн. — Гуннар во всем видит конец света и всех подозревает. Наверняка он просто хотел, чтобы Гаральд как можно скорее завершил диссертацию, а не превратился в вечного студента, каких в университете десятки. А произошло, увы, наоборот.

— Вы не против немного рассказать об исследованиях Гаральда? — попросила Тора. — Мы хотим понять, не связана ли эта смерть с его интересом к черной магии.

Чудесные брови Торбьёрна взлетели.

— Вы серьезно?

Тора и Маттиас закивали.

— Не может быть... Трудно представить, что история может кого-то так взволновать, что он пойдет из-за нее на убийство. Что же касается научных интересов Гаральда, то он занимался сравнением охоты на ведьм в Исландии и на континенте. Как известно, за колдовство в Европе повсеместно сжигали женщин, а вот в Исландии — по преимуществу мужчин. Это было отправной точкой исследований Гаральда. Он приехал сюда с хорошим знанием исторических реалий по другим странам, а здесь сосредоточился на изучении исландских первоисточников и, соответственно, общей истории этого периода. На мой взгляд, к тому моменту, когда его убили, он уже прошел значительную часть пути.

— А в чем заключался этот путь? — спросил Маттиас.

Торбьёрн задумался, припоминая.

— Ну, сначала он увлекся епископом Йоуном Арасоном, особенно тем фактом, что епископ привез в Исландию первый печатный станок. Скажу откровенно, я никак не мог взять в толк, каким образом Гаральд связывает это событие с преследованием ведьм, однако не мешал ему идти дальше. Затем он неожиданно оставил этот аспект и переключился на епископа Бриньольва Свейнссона.

— Свейнссон поощрял охоту на ведьм? — спросила Тора.

— Не совсем так, — ответил Торбьёрн. — Считается даже, что в отношении всякого рода преследований он проводил мягкую политику и даже спас от сожжения на костре скаульхольтских школяров, у которых обнаружили колдовскую десть — сборник заклинаний. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что это необоснованная точка зрения. Например, епископ ничего не сделал для обуздания своего родственника, Паудля из Селаурдалура, одного из самых ярых гонителей ведьм. Когда заподозрили, что вспышка заболевания на ферме Паудля вызвана колдовством, то сожгли семерых мужчин.

— Гаральд что, изучал эту колдовскую штуку, о которой вы упомянули? — спросил Маттиас.

Торбьёрн медленно покачал головой.

— К сожалению, скаульхольтскую десть епископ уничтожил. Хотя есть версия, что он записал восемьдесят заклинаний из нее. Нет, Гаральда интересовала библиотека Бриньольва, в которой содержались разного рода манускрипты и книги. И конечно, личная жизнь епископа тоже весьма его занимала.

— Почему? — спросил Маттиас и добавил в порядке извинения: — Я не силен в исландской истории.

Торбьёрн снисходительно улыбнулся.

— Если в двух словах, то у Бриньольва было семеро детей, но только двое достигли зрелости: дочь Рагнхейдюр и сын Халлдор. Рагнхейдюр родила внебрачного сына через девять месяцев после того, как Бриньольв заставил ее публично поклясться, что она девственница. Клятва понадобилась, поскольку ходили слухи о любовной связи между ней и молодым помощником епископа, человеком по имени Дади. Незаконнорожденного у Рагнхейдюр забрали и отдали на воспитание родителям его отца. Сама же Рагнхейдюр умерла в заточении, когда ее ребенку еще не исполнилось и года. Халлдор, сын Бриньольва, учился за границей и умер там несколько лет спустя. Тогда Бриньольв призвал к себе сына Рагнхейдюр, Тордюра, которому к тому времени исполнилось шесть, и объявил внука своим наследником. Мальчик быстро стал зеницей ока для старика. Через три года после того, как Тордюр появился в Скаульхольте, умерла жена Бриньольва. В довершение трагедии внук епископа тоже умер в возрасте двенадцати лет от чахотки. Таким образом, епископ Бриньольв, одна из величайших фигур исландской истории, остался один, без семьи и наследников. Гаральда покорила эта история и то, что читалось между строк. Если бы Бриньольв отнесся к своей дочери с большей добротой, то все могло бы сложиться иначе и для него, и для его семьи. А Рагнхейдюр отомстила отцу за жестокость и публичное унижение. Бытует мнение, что в церкви она дала честную клятву, но в тот же вечер позволила Дади соблазнить себя.

— Неудивительно, что такая история привлекла Гаральда, — сказала Тора и подумала, что, конечно, он сочувствовал Рагнхейдюр. — А перед самой своей гибелью он все еще занимался Бриньольвом или продвинулся дальше?

— Пожалуй, о Бриньольве он знал все. Как раз перед убийством он не появлялся на факультете целую неделю, но я не в курсе, чем именно он в эти дни занимался.

— Вы не знаете, были ли у Гаральда в Исландии дела помимо учебы? Например, скупал ли он антиквариат или какие-то предметы, возможно, имеющие историческую ценность? — спросил Маттиас.

Торбьёрн засмеялся.

— То есть не искал ли он сокровища? Нет, ни о чем подобном я не слышал. Гаральд казался человеком, твердо стоящим на земле. Он был самозабвенным исследователем, и мне нравилось с ним работать, так что не обращайтесь внимания на историческую подозрительность нашего декана.

Тора решила поменять предмет разговора и спросила о праздновании в здании факультета в ночь убийства.

— Совершенно верно, — сказал Торбьёрн, и лукавый огонек исчез из его глаз. — Я отвечал за проведение этого мероприятия. На нем присутствовало большинство преподавателей факультета. Вы на что-то намекаете?

— Отнюдь, — возразила Тора. — Я спрашиваю в смутной надежде, что вы заметили

какую-то мелочь, какую-то деталь. Возможно, вы что-то вспомнили уже после того, как дали показания полиции. Память иногда мешкает.

— Те, кто был на этом вечере, вам не помогут. Все ушли задолго до того, когда, по словам полиции, в здании появился убийца. Мы отмечали получение гранта на совместные исследования с норвежским университетом. У преподавателей, в отличие от студентов, сил на подобные сборища нет, вот все и разошлись задолго до полуночи.

— Вы уверены? — спросил Маттиас.

— Абсолютно. Я уходил последним и сам включил сигнализацию. Если бы кто-то остался в здании, то начался бы жуткий трезвон. Однажды со мной такое случилось — приятного, знаете ли, мало. — Он посмотрел на Маттиаса, которого, похоже, не убедил. — Распечатка с охранного пульта может это подтвердить.

— Не сомневаюсь, — произнес Маттиас с каменным лицом.

10 декабря 2005 года

Со вчерашнего вечера установилась хорошая погода. К назначенному времени Тора и Маттиас приехали в авиационную школу, где накануне наняли самолет до Хоульмавика. Пока Маттиас заполнял необходимые документы, Тора пила дармовой кофе. Стоимость полета ее удивила: расчетное время в пути чуть меньше часа, но выходило дешевле, чем ехать на машине с остановкой в отеле. А если бы они согласились лететь со стажером, то вышло бы еще меньше, но Тора предпочла не экономить на безопасности.

— О'кей, мы готовы.

Пилот улыбнулся. «Уж очень молод; должно быть, только недавно переведен из стажеров», — с тревогой подумала Тора. Они пошли за ним к крошечному самолетику, рассчитанному на четверых, включая пилота. Маттиас предложил Торе сесть вперед, но она отказалась, увидев, как тесно сзади. Она тоже высокая, однако пониже и постройнее Маттиаса, а значит, после приземления ее не надо будет выковыривать обувным рожком. Она втиснулась на заднее сиденье и пристегнулась.

Пилот сел и выдал каждому по шлемофону.

— Наденьте. В самолете довольно шумно, общаться будем с помощью микрофона и наушников.

Тора и Маттиас неуклюже застегнули кожаные ремешки под подбородком и подключились к бортовой связи. Пилот завел двигатель, обменялся парой реплик с контрольно-диспетчерским пунктом, и они тронулись.

С воздуха Рейкьявик казался гораздо больше, чем на земле. Маттиас увлеченно смотрел вниз, а Тора вперед, радуясь редкой возможности полета.

— Очень мало высоких домов, — подметил Маттиас, обернувшись к Торе.

Ей было неловко разговаривать, зная, что их слушают диспетчеры, поэтому она только кивнула и тоже посмотрела вниз, на уплывающие невысокие домики. Город и пригороды приспособлены под привычки исландцев, которые предпочитают жить не в квартирах, а в домах. Квартира для исландца — вынужденное пристанище, промежуточная ступень. Тора вывернула шею, пытаясь разглядеть свой дом, но не нашла его: самолет удалялся от моря, в глубь острова. Когда из виду исчезли жилые кварталы, Маттиас снова повернулся.

— А где же деревья? Там внизу никакой растительности, — произнес он неестественно громко.

— Все сожрали овцы. — В этот момент Тора была почти уверена, что они за пределами слышимости службы управления полетами.

— Овцы? — скептически переспросил Маттиас. — С каких это пор овцы едят деревья?

— Они и не едят. К беднякам просто придираются... А если серьезно, то вряд ли здесь когда-то росли деревья. Может, кустарники... — Она посмотрела вниз, на бесплодную землю. — Мне и так нравится. Кому нужны деревья?

Маттиас стрельнул в нее насмешливым взглядом и отвернулся рассматривать виднеющиеся вдали горы.

Полет в Хоульмавик прошел быстро, и скоро на горизонте возник микроскопический аэродром. Тора рассмотрела грунтовую полосу и единственный ангар, больше ничего. За аэродромом нарисовался городок, сбоку проходила дорога. Пилот покругил, примеряясь,

затем развернул самолет и мягко приземлился. Они отстегнули ремни и вылезли.

Маттиас достал мобильный.

— Подскажите телефон вызова такси, — попросил он пилота.

— Вызов такси? — засмеялся тот. — Здесь не то что такой службы, здесь и такси нет.

Пешком дойдете.

Тора улыбнулась вместе с пилотом, делая вид, что знала об этом, хотя, как и Маттиас, думала, что от аэропорта до музея можно будет добраться на машине.

— Пойдем, это близко. — Она потянула шокированного партнера за собой. Они перешли абсолютно пустое шоссе и направились к автозаправке с магазинчиком, расположенной на въезде в город, — спросить, куда идти. Работающая там девушка оказалась весьма любезной и даже вышла наружу показать, где музей. Найти его проще простого: по тропинке вдоль берега, сразу за бухтой. Черный деревянный дом, крытый дерном, он даже чуточку виден отсюда. Всего несколько сотен метров при хорошей погоде.

И они пошли.

— Я узнаю места по фотографиям из компьютера Гаральда, — сказала Тора, оборачиваясь к Маттиасу: по узенькой дорожке им пришлось идти гуськом.

— Фотографии хорошие? Я имею в виду, есть ли на них что-то важное?

— Ничего, — ответила Тора. — Обычные туристические, за исключением тех, что сделаны в самом музее, где, кстати, фотографировать запрещено.

Она осторожно обошла озерцо льда.

— Смотри под ноги, — предостерегла она Маттиаса и заметила, что он в лакированных ботинках. — У тебя обувь совсем не для прогулки.

Одежда Маттиаса была под стать обуви: отутюженные брюки, рубашка и шерстяное полупальто. На Торе были джинсы, ботинки-внедорожники и любимый пуховик — на всякий случай. Ее внешний вид Маттиас пока не комментировал, лишь приподнял бровь, когда она утром втискивалась в его машину, увеличенная на три размера.

— Я же не знал, что придется идти пешком, — раздраженно сказал Маттиас. — Этот тип мог бы меня предупредить.

«Этим типом» был куратор музейной выставки, которому Маттиас загодя позвонил, желая выяснить, будет ли он в этот день работать.

— Тебе полезно. Это научит тебя не быть таким уж щеголем, — поддразнила Тора. — Щеголи и Исландия несовместимы. Если расследование затянется надолго, надо будет купить тебе флисовую куртку.

— Ни-ко-гда! — заявил Маттиас. — Даже если мне придется остаться здесь до конца своих дней.

— Если не купишь флисовую куртку, твои дни окончатся гораздо раньше, чем ты ожидаешь, — парировала она. — Неужели тебе не холодно? Не хочешь примерить мой пуховичок?

— Я заказал номера в отеле «Рангау», — сказал он, мягко переводя тему. — И собираюсь поменять арендованную машину на джип.

— Смотри-ка, ты уже наполовину исландец.

В конце концов они добрались до музея и ни разу не поскользнулись.

Снаружи музей был отделан под старину. Во дворе, огражденном стеной из валунов и покрытом береговой галькой, лежали коряги плавника. Темно-красная дверь резко контрастировала с бурым цветом самого здания. На скамейке у входа восседал

величественный ворон и глядел в небо. Он открыл клюв, закаркал и, расправив крылья, перелетел на кровлю, откуда и наблюдал, как Тора с Маттиасом приближались к музею.

— В тему, — сказал Маттиас, открывая перед Торой дверь.

Внутри располагался небольшой прилавок и несколько полок с сувенирами. Все скромно и чисто. Молодой человек за прилавком читал газету.

— Здравствуйте, — поднялся он. — Добро пожаловать на выставку магии и колдовства.

Тора и Маттиас представились.

— Торгримюр. Я здесь временно. — Молодой человек твердо и решительно пожал им руки. — Директор музея в отпуске, но я надеюсь, это не нарушает ваши планы.

— Нет, все в порядке, — сказала Тора. — Вы уже работали здесь этой осенью?

— Да, я приступил в июле. — Он с любопытством на нее посмотрел. — А почему вы спрашиваете?

— Как Маттиас вчера вам сказал, мы расследуем случай, связанный с молодым человеком, который интересовался черной магией. Он приезжал сюда этой осенью. Нам нужно узнать о нем как можно больше. Возможно, вы его запомнили.

Экскурсовод рассмеялся.

— Вы шутите? Здесь бывает такое количество народу! — Потом, осознав, что сейчас они единственные посетители, добавил: — Нынешнее время года не показатель — в туристический сезон здесь не протолкнуться.

Маттиас вяло улыбнулся.

— Видите ли, этого посетителя не так легко забыть. Он немец, изучал историю, и у него весьма необычная внешность. Его звали Гаральд Гунтлиб, и его недавно убили.

— А-а, — вспомнил Торгримюр, — он еще весь... весь покрыт... как бы это сказать... весь изукрашен?

— Можно сказать и так, — сказала Тора.

— Да, конечно, помню. С ним был еще один, помоложе, который сказал, что у него похмелье и поэтому он лучше побудет на свежем воздухе. Вскоре после я прочитал в газете, что немца убили.

— Это он, — сказал Маттиас. — А тот другой, с похмельем, — что-нибудь о нем знаете?

Молодой человек покачал головой:

— Почти ничего. Ваш приятель, прощаясь, сказал, что он доктор. Шутил, наверное. Этого самого доктора ваш знакомый еле-еле разбудил. Я наблюдал за ними с порога и даже подумал, что это за доктор такой, который отрубается на скамейке.

Тора и Маттиас переглянулись: Халлдор.

— Что-нибудь еще об их визите можете рассказать? — спросила Тора.

— Этот, изукрашенный, был весьма сведущ. Всегда приятно общаться с посетителями, которые подготовлены по части истории и черной магии. Большинство же ничего не знают и даже не могут отличить привидение от полтергейста.

Глядя на лица посетителей, он понял, что к этой категории можно добавить еще двоих.

— Предлагаю сначала осмотреть выставку. Я покажу вам основные экспонаты, а потом вернемся к разговору о вашем друге.

Тора посмотрела на Маттиаса, и они пошли за экскурсоводом.

— Я не знаю, насколько вы осведомлены, поэтому, если не возражаете, сообщу вам кое-какие базовые сведения.

Торгримюр подошел к стенду, где висела шкура неизвестного животного мехом к стене. На коже был изображен магический символ, гораздо более сложный, чем на теле Гаральда. Ниже располагалась деревянная коробка, похожая на старомодный пенал, полуоткрытая и заполненная чем-то похожим на волосы, на них — старинная монета. На крышке коробки был вырезан символ, напоминающий тот, что на шкуре, но более простой, и лежало странное создание, некое подобие ежа-мутанта.

— Во времена, когда практиковалось колдовство, простой исландский народ жил в чудовищных условиях. Горстка семей владела всем, а остальные голодали. Магия считалась единственным способом вырваться из бедности, причем сверхъестественное воспринималось как обыденная реальность. Например, считалось, что дьявол запросто бродит среди людей и увлекает их души. — Он повернулся к шкуре на стене. — Вот пример заклинания на богатство. Чтобы его сотворить, берется шкура черного кота и на ее внутренней стороне изображается рунический круг «Шлем ужаса». Причем рисовать его надо менструальной кровью девственницы.

Маттиас скривился и уголком глаза посмотрел, трогает ли Торgrimюр изображение.

— Мы использовали темно-красные чернила, — сухим тоном пояснил экскурсовод и продолжил: — Затем требовалось поймать морскую мышь — разновидность кольчатого червя, который обитает вдоль берегов. Ловить его надо было сетью, сплетенной из волос девственницы.

Тора почувствовала, как рука Маттиаса пробежалась вниз по ее длинным распущенным волосам. Подавив смешок, она демонстративно оттолкнула его руку.

— В деревянной коробке из волос делалось гнездо для мыши, куда подкладывали украденную монету. Предполагалось, что мышь притягивает богатство. А чтобы она не сбежала и не вызвала на море шторм, на крышке коробки вырезали знак «Шлема ужаса». — Он повернулся к ним. — В общем, это вам не фокус-покус.

— Да уж, — сказал Маттиас и показал на стенд, где висело нечто вроде нижней части человеческого тела. — Что, черт возьми, это такое?

— А, это один из самых популярных экспонатов. Штаны мертвеца. Тоже для того, чтобы стать богатым. — Торgrimюр подошел к витрине. — Разумеется, муляж. Само собой.

Тора и Маттиас горячо закивали. За стеклом висела человеческая кожа с нижней части тела — словно пара жутких розовых колготок, волосатых, с ногтями и мужскими гениталиями.

— Чтобы занять штаны мертвеца, требовалось, чтобы еще живой человек разрешил использовать его кожу после своей смерти. Когда он умрет и его похоронят, надо выкопать труп, снять кожу от талии вниз целиком и надеть на себя. Кожа якобы приживалась к телу надевшего. В мошонку штанов мертвеца надо опустить монету, украденную у богатой вдовушки на Рождество, на Пасху или на Троицу, чтобы в мошне никогда не перевелись деньги.

— Ну конечно, другое место выбрать нельзя было, — с гримасой заметила Тора.

Торгримюр подвел их к большой фотографии с изображением сидящей женщины, одетой в длинную грубую рубаху, которая была подвернута таким образом, что обнажала ее голую ляжку. На ляжке виднелся странный бородавчатый выступ, торчащий вверх.

— Что это? — спросил Маттиас.

— В Исландии казнили за колдовство двадцать мужчин и всего одну женщину. Считалось, что в Исландии, в отличие от остальной Европы, черной магией занимались в

основном мужчины. Эта фотография рассказывает нам о существе под названием «тильбери». Он примечателен тем, что сотворить его могла только женщина. Для создания тильбери надо в ночь на Троицу выкрасть из могилы кость мертвеца, завернуть ее в шерсть, и носить под одеждой между грудей. Затем следовало трижды сходить в церковь к причастию и там сбрызнуть кость алтарным вином — чтобы оживить тильбери. Существо начнет расти, но его по-прежнему необходимо прятать под одеждой; женщина должна сотворить из кожи своего бедра искусственный сосок и кормить тильбери. По ночам колдовское отродье бродит по деревне, высасывает молоко у чужих овец и коров и потом сцеживает его в маслобойку своей хозяйки.

— Этот тильбери — далеко не секс-символ, — сказала Тора, глядя на экспонат. Она бы и не заметила завернутое в шерсть существо, если бы не его открытый беззубый рот и два крошечных белых глаза без зрачков.

Судя по выражению лица, Маттиас придерживался того же мнения.

— Ту единственную казненную женщину обвинили именно в этом?

— Нет. А вот на юго-западе Исландии в 1635 году был случай, когда одну женщину и ее мать подозревали в том, что они создали тильбери. Случай расследовали, выяснилось, что это неправда, но мать и дочь едва избежали казни.

Они продолжали ходить по музею, разглядывая экспонаты. Тора остановилась у деревянного столба, к которому привязывали приговоренного к сожжению. Столб возвышался в центре зала, окруженный связками соломы. Торgrimюр с упоением рассказывал, что все подозреваемые в колдовстве, двадцать один человек, сгорели заживо. Трое попытались выбраться из смертельного пламени вместе с прогоревшим столбом, но их загнали обратно. Экскурсовод добавил, что первая казнь состоялась в 1625 году, но настоящая охота на ведьм началась, когда троих колдунов сожгли в Трьекиллисвике, в северной части Западных фьордов, в 1654-м. Тора подумала, что на самом деле это случилось не так уж и давно.

Затем их повели на второй этаж. Они прошли мимо таблички, указывающей, что фотографировать запрещено, которую Тора видела на одном из снимков Гаральда. Торgrimюр указал на изображение генеалогического древа, доказывающего, что все наиболее известные охотники на ведьм находились в родстве между собой. Он подробно рассказал, как в семнадцатом веке члены правящего класса насаждали своих отпрысков в магистраты и суды. Тора понимающе кивала, а Маттиасу это было неинтересно. Он нагнулся над витриной с копиями колдовских книги манускриптов. Тора и Торgrimюр подошли к нему.

— Удивительно, что книги вообще сохранились, — сказал Торgrimюр, указывая на витрину.

— Вы имеете в виду, что они такие старые? — спросила Тора, наклоняясь поближе к экспонатам.

— Ну и поэтому тоже, но в основном из-за того, что владение ими каралось смертной казнью. Здесь у нас рукописные копии более древних манускриптов, которые, вероятно, были утрачены или повреждены, так что эти книги не все шестнадцатого и семнадцатого веков.

Тора выпрямилась.

— А у вас есть полный перечень всех магических символов?

— Нет, к сожалению. Никто пока что не взялся за столь огромный труд. — Обведя

рукой стенды, Торgrimюр сказал: — Все представленные здесь символы — всего с нескольких страниц рукописей и старинных книг. Это капля в руническом море. Так что можете себе представить, сколько их всего.

Тора кивнула. Какая досада! А было бы замечательно: им показывают список, а они находят в нем нужный символ. Она прошла вдоль стендов, разглядывая выставленные там страницы манускриптов.

Вдруг Маттиас, близко склонившийся к одной из витрин, резко разогнулся.

— А это что за знак? — с волнением произнес он, постучав пальцем по стеклу.

— Какой? — Торgrimюр взглянул на документ.

— Вот этот! — Маттиас ткнул в витрину.

Тора пригляделась, куда показывает Маттиас, и сообразила, какой именно символ его взволновал, — просто потому, что знак был одним из немногих, которые она узнавала: тот самый, вырезанный на теле Гаральда.

— Чтоб мне провалиться... — пробормотала она.

— Этот? В конце страницы? — спросил Торgrimюр.

— Нет, — ответил Маттиас. — Вот этот, на полях. Что он обозначает?

— Ну, не знаю, — ответил Торgrimюр. — Не могу сказать. Видите, он не имеет отношения к тексту. Иногда владельцы книг сами рисовали на полях знаки. Здесь как раз такой случай. В нем нет ничего необычного, такие символы встречаются во многих трудах, не только в посвященных исландской магии.

— А из какой он книги? — спросила Тора, пробегая глазами сопроводительный текст.

— Из манускрипта семнадцатого века, принадлежащего Королевскому архиву древностей в Стокгольме. Рукопись известна под названием «Исландская книга колдовства». Автор, естественно, анонимный. В ней собрано пятьдесят различных заговоров, большинство из которых безобидны и направлены на личную выгоду или защиту. — Он взглянул на текст, который только что читала Тора. — Хотя встречаются и заговоры, приносящие несчастье, — например, есть один, чтобы умертвить объект заклинания. Один из двух любовных заговоров — тоже довольно жестокий. — Торgrimюр отвлекся от витрины. — Кстати, забавное совпадение: ваш приятель Гаральд тоже заинтересовался именно этой частью выставки — старинными книгами и рукописями.

— Спрашивал ли он вас об этом символе? — задал вопрос Маттиас.

— Нет, насколько я помню, — ответил Торgrimюр. — Я не особый специалист по рунической магии, поэтому не слишком ему помог, но я направил его к Паудлю, это наш директор, которого я сейчас подменяю. Вот он об этом знает много.

— А как с ним связаться? — возбужденно спросил Маттиас.

— Это сложно — он сейчас за границей.

— И что? Ему же можно позвонить или послать e-мейл? — Тора была взволнована не меньше. — Нам крайне важно выяснить, что этот символ обозначает.

— Ну, у меня где-то есть его телефон... — Торgrimюр в отличие от них говорил спокойно. — Полагаю, будет лучше, если сначала я сам ему позвоню и все изложу. А уже потом он с вами свяжется.

Они спустились вниз, Торgrimюр зашел за прилавок, достал записную книжку и полистал. Потом взял телефон и набрал номер так, чтобы посетители его не увидели. Через какое-то время он соединился, но на той стороне оказался автоответчик.

— Извините. Не отвечает. Он наверняка мне перезвонит, как только увидит, что я

пытался с ним связаться, — может быть, вечером, а может, завтра или послезавтра.

Не пытаясь скрыть разочарование, Тора и Маттиас протянули свои визитные карточки. Тора напомнила ему про Гаральда.

— Объяснил ли он, зачем сюда приехал? Интересовало ли его что-то помимо книг и рукописей?

— Нет, в основном они, — сказал Торgrimюр. — Однако, помнится, он хотел купить нашу жертвенную чашу, хотя трудно было понять, серьезно это или нет.

— Что за жертвенная чаша? — спросил Маттиас.

— Пойдемте, покажу.

Они прошли за ним в маленькое помещение, где в центральной витрине красовалась каменная чаша.

— Ее использовали во время жертвоприношений. Она была найдена поблизости, и криминалисты подтвердили, что на ней остались следы крови. Многовековой давности, как оказалось.

— Ну и глыбища! — воскликнула Тора. — Чем их не устраивала деревянная?

Чаша весила по меньшей мере несколько килограммов и была выдолблена из цельного камня.

— Она что, продается? — спросил Маттиас.

— Конечно, нет. Это единственный подлинный экспонат в нашем музее, и, кроме того, я не вправе что-то здесь продавать.

Тора разглядывала чашу. Для чего она понадобилась Гаральду? В ходе этого расследования обнаруживалось много такого, что раньше казалось невероятным.

— А это та самая чаша?

— То есть? — удивленно спросил Торgrimюр.

— Ну, просто я размышляю, а мог ли директор поймать Гаральда на слове, продать ему каменную чашу, заказать другую и поставить сюда?

Торgrimюр улыбнулся.

— Чаша та же, что была здесь всегда. Голову даю на отсечение. — Музейщик повернулся и вышел из зала. Тора и Маттиас последовали за ним по пятам. — Да и ваш приятель упомянул об этом мимоходом.

— А что еще? Он еще о чем-то спрашивал? — доискивалась Тора.

— Как я говорил, он в основном интересовался старыми книгами по колдовству и страницами из манускриптов, — повторился Торgrimюр. — Да, и еще он спрашивал меня о книге «Молот ведьм»: известно ли мне что-нибудь о раннем варианте этой книги, может ли он находиться в Исландии и все в таком роде. Я удивился и сказал ему, что ни о чем подобном не слышал. Ой, может быть, вы даже не знаете, о какой книге речь?

— Знаем, не беспокойтесь, — ответил за обоих Маттиас.

— Я спросил, на чем основывается его предположение, и он ответил, что некоторые старые письма наводят на мысль, что рукопись попала в Исландию.

Когда приближаешься к главному корпусу Исландского университета, открывается величественная панорама. Архитектура здания заметно превосходит остальные корпуса своей монументальностью. Бриет сидела на ступеньках парадного входа и любовалась серповидной подъездной дорогой. «Хорошо бы купить машину», — думала она. Но об этом нечего даже мечтать, у нее не студенческий кредит, а слезы. Посмотреть бы в глаза тому жмоту, решившему, что на минимум, который он насчитал, можно жить. Эх, покончить бы с обучением и начать работать! Впрочем, историки много не зарабатывают. За большими деньгами надо было идти на другую специальность. Бриет надеялась охмурить кого-то, кто сможет обеспечивать ее и семью. Сестра сделала именно так, выйдя замуж за юриста, который работает в крупном банке. Они купаются в деньгах, сейчас строят огромный дом в пригороде, а сестрица, политолог по образованию, ведет роскошную жизнь: по утрам работает в министерстве, а остальную часть дня болтается по магазинам.

Бриет прислонилась к сидевшему рядом Дори. Этот парень что надо, невероятно красивый, и, кстати, врачи довольно много получают.

— Ты о чем задумалась? — спросил он, бросив снежок, который все это время лепил.

— Ох, не знаю, — устало ответила Бриет. — О Хюги.

Дори проследил за полетом снежка — как он взлетел высоко в воздух и упал рядом с памятником Сэмунду Мудрому.^[5]

— А он, между прочим, колдун, — сказал Дори.

— Кто? — удивленно спросила Бриет. — Хюги?

— Нет, Сэмунд Мудрый.

— А, ну да.

Дори рассматривал скульптуру: колдун лупит тюленя молитвенником по голове. По легенде, в образе тюленя скрывался сам дьявол. Странная композиция. Дори не понимал, почему она стоит перед университетом.

Бриет достала из сумки пачку сигарет.

— Хочешь? Твой любимый брэнд. — Она усмехнулась, протягивая ему белую пачку.

Дори улыбнулся.

— Нет уж, спасибо, у меня свои.

Он достал сигарету, и оба закурили.

— Ну и дела... — сказал он.

— И не говори...

Не зная, что лучше ответить, Бриет решила быть осторожной. Нельзя, чтобы Дори совершил какую-нибудь глупость, с последствиями для него, а значит, с двойными последствиями для нее. При этом ей хотелось, чтобы он осознал, насколько она более чуткая и порядочная, чем Марта Мист.

— Меня тошнит от всей этой хренотени. — Халлдор молча уставился прямо перед собой, а потом добавил: — Остальные студенты совершенно на нас не похожи.

— Знаю, — сказала Бриет. — Мы не типичные. Я этим тоже сыта по горло. — Она понятия не имела, о чем они говорят.

Не обращая внимания на подругу, Дори продолжил:

— Больше всего меня поражает, что другие не тусуются бесконечно, не пьянствуют, а

выглядят такими же довольными жизнью, как и мы.

Бриет, воспользовавшись случаем, положила руку на плечо Дори и прижалась лицом к его спине.

— И я так думаю. Мы слишком далеко зашли. Если Андри и остальные хотят, чтобы все так и оставалось, то это без меня. Пора опомниться и начать наконец делать что-то стоящее. По крайней мере я так и поступлю. Игры кончились. — Она нарочно упомянула Андри, а не Марту Мист.

— Забавно... Я вроде как чувствую то же самое... — Халлдор с усмешкой развернулся к Бриет. — Мы с тобой не такие уж разные.

Девушка мгновенно поцеловала его в щеку.

— Мы с тобой похожи, а про остальных забудь.

— Только не про Хюги, — сказал Дори, и ухмылка сбежала с его лица.

— Конечно. Про него нельзя забывать, — поддакнула Бриет. — Не перестаю о нем думать. Каково ему там?

— Хреново. Не могу этого больше выносить.

— Что? — Бриет остереглась дальше спрашивать. Она решила, что лучше его неправильно поймет, чем испортит то, что так хорошо завязывается.

Дори начал подниматься.

— Подожду еще несколько дней, а потом пойду в полицию. И насрать, что будет.

Приплыли. Надо срочно придумать, как привести его в чувство. Сейчас Бриет с радостью отдала бы Дори в руки Марты Мист.

— Послушай, ты ведь не убивал Гаральда? Ты ведь был в «Каффибрэннслан»?

Он встал.

— Да. Я был в «Каффибрэннслан». А где была ты?

Дори посмотрел на нее сверху вниз далеко не ласковым взглядом и собрался уходить.

Бриет, сообразив, что это полный провал, вскочила на ноги и закричала:

— Я не это имела в виду, прости. Я просто... Зачем идти в полицию?

Дори резко замер и развернулся.

— Знаешь, я больше не хочу понимать, чего вы с Мартой Мист так упираетесь. День расплаты все равно наступит, он всегда наступает, помни об этом, — сказал он и ушел.

Бриет, не зная, что делать дальше, достала мобильный и набрала номер.

Лора Амаминг зашла в холл института рукописей, где Глория возилась с пылесосом. Утром при всех Лора не смогла с ней поговорить, и вот теперь выкроила минуту наедине.

— Мне надо у тебя кое-что спросить.

— О чем? — удивилась Глория. — Я вроде делаю все как ты учила.

— Да я не о работе, — отмахнулась Лора. — Вспомни, в те выходные, когда произошло убийство, ты убирала в студенческой комнате отдыха. Не заметила ли ты что-нибудь необычное? До того, как нашли тело.

Темные глаза Глории расширились.

— Я тебе все рассказала... И полиции. Там ничего не было.

Лора сурово посмотрела на девушку, чувствуя неискренность ее ответа.

— Глория, скажи мне правду. Ты ведь знаешь, что лгать — большой грех. Бог все видит, и он знает, что ты обнаружила. Или ему ты тоже собираешься врать, когда придет время и ты перед ним предстанешь? — Она взяла девушку за плечо и заставила посмотреть себе в

глаза. — Не волнуйся. Ты же не могла знать, что произошло убийство. Дверь, за которой стоит ксерокс, тогда еще никто не открывал. Так что ты видела?

По щеке Глории потекла слеза. Это была не первая слеза, которую девушка роняла на работе, а потому Лора осталась безучастна.

— Глория, соберись и все мне расскажи. Я в этой комнате нашла следы крови на оконной ручке. А что видела ты?

Появилась вторая слеза, потом третья, а затем они полились сплошным потоком. Сквозь всхлипывания Глория выдавила:

— Я не знала... не знала...

— Я понимаю, Глория. И все понимают. Откуда ты могла знать? — Лора вытерла ей щеки. — Так что там все-таки было?

— Кровь на полу, — выговорила девушка, в ужасе глядя на Лору. — Не лужа, а как будто кто-то пытался следы вытереть... Я сначала не сообразила, а потом, когда увидела на тряпке, поняла. Только я ни о чем таком не подумала, я же не знала... Ну, ты понимаешь...

Лора облегченно вздохнула. Пятна крови — и ничего больше. За Глорию можно не переживать. Из-за того, что она это утаила, неприятностей у нее не будет. Свою тряпку Лора на всякий случай сохранила, теперь ее спокойно можно отдать Триггви, а он пусть отнесет в полицию — они там установят, чья это кровь. В глубине души Лора не сомневалась, что убийство совершили в этой комнате.

— Глория, не переживай. Это все пустяки. Сходим в полицию, и ты скажешь, что не понимала важности информации. — Она улыбнулась, но девушка продолжала плакать.

— Есть еще кое-что, — произнесла она, шмыгая носом.

— Еще? — снова напряглась Лора. — Говори!

— Тем утром я кое-что нашла — в буфете, в ящике для ножей. Пойдем, я тебе покажу. — Глаза девушки блестели от слез.

Лора пошла за Глорией на первый этаж, в подсобное помещение. Глория вскарабкалась на стремянку, достала с верхней полки какой-то сверток и протянула Лоре.

— Я не выбросила, потому что чувствовала — это что-то странное. А когда нашли тело, я поняла, что это такое, и очень испугалась. Тут мои отпечатки, и полиция могла подумать, будто я его убила. А я никого не убивала.

Лора осторожно развернула бумажное полотенце. Увидев спрятанный предмет, она вскрикнула и перекрестилась. Глория разрыдалась.

Гвюдрун — для друзей Гюрра — едва не начала снова грызть ногти. От этой привычки она избавилась давно и уже не помнила, было это до или после того, как она вышла за Адли. Гюрра посмотрела на свои ухоженные руки. Жаль, на ногтях нет лака, можно было бы его сдирать — хороший способ избавиться от фрустрации. Она подумала, а не нанести ли его единственно с этой целью, но переборолла искушение и пошла в кухню.

Сегодня суббота, надо бы приготовить что-нибудь вкусненькое. Адли работал каждый день, кроме воскресенья, и только субботним вечером они могли спокойно побыть вместе. Гюрра посмотрела на часы — пока еще рано начинать готовить ужин. Она вздохнула. Все давно убрано и вычищено, не осталось никакой работы по хозяйству. Нет, если она не отыщет себе занятие, то сойдет с ума. Нужно придумать, как удержаться от паники. Появление полицейских с ордером на обыск верхней квартиры страшно перепугало Гвюдрун. И — невероятно, но факт — ничего не случилось. Их уютная вселенная на

Бергстадастрайти не перевернулась. Все волнения оказались безосновательны, она только начала расслабляться — и, как оказалось, зря...

Зачем эти двое опять что-то вынюхивают? Неужели полиция недовольна результатами расследования? Чего ради будоражить все заново? Гюрра застонала. Господи, и о чем она только думала? Адли, конечно, бывал совершеннейшей свиньей и потерял к их браку всякий интерес, но она вовсе не хотела с ним расставаться. Наоборот, Даже предприняла некоторые шаги, стараясь вернуть его внимание. Сорок три — уже слишком много, чтобы снова выставлять себя на продажу.

Ну и дура же она. Спать со своим квартирантом! Самое смешное, что в этих апартаментах жилали мужчины и посимпатичнее, не то что этот безбашенный немец. Она, видимо, была не в своем уме — и не важно, что это случилось больше, чем один раз, и, в общем, больше двух раз. Да только, чего уж отрицать, секс с ним был особенным. И конечно же, ее захватила атмосфера приключения, а осознание того, что они занимались чем-то запретным, добавляло остроту. Гаральд был значительно моложе ее мужа и такой горячий! Если б только не все эти шрамы, кольца и гвозди, хотя...

«Думай, думай». Она глубоко вдохнула. Ну и как они узнают? Да никак. Лично она не сказала о своей связи даже лучшей подруге — здравый смысл удержал. Гаральд тоже вряд ли кому-то хвастался. Да и зачем ему? Девушки текли через его квартиру нескончаемым потоком, и если бы он был из тех, кто любит афишировать победы на сексуальном фронте, то и ей рассказал бы о них. Она поправила себя: «нескончаемый поток» — на деле всего две девушки, высокая рыжая и миниатюрная блондинка. Словом, полиция об их близости ничуть не подозревала. Они беседовали с ней несколько раз, всегда коротко, и ничто в их словах или поведении не подразумевало, что они считают ее отношения с Гаральдом более тесными, нежели отношения хозяйки дома с жильцом. Тем более что под конец именно так и оказалось. Гаральд объявил ей, что хватит, мол, он не может больше отвлекаться, у него есть дела поважнее. Вспомнив об этом, Гвюдрун скривилась.

Она предпочитала бросать сама, а не оставаться брошенной. К его чести, он очень мило поблагодарил ее за памятные моменты, но она все равно вышла из себя. Гюрра покраснела при одном воспоминании. Как все-таки стыдно и нецивилизованно с ее стороны. На самом деле она психовала, потому что догадывалась — настоящая причина совсем не в его делах. У него появилась постоянная девушка. За неделю до убийства Гюрра их несколько раз засекала — видела, как они входили и выходили из его квартиры. Девушка незнакомая, раньше она у Гаральда не появлялась. Разговаривали по-немецки, так что скорее всего его соотечественница. Неужели исландские женщины хуже, когда доходит до *этого*? Гюрру тогда взбесило лицемерие Гаральда. То, что она, Гюрра, изменяет своему мужу, — это мы принимаем, это, выходит, нормально, а он, значит, не может изменять своей девушке. Надо же, какие мы честные.

Ладно, все кончено, и не стоит заикливаться на том, что вместе с ее жильцом кануло в вечность. Она пошла в хозяйственную комнату. Надо бы тут прибраться. Комнатой, приспособленной для стирки-глажки и хранения уборочного инвентаря, пользовались как хозяйева, так и жильцы. Они с Адли так придумали, когда купили этот дом и решили сдавать верхний этаж. Она подняла медный дверной крючок и вошла.

Да, здесь есть чем заняться. Пол до сих пор покрыт отпечатками лап: полицейские собаки везде искали наркотики. К счастью, ничего не обнаружили. Потому что если бы их нашли в общих помещениях, то ее с Адли включили бы в список подозреваемых или в какой-

нибудь другой список, связанный с распространением наркотиков. От них потребовали присутствия во время обыска, и собака обнюхала и ее, и мужа. Бред какой-то! Они никогда не прикасались к наркотикам, по крайней мере она. За Адли нельзя поручиться — кто знает, какие он выкидывает фортели во время своих бесконечных командировок. Впрочем, все обошлось. Собаки ничего не учуяли, и полицейские утратили интерес к помещению. Один, правда, заглянул внутрь сушилки и стиральной машины — чисто из любопытства. А больше ничего и не случилось.

Гюрра открыла дверцу встроенного шкафа, достала ведро и веник. Вытаскивая ведро, она увидела за ним коробку. Когда она в последний раз здесь прибиралась, никакой коробки не было. Обычно шкаф пуст, за исключением приспособлений для уборки обеих квартир. Должно быть, это Гаральда. Она осторожно ее вытащила. Гвюдрун попробовала вспомнить, когда она здесь последний раз мыла полы. Ну конечно, как раз в тот день, когда он ее бросил. Он хотел постирать свои вещи, а она зашла и предложила ему — не пытаюсь скрыть свои истинные намерения — «свои услуги». Вот тогда-то он и заявил, что хорошенького понемножку.

Поскольку этот малоприятный эпизод произошел незадолго до убийства, Гаральд, должно быть, поставил сюда эту коробку позже, перед самой смертью. Зачем? Гвюдрун предлагала ему пользоваться шкафом, в нем было четыре полки для вещей жильцов, но он говорил, что ему не нужно, и полки всегда пустовали. Возможно, он хотел что-то спрятать от своей новой подружки, положил в коробку и оставил здесь? Хотя по внешнему виду и экстравагантным украшениям Гаральда было непохоже, чтобы он пытался что-нибудь скрывать. Может, он тайно снимал все свои улады и боялся, что девушка это найдет? Хорошенькое начало взаимоотношений — подозревать, что стала частью сексуальной коллекции. Тут сердце Гюрры екнуло: а вдруг она тоже есть на пленке или фотографиях? Гвюдрун обеими руками схватилась за голову. Она стояла, сгорая от стыда, и глядела на коробку. Надо ее открыть, другого выхода нет — открыть и убедиться, что там не найдется ничего такого, что выдаст ее постыдный секрет.

Гвюдрун нагнулась и раскрыла картонные створки: внутри — ни дисков, ни пленок, ни фотографий. Несколько кухонных полотенец, в которые завернуто что-то, вероятно, бьющееся. Сверху какие-то листы в прозрачных папках. Какое счастье! Она достала один лист и увидела, что это очень старое письмо, похоже, ценное. Шрифт и текст были неразборчивы, и Гюрра решила рассмотреть его подробнее. Держа письмо в руке, она перебрала остальные бумаги, и, к огромному ее облегчению, в них также не содержалось ничего, связанного с их отношениями. Ее внимание привлек еще один лист бумаги — если это вообще бумага — темный, плотный, словно вощенный, с небрежной писаниной, выполненной красными чернилами, сплошные каракули. Сверху была начерчена руна, а внизу стояло две подписи, обе неразборчиво, но имя Гаральда она распознала — такая же подпись стояла на договоре аренды. Она положила лист обратно в коробку. Чудно.

Гюрра сдвинула бумаги в сторону, бережно достала со дна один из предметов, завернутый в кухонное полотенце. Что-то легкое, как если бы там вообще ничего не было. Она осторожно развернула ткань — и застыла в ужасе. Пронзительно закричав, отшвырнула полотенце, стиснула в кулаке старинное письмо и пулей выскочила из бытовки.

Гуннар поднял трубку и набрал внутренний номер Марии, директора института рукописей. Наверняка она еще на работе, хоть и суббота. Выставка работала последние дни,

и, судя по общей суматохе, в институте кипит жизнь.

— Добрый день, Мария, это Гуннар, — важно начал он. Пусть знает: он натура самодостаточная, цельная, не желающая создавать о себе преувеличенное впечатление.

— А, это вы... — Директора, похоже, не проняло. — А я собралась вам звонить. Новости есть?

— Как сказать, — медленно и спокойно произнес Гуннар. — Я полагаю, что значительно продвинулся вперед в поисках документа.

— Мне было бы легче, если бы вы полагали, что уже нашли письмо, — саркастически сказала она.

Гуннар не поддался и не стал вступать в словесный конфликт.

— На факультете я проверил все и даже связался с представителями семьи Гаральда — они как раз начали заниматься его личными вещами. Документ среди них, это несомненно.

— То есть вы полагаете, что это несомненно?

— Послушайте, я позвонил, чтобы обрисовать вам ситуацию, поэтому не надо хамить. — Гуннар подавил желание бросить трубку.

— Простите. Мы здесь так замотались с этой выставкой. Я на пределе. Не обижайтесь, — дружелюбно сказала Мария. — Помните, я сдержу свое слово, Гуннар. У вас на поиски всего несколько дней, до закрытия выставки. Я не стану покрывать ваших студентов.

«А „несколько дней“ — это сколько?» — не решился спросить Гуннар. Едва ли больше пяти, а вероятнее всего, три. Давить на Марию и уточнять ни в коем случае не стоит, а то она и этот срок сократит.

— Ясно. Как только что-нибудь выяснится, немедленно дам знать.

Они сухо попрощались. Гуннар навалился локтями и грудью на стол, обхватил голову руками. Письмо надо найти! Если нет, то ему, вероятно, придется подать в отставку. Для декана факультета немыслимо оказаться замешанным в кражу старинных документов, к тому же присланных из-за рубежа. В нем вскипела ненависть. Проклятый Гаральд Гунтлиб! Пока он тут не появился, Гуннар лелеял мечту, что когда-нибудь выставит свою кандидатуру в ректоры. А сейчас он мечтает только об одном — чтобы жизнь просто стала нормальной. Все.

В дверь постучали. Гуннар распрямился и сказал «войдите».

— Здравствуйте, простите за беспокойство, — начал Триггви, смотритель здания. Он закрыл за собой дверь, медленно подошел к столу Гуннара, хотя от предложения присесть вежливо отказался.

— Одна из уборщиц нашла это в комнате отдыха студентов... — Он протянул руку и раскрыл кулак.

Гуннар взял с ладони смотрителя маленькую стальную звездочку. Рассмотрев ее поближе, он удивленно взглянул на Триггви:

— А что это? Вряд ли что-то ценное.

Смотритель потер подбородок.

— Я думаю, это от ботинка убитого студента. Уборщица нашла ее пару дней назад, но сказала об этом только сегодня.

Гуннар посмотрел на него отсутствующим взглядом.

— И что? Я не совсем улавливаю смысл...

— Есть кое-что еще. Если я правильно ее понял, уборщица обнаружила следы крови на

окне. — Триггви смотрел Гуннару в глаза, ожидая ответа.

— Крови? Разве его не задушили? — недоверчиво спросил декан. — Это, наверное, какие-то старые пятна...

— Его ведь не только задушили...

Гуннар напрягся при воспоминании о неслыханном надругательстве над телом.

— Да, верно. — Он озадаченно крутил в руках звездочку.

— Понимаете, она с ботинка, который на нем был во время убийства, — продолжил Триггви. — Нет, конечно, она могла оторваться и до того. Я решил отдать ее вам, а там уж делайте что хотите.

— Так-так, — пробормотал Гуннар. Стиснув зубы, он серьезно посмотрел на Триггви, поднялся из-за стола и сказал: — Спасибо. Возможно, это не имеет отношения к делу, но вы правильно сделали, что сообщили мне.

Смотритель спокойно кивнул.

— Но и это еще не все, — сказал он и достал из кармана сложенное бумажное полотенце. — Женщина, которая убирала комнату отдыха в те выходные, обнаружила на полу не до конца стертые следы крови и нашла еще вот это... — Он вручил сверток Гуннару. — Думаю, надо сообщить в полицию.

Триггви поблагодарил профессора и вышел.

Декан задумался, как поступить. На самом ли деле это так важно? Не откроет ли он звонком в полицию ящик Пандоры? Снова начнутся расспросы... Этого нельзя допустить. Особенно сейчас, когда все возвращается на круги своя, к повседневной рутине. Если, конечно, не считать это проклятое письмо. Тяжело вздохнув, Гуннар смахнул звездочку в ящик стола — до понедельника подождет — и развернул бумажное полотенце. Он не сразу понял, что за предмет лежит перед ним и как он связан с делом. А когда понял, то зажал рот рукой, чтобы сдержать вопль. Он поднял трубку и набрал номер экстренного вызова полиции. До понедельника *это* ждать не могло.

Путешествие до отеля «Рангау» прошло как нельзя лучше: все кругом засыпало снегом, но погода стояла безветренная и ясная. Тора радостно уселась на переднее сиденье новенького джипа, взятого напрокат, и наслаждалась видами. Она особо подчеркнула, что по крутым склонам Камбара надо ехать медленно, и напичкала Маттиаса историями о несчастных случаях, которые здесь произошли, так что в результате они двигались по черепашьи. Когда же Торе наскучило считать обгонявшие их машины, она принялась листать материалы следственного дела, наконец полученные от полиции. Теперь у них были все документы. Она внимательно читала описание футболки, найденной у Хюги, и внезапно вскрикнула:

— Ага!

Маттиас вздрогнул, джип вильнул.

— Что там?

— Футболка, — взволнованно сказала Тора. — Та самая футболка, которую я видела на фотографии, где Гаральду режут язык. Надпись на груди.

— И?.. — спросил Маттиас, не улавливая.

— На фотографии была видна цифра «сто» и часть букв. А здесь говорится, что на окровавленной футболке, найденной среди вещей Хюги, крупными буквами написано: «100 % силикон». Так что кровь точно после операции. — Довольная собой, Тора захлопнула папку.

— Хюги должен это помнить, — засомневался Маттиас. — Ведь не каждый день твою одежду заливают чужой кровью.

— Твою и мою — не каждый, — ответила Тора. — Помнишь, Хюги сказал, что ему не показали футболку. Про эту он мог просто забыть.

— Может быть, — сказал Маттиас. Дальше они ехали молча, но когда пересекали мост через Итри-Рангау перед въездом в городок Хедла, он неожиданно произнес: — Завтра они прилетают.

— «Они» — это кто?

— Амелия Гунтлиб и ее дочь Элиза, — пояснил Маттиас, не отрывая взгляда от дороги.

— Что? — Тора поперхнулась. — Зачем?

— Ты была права: сестра Гаральда гостила у него практически перед убийством, и она собирается нам об этом рассказать. Из слов ее матери я понял, что Гаральд говорил сестре, над чем работал, хотя и не очень подробно.

— Ну-ну, — сказала Тора. — Насчет сестры я поняла, а мать зачем? Рядом постоять?

— Нет. Она приезжает увидеться с тобой. Один на один. «Как мать с матерью» — вот ее слова. Я ведь тебя предупреждал. Или ты думала, что разговор будет по телефону?

— Именно. Что значит «как мать с матерью»? У нас состоится обмен впечатлениями о воспитании детей? — Тора очень не хотела этой встречи.

Маттиас пожал плечами:

— Я не знаю. Я не мать.

— Боже! — только и сказала Тора и откинулась на подушки сиденья. Прежде чем снова заговорить, она аккуратно взвесила свои слова. — Возможно ли, что его сестра причастна к случившемуся?

— Нет. И речи быть не может.

— Позволю себе спросить, почему и речи быть не может?

— Потому. Элиза другой человек. Кроме того, она вернулась домой только в пятницу.

Она добиралась самолетом из Кефлавика во Франкфурт и потом поездом до Мюнхена.

— И ты рад поверить ей на слово? — удивленно спросила Тора.

Маттиас мельком на нее взглянул и переключил внимание на дорогу.

— Не всецело. Я проверял, она действительно улетела.

Тора не знала, что сказать. В конце концов она решила приберечь свои соображения до встречи с девушкой. Возможно, Маттиас прав. Было бы неплохо исключить ее как убийцу. Тут Тора заметила дорожный указатель «Отель „Рангау“».

— Сюда. — Она попросила Маттиаса взять правее.

Они повернули и поехали вдоль реки, пока не уткнулись в большое бревенчатое здание.

— Представляешь, я не останавливалась в гостиницах почти два года, — сказала она, когда Маттиас заносил их вещи. — С тех пор как развелась.

— Не может быть!

— К сожалению, может. — Тора почти наслаждалась воспоминанием. — Мы предприняли последнюю попытку спасти наш брак и поехали на выходные в Париж. Два года назад... С тех пор я не ездила за границу, и у меня не было причины жить в отелях.

— То есть поездка в Париж чуда не сотворила? — спросил Маттиас, открывая перед ней дверь.

Тора хмыкнула.

— Мы сделали усилие, чтобы спасти наши отношения, но вместо того чтобы сидеть за бокалом вина, обо всем разговаривать и пытаться придумать, как заделать трещины, Ханнес постоянно просил снимать его на фоне туристических достопримечательностей. По сути, эта поездка стала смертным приговором нашей совместной жизни.

В холле высилось чучело разъяренного белого медведя, поднявшегося на задние лапы, — вот-вот набросится. Маттиас подошел к нему и стал позировать.

— Сфотографируй, ну пожалуйста...

Тора скорчила гримасу и направилась к стойке регистрации. За компьютером сидела женщина средних лет в темном форменном костюме с белой блузкой. Тора сообщила, что у них заказано два одноместных номера, и назвала имена. Регистратор занесла их в компьютер, выдала ключи и объяснила, как найти комнаты. Тора взяла сумку и уже собралась пойти, но решила спросить о Гаральде, помнит ли она такого гостя. Он ведь мог спрашивать, как куда пройти, или искать другую информацию, которая подсказала бы им с Маттиасом направление.

— Этой осенью здесь останавливался наш друг, Гаральд Гунтлиб. Вы, случайно, не запомнили его?

Женщина посмотрела на Тору терпеливо, как человек, привыкший ко всякого рода неудачным вопросам.

— Нет, я не помню это имя, — вежливо ответила она.

— А вы не могли бы проверить по компьютеру? Он немец, у него на лице довольно необычный пирсинг. — Тора улыбалась, будто считала обычный пирсинг на лице само собой разумеющимся.

— Я попробую. Назовите имя по буквам.

Тора продиктовала. С места, где она стояла, было видно, как на экране одно за другим

появлялись окна различных меню.

— Есть, — наконец произнесла регистратор. — Гаральд Гунтлиб, две комнаты на две ночи. Второй гость — Гарри Поттер. Это то, что вам нужно?

Если второе имя и показалось ей странным, она не подала виду.

— Да, — сказала Тора. — Вы их не помните?

Вглядываясь в экран, женщина покачала головой:

— Нет, извините. Я тогда не работала, ездила в отпуск на юг Европы. В гостиничном бизнесе летом не отдохнешь, — произнесла она извиняющимся тоном, будто Тора упрекнула ее, что она манкирует своими обязанностями. — Возможно, их помнит Оулафюр, наш бармен. Мы его зовем Оули. Он должен быть здесь, сегодня его смена.

Тора поблагодарила регистратора, и они с Маттиасом пошли в свои номера. Когда они уже поворачивали за угол коридора, женщина им крикнула:

— Здесь есть запись, что он брал у администратора фонарь.

Тора вернулась.

— Фонарь? А сказано зачем?

— Нет, просто записали, на случай если он забудет вернуть, чтобы напомнить при выезде. Он вернул.

— Вы можете посмотреть, это было ночью? — спросила Тора. Возможно, Гаральд что-то уронил, выходя из машины, и не мог в темноте найти.

— Фонарь ему выдавала дневная смена. Извините мое любопытство, а это не тот иностранный студент, которого убили в университете?

Тора сказала, что именно тот, и снова ее поблагодарила. Вместе с Маттиасом они прошли в свои комнаты, которые оказались рядом.

— Отдохнем часика полтора? — спросила Тора, увидев мило обставленную комнату. Большая кровать с пышным одеялом и свежeweыглаженным бельем выглядела очень привлекательно, так и хотелось на ней растянуться. Не каждый день перед Торой предстала такая картинка. Ее собственная кровать по вечерам приветствовала ее тем же хаосом, в котором Тора оставляла ее утром, вскакивая на работу.

— Конечно, торопиться некуда, — ответил Маттиас, у которого, видимо, возникла та же идея. — Стукни, когда будешь готова. И помни, ты всегда встретишь радушный прием, если решишь ко мне наведаться. — Он подмигнул и закрыл дверь, прежде чем Тора успела отреагировать.

Тора поставила вещи, проинспектировала ванную комнату и мини-бар, потом плюхнулась на кровать и раскинула руки. Наслаждалась она не долго, потому что из сумки зазвучала мелодия. Тора со вздохом села и взяла телефон.

— Привет, мамочка! — раздался звонкий голосок Соулей.

— Привет, солнышко, — обрадовалась Тора. — Как дела? Чем вы занимаетесь?

— Ох, — ответила Соулей уже не так звонко. — Мы собираемся на конюшню. — Потом она зашептала в трубку, будто боясь, что ее услышат. Тора с трудом разбирала слова. — Мамочка, я не хочу туда идти. Эти лошадки злые.

— Эй! — сказала Тора, стараясь подбодрить дочку. — Они совсем не злые, они очень милые. И будет весело. Смотри, погода какая хорошая...

— Гильфи тоже не хочет, — прошептала Соулей. — Он говорит, что лошади — это немодно, это отстой.

— Расскажи мне что-нибудь приятное — например, что вы сегодня делали? — отвлекла

ее Тора, прекрасно понимая, что лошадям она плохой адвокат.

Девочка оживилась и вновь зазвенела:

— Ели мороженое, смотрели мультики, очень смешные. Тут Гильфи хочет с тобой поговорить.

Прежде чем Тора успела попрощаться с Соулей, трубку взял сын.

— Привет, — хмуро произнес он.

— Здравствуй, сынок! Как ты?

— Фигово. — Гильфи даже не пытался понизить голос — наоборот, Торе показалось, что он сказал это нарочито громко.

— Из-за лошадей, да?

— Из-за всего... — Немного помолчав, он добавил: — Мне надо с тобой поговорить, когда вернемся.

— Обязательно, мой дорогой, — ответила Тора, не зная, радоваться ли ей, что он наконец откроется, или пугаться того, что именно он хочет рассказать. — Жду не дождусь завтрашнего вечера.

После разговора она попыталась задремать, но тщетно. В конце концов встала и приняла горячий душ.

Растираясь толстым снежно-белым полотенцем, Тора заметила путеводитель по местным достопримечательностям. Она его просмотрела, прикидывая, что тут могло заинтересовать Гаральда. Выбирать было из чего, но мало где прослеживалась связь с делом. Тора отметила три места. Скаульхольт занимал в путеводителе целый разворот и мог вызвать интерес Гаральда, поскольку он занимался Йоуном Арасоном и Бриньольвом Свейнссоном. Возможными кандидатами были также вулкан Гекла и пещеры на ферме Ауегиссида в окрестностях Хедлы. Это были те самые пещеры ирландских монахов, статья о которых находилась в папке Гаральда с надписью «Маллеус» и о которых она, к своему стыду, раньше никогда не слышала. Торе стало любопытно, не происходило ли название «Хедла» из того же корня, что и исландское слово «hellir» — «пещера». Она загнула нужные уголки страниц. Потом оделась потеплее, пусть даже не слишком красиво. Если придется разгуливать по пещерам, то экипировка должна быть соответствующей. Ее мысленному взору предстал Маттиас, карабкающийся по валунам в дорогах туфлях. Назло ему она решила ничего не говорить о пещерах, пока они не окажутся на порядочном расстоянии от отеля. Кроме того, скоро стемнеет, и Тора посчитала, что он быстрее уступит, если она преподнесет ему эту идею в последний момент. Она стянула волосы в хвост, накинула пуховик и вышла из комнаты.

Не успела она постучать, как Маттиас тут же открыл. Тора ухмыльнулась, оглядывая его с ног до головы.

— Миленький костюмчик, — веселясь, сказала она. — Особенно ботинки.

Судя по отличной глянцевої коже, ботинки стоили кругленькую сумму. Тора решила не предупреждать Маттиаса о надвигающейся на его обувь катастрофе и подавила угрызения совести: у него наверняка полно других пар.

— Это не костюм, — назидательно произнес Маттиас. — Это спортивная куртка и штаны. Есть разница. Да где уж тебе понять.

— Ах, простите, мистер Кейт Мосс, — подколола Тора, теперь уж окончательно в ладах со своей совестью.

Не обращая внимания на ее иронию, Маттиас вышел, закрыл дверь и, поигрывая

ключами от джипа, спросил:

— Ну, куда?

Тора достала из кармана телефон, проверила время.

— Полагаю, лучше всего начать со Скаульхольта. Сейчас почти четыре... А там посмотрим.

— Всю жизнь мечтал о таком гиде, — заметил Маттиас, внимательно изучая ее наряд. — Кстати, ты знаешь, что в отеле есть ресторан? Нам не нужно идти на охоту, чтобы добыть себе обед.

— Ха-ха, — произнесла Тора. — Я предпочитаю, чтобы мне было тепло и уютно, и не волнуюсь о том, чтобы выглядеть отпадно. А вот ты, желая выглядеть отпадно, при такой погоде скоро откинешься.

До Скаульхольта они добрались в сумерках. Собор был открыт, они заскочили внутрь и стали озираться в надежде с кем-то поговорить. С ними поздоровался молодой человек и спросил, не нужна ли им помощь. Они объяснили, что ищут кого-либо, кто, возможно, некоторое время назад разговаривал с их приятелем, и описали, как выглядел Гаральд.

— А! — воскликнул молодой человек, когда Тора успела перечислить лишь половину гвоздиков вдоль правой брови Гаральда. — Вы говорите о студенте, которого убили? Я действительно с ним встречался!

— А вы, случайно, не помните, что его сюда привело? — спросила Тора, ободряюще улыбаясь.

— Дайте подумать... Так. Он хотел побольше узнать о епископе Йоуне Арасоне и его казни. Да, и о Бриньольве Свейнссоне. — Он посмотрел на посетителей и добавил: — В этом нет ничего особенного, многие наши гости интересуются их жизнью. Эти истории трагичны, тем и притягательны: людей, например, особенно волнует, что понадобилось семь ударов топора, чтобы обезглавить Йоуна Арасона, — его голова никак не хотела расставаться с телом.

— Гаральд интересовался этими фигурами в общем или хотел выяснить что-то конкретное? — спросила Тора.

Молодой человек повернулся к Маттиасу и перешел на английский.

— Я не знаю, насколько вы знакомы с историей Йоуна Арасона...

Сообразив, что замечание относится к нему, Маттиас ответил:

— Я о нем знаю ровно столько же, сколько о его матери. Другими словами — ничего.

— Ясно... — Судя по голосу, молодой человек был шокирован. — Если коротко, то Йоун Арасон — последний католический священник Исландии. С 1524 года он служил епископом в Хоуларе и также какое-то время возглавлял Скаульхольтское епископство. В Скаульхольте его и обезглавили в 1550 году — через тринадцать лет после того, как датский король Христиан Третий упразднил католицизм в Исландии и других частях своего королевства. Йоун Арасон пытался воспрепятствовать распространению Реформации и возглавил сопротивление против новой лютеранской веры, но потерпел неудачу и окончил жизнь на плахе. Его казнь — история особая. Двумя неделями раньше ему пообещали неприкосновенность до созыва очередного парламента,^[6] на котором предполагалось обсуждать его судьбу и судьбу двух его сыновей. Их тоже казнили.

Маттиас поднял бровь.

— Сыновей? Он же католический священник! Откуда у него сыновья?

Молодой человек улыбнулся.

— Исландия получила особые привилегии, уж не знаю, каким образом. Исландским священникам, диаконам и епископам разрешалось иметь жен, но без венчания в церкви. Им даже дозволялось скреплять брак официальным договором, равносильным брачному обету. Если появлялись дети, они просто платили штраф, и все были счастливы.

— Как удобно! — ошеломленно воскликнул Маттиас.

— Да, весьма, — последовал веселый ответ. — Ваш приятель хорошо знал историю — наверное, специально изучал эту тему. Вот, вкратце так. Конечно, тут много чего еще, но в качестве исторической справки к вашему вопросу этого достаточно. — Он посмотрел на Тору, которая давно забыла, о чем спрашивала. — Больше всего вашего знакомого интересовало, что именно печаталось на станке, который Йоун Арасон в 1534 году привез в Исландию и установил в Хоуларе.

— И что вы ему рассказали? — нетерпеливо спросила Тора.

— Знаете, это непростой вопрос, — ответил молодой человек. — О первом оттиске известно очень мало. Некоторые источники говорят, что это был требник — своего рода руководство для священников с календарем служб, псалмами и так далее. Еще были отпечатаны четыре канонических Евангелия. Больше о печатании во времена Арасона не известно ничего. Помню, ваш знакомый задал довольно туманный вопрос. Он спросил, мог ли епископ напечатать книгу, которая была в те времена очень популярна. Я спросил, уж не Библию ли, только он ничего не сказал и рассмеялся — я так и не понял почему.

— Да, представляю, — сказал Маттиас, взглянув на Тору. «Молот ведьм»? Она подумала о том же. В те годы «Молот ведьм» после Библии издавали чаще всего. Возможно, Гаральд пытался узнать, была ли эта книга напечатана в Исландии? Экземпляр оказался бы бесценным, не говоря уже о его значимости для страстного коллекционера.

— А что он выяснял о Бриньольве Свейнсоне? — спросила Тора.

— Поначалу он хотел увидеть его могилу — только это невозможно: ее до сих пор не нашли.

— Как — не нашли? — удивилась Тора. — В путеводителе сказано, что он здесь похоронен.

— Да, здесь, но он завещал похоронить его не в церкви, как других епископов, а на обычном кладбище, рядом с женой и детьми. Есть даже запись о местоположении, однако там ничего не обнаружили. Скорее всего он покоится в какой-нибудь безымянной могиле.

— Наверное, в те дни это было необычным? — спросила Тора.

— Еще каким необычным. Сначала могилу поместили — обнесли деревянной изгородью, которая простояла тридцать лет, но затем стала падать, а ее не восстановили. Честно говоря, никто не знает, почему он не захотел быть похороненным в нефе по обычаю тех времен. Есть разные предположения: то ли он не желал тесниться вместе с другими священнослужителями, то ли задумал положить конец этой практике.

— И удалось? — спросил Маттиас.

— Не особо. Но я думаю, тут другая причина. Он умер одиноким и сломленным человеком. Такая выдающаяся личность,^[7] а остался без семьи, без наследников... Многих очень трогает его судьба.

— Значит, Гаральд сначала хотел посмотреть его могилу... А что случилось потом? — спросила Тора.

— Он расстроился, узнав, что могилу не нашли. Я повел его в крипту, где у нас археологическая выставка, показал руины старой церкви. Мы заговорили о библиотеке

Бриньольва, в которой хранилась огромная коллекция рукописей, исландских и иностранных. Между прочим, несколько самых лучших книг из телячьей кожи Бриньольв послал в дар датскому королю Фредерику. Ваш приятель очень взволновался, когда речь зашла о манускриптах, и спросил, что с ними стало после смерти Бриньольва. Свои иностранные книги епископ передал младшему сыну тогдашнего правителя Исландии — датчанину по имени Йоханн Клейн, а исландские разделил между своей кузиной Хельгой и свояченицей Сигридюр. Некоторые из исландских книг утеряны; во всяком случае, когда Йоханн Клейн за ними послал, коллекция оказалась неполной. Есть версия, что священники Скаульхольта их спрятали, желая спасти от отправки в Данию. Эти книги и рукописи так и не нашли. Никто даже не знает их названий.

— А где они могли их спрятать? — спросила Тора, озираясь по сторонам.

Молодой человек улыбнулся.

— Точно не здесь. Это здание 1956 года. Старая церковь, которую построил Бриньольв в 1650–1651 годах, разрушилась при землетрясении 1784 года.

— И вы их не искали?

— Мы все еще не можем найти могилы Бриньольва и его семьи, несмотря на то что у нас есть описание. Он умер в 1675-м. И потом, зачем искать то, что здесь запрятано только по слухам? Даже судьба тех книг, которые он завещал, до конца неизвестна. Несомненно только то, что некоторые из них разыскал Арне Магнуссон, потому что в его коллекции есть книги с монограммой Бриньольва Свейнссона.

— «БС»? — спросила Тора лишь для того, чтобы поддержать тему.

— Нет. «LL», — улыбнулся молодой человек.

— «LL»? — удивленно повторила Тора.

— «Loricatus lupus» — «железный волк» на латыни; имя «Бриньольв» означает то же самое.

Тора шелкнула пальцами. «LL» на заметках Гаральда к «Молоту ведьм» — это «Loricatus lupus»! Очевидно, что они на правильном пути. Если только его запись имеет какую-то связь с убийством. Вскоре их беседа завершилась, Маттиас и Тора поблагодарили молодого человека за терпение.

Прежде чем завести машину, Маттиас повернулся к Торе и сказал:

— «Loricatus lupus», значит. Давай подождем, пока все разойдутся по домам, возьмем лопаты и раскопаем тут все, что можно?

— Ага, — улыбнулась Тора. — Начнем с кладбища.

— Чур, ты копаешь — у тебя одежда подходящая. А я посижу в машине и посвечу тебе фарами.

Они выехали из Скаульхольта.

— Дальнейший план такой, — с самым невинным видом сказала Тора. — Рядом с городком Хедла есть пещеры. Считается, что они вырыты ирландскими монахами. Может быть, мы там найдем объяснение, почему Гаральд интересовался этими отшельниками. Интуиция мне подсказывает, что фонарь Гаральд брал, когда поехал туда.

Маттиас отреагировал спокойно.

— Стоит взглянуть. Нам, наверное, тоже понадобится фонарь?

— Попробуем взять на заправке.

До городка они добрались уже в непроглядной тьме. На заправке купили два фонаря. Тамошний работник сказал им, что информацию о пещерах можно получить в отеле

«Мосфелл» неподалеку. Они оставили джип и пошли пешком. Дружелюбный пожилой мужчина вышел с ними из отеля и показал, где находятся пещеры, едва различимые за дорогой на другой стороне реки. Еще он объяснил, как лучше пройти, поскольку к пещерам на машине не подъехать. Поблагодарив, они вернулись к джипу и через мост направились к месту для парковки. К огромному удовольствию Торы, им надо было идти через большой луг, похоже, принадлежащий здешней ферме. Гладкие кожаные подошвы ботинок Маттиаса все время скользили, сам он спотыкался и балансировал, раскидывая руки, будто собирался взлететь. До крутого спуска к пещерам Тора добралась в превосходном настроении.

— Туда, — указала она фонарем и с напускным участием поинтересовалась: — Как думаешь, у тебя получится, Фред Астер?

Маттиас это проглотил. Он спускался по склону осторожно, словно девяностолетний старик, зато Тора скакала вниз, как игривый ягненок. Она встала перед ним в позу, призванную выразить наслаждение моментом, и озорно выкрикнула:

— Бегом-бегом-бегом!

Сжав зубы, Маттиас проделал весь путь и догнал ее.

— Куда спешим? — спросил он. — Или ты взбудоражена, предвкушая ужин со мной, и поэтому так торопишься?

Тора подняла фонарь и осветила Маттиасу в глаза.

— Не надейся. Идем. — Она повернулась, и они вошли в первую пещеру. — Вот это да! Как же они... — Невероятно, но ирландским монахам удалось примитивными инструментами вырыть огромные пещеры в толще песчаника.

— Для чего они их использовали, как думаешь? — спросил Маттиас.

— В качестве крова в основном, — раздался голос у входа в пещеру.

Тора пронзительно закричала и уронила фонарь, который покатился по неровному полу. Луч света заметался по стене.

— Боже, я чуть из кожи не выпрыгнула, — сказала Тора, поднимая фонарь. — Мы не подозревали, что тут кто-то есть.

— Извините, я не хотел вас пугать, — сказал мужчина, по голосу довольно пожилой. — Но, сказать по правде, мы квиты, — добавил он. — Когда вы закричали, у меня самого едва сердце не выскочило. Мне позвонили из отеля и сказали, что какие-то туристы идут в пещеры. Я подумал, может, вам нужен гид. Меня зовут Гримюр. Там, наверху, моя ферма. Пещеры на моей земле.

— Ах вот как, — сказала Тора и подумала, что весьма неплохо владеть такой собственностью. — Объясните нам, пожалуйста, как тут все устроено.

Хозяин фермы стал рассказывать. Он говорил на исландском, а Тора переводила Маттиасу. Гримюр показал место у стены, где монахи, по-видимому, спали. Потом они осмотрели потолочное отверстие — дымоход. Напоследок Гримюр показал им алтарь, а на стене позади него — высеченный или выдолбленный крест.

— Да уж! — Тора была под впечатлением. — Поразительное место...

— Так и есть, — с чувством сказал мужчина. — Кормиться за счет этой земли, да и жить на ней всегда было нелегко. Поселенцам пришлось немало потрудиться, а плоды их усилий появлялись далеко не сразу.

— Представляю... — Тора еще раз все оглядела, поводя фонарем. — А эти пещеры исследовали? Могут ли здесь быть спрятаны какие-нибудь ценности?

— Ценности? — Хозяин фермы удивленно рассмеялся. — Вплоть до 1950 года пещеры

использовались как коровники. Здесь трудно что-то скрыть, точно вам говорю.

— А-а, — разочарованно протянула Тора. — Значит, тут обыскали все вдоль и поперек...

— Нет, — ответил Гримюр. — Мои пещеры исследовали только раз.

— Когда? — встрепенулась Тора. — Недавно?

Гримюр снова рассмеялся.

— Нет, давно уже. Точно я не помню. Как и следовало ожидать, это мало что дало. Нашли остатки костей животных и углубление, которое, вероятно, монахи использовали для приготовления еды. — Он указал на дыру в земле рядом с алтарем. — Все то, что можно было найти, уже найдено, уверяю вас.

Напоследок Тора спросила, не посещал ли пещеры Гаральд. Фермер не узнал его по описанию, но добавил, что это вовсе не значит, что его здесь не было. Пещеры не огорожены, и любой может сюда спокойно прийти и уйти, никем не замеченный.

— Теперь пойдём и переоденемся, Крокодил Данди, — сказал Маттиас по возвращении в отель. — Слава Богу, мне в отличие от некоторых надо всего лишь сбросить куртку. Я пойду в бар и нагоню то время, которое потерял на спуске к пещерам.

Тора показала ему язык и ушла к себе в номер. Она надела симпатичные брючки и незамысловатую белую блузку, умылась и подкрасила губы. А что дурного в скромном макияже, если тебя приглашают на ужин? Это не обязательно означает, что ты чего-то там предвкушаешь. Однако Тора задумалась над этим «не обязательно». Неубедительность фразы чуть-чуть ее беспокоила, но она выбросила это из головы и пошла в бар.

Маттиас стоял у стойки, разговаривая с барменом.

— Мило, — с улыбкой заметил он. Ему явно понравилось перевоплощение Торы. — А это Оули. Рассказывает мне о Гаральде и Гарри Поттере — он их очень хорошо запомнил: много пили и несколько отличались от других посетителей.

— Мягко говоря, — произнес Оули и спросил Тору, что она будет пить.

— Бокал белого вина, пожалуйста, — ответила она, а потом попросила его рассказать подробнее.

— Что ж, — сказал он. — Они пили текилу, рюмку за рюмкой, играли на воображаемой гитаре и выделяли такое, что не часто здесь увидишь. Не говоря уже о внешнем виде Гаральда. Посетители глазели на них, как на представление. И еще они непрерывно курили — официант не успевал менять им пепельницы.

Тора оглядела уютный бар, расположенный под коньком крыши. Да, здесь трудно представить воображаемую гитару, скорее на ум приходила воображаемая скрипка, если таковая существует. Она снова повернулась к Оули.

— А этот Гарри Поттер... Вы, случайно, не знаете его настоящее имя?

Бармен улыбнулся.

— Его звали Дори. К исходу ночи они упились и забыли, что он представлялся Гарри Поттером, хотя весь вечер разыгрывали довольно неплохой спектакль.

Это все, что мог им сообщить Оули. Они сели на большой кожаный диван, выпили и обсудили события дня. Официант принес меню. Сделав заказ, Маттиас захотел еще выпить. Удивляясь сама себе, Тора быстро покончила с первым напитком и одобрила второй. Поужинав, они вернулись к бару, и после третьего куантро Тора приготовилась сыграть соло на воображаемой гитаре для Маттиаса и Оули, но удовлетворилась тем, что прижалась к

первому из вышеупомянутых.

11 декабря 2005 года

Тора проснулась. Голова трещала так, будто мозг пытался вырваться из-под черепа. Застонав, она сжала лоб обеими руками. Куантро. Куантро вдобавок ко всем предыдущим напиткам. Ей бы следовало знать, что «ликер» по-латыни значит «похмелье». Со вздохом она перевернулась на бок. Ее рука ткнулась во что-то теплое, и глаза от страха расширились. В ее постели лежал мужчина. Вот его спина. Тора уставилась на спину Маттиаса. Или это спина Оули? Она припомнила вчерашний вечер и с тихим облегчением вздохнула: по крайней мере из двух зол она выбрала меньшее. Туман в голове мешал ясно увидеть стратегию выхода — как не разбудить Маттиаса и ускользнуть незамеченной? И более важный вопрос: как восстановить достоинство? Получится ли притвориться, что ничего не было? Может быть, он тоже ничего не вспомнит. Вот и ответ. Исчезнуть сейчас, а когда они встретятся, то клясться, что он выпил в четыре раза больше, чем она.

Ее план лопнул, потому что Маттиас повернулся и с улыбкой на пересохших губах сказал:

— С добрым утром. Как дела?

Тора натянула одеяло на подбородок. Под одеялом она голая. Если бы ей разрешили одно желание, она загадала бы быть полностью одетой. Из горла вырвались странные дребезжащие звуки, потом голосовые связки все-таки заработали.

— Вот что... Просто для полной ясности...

Озадаченный Маттиас позволил ей продолжить.

— Прошедшей ночью была не я — это был алкоголь. Ты спал с бутылкой куантро, не со мной.

— Вот оно как, — сказал Маттиас, приподнимаясь на локте. — Эти бутылки с выпивкой не перестают меня удивлять. Я даже не предполагал, что они способны на такое! Ты даже пела дифирамбы моим ботинкам. Просила, чтобы я их не снимал.

Тора покраснела. Она попыталась составить план защиты своей добродетели, но голова была пуста. Постепенно в сознании всплывали события ночи, и, пожалуй, особых сожалений они не заслуживали.

— Не знаю, что на меня нашло, — сказала она и снова покраснела.

— Ты уж очень нервничаешь. — Маттиас положил на нее руку поверх одеяла.

— Вообще-то я не такая. Я мать двоих детей, а ты иностранец.

— Ну, поскольку у тебя есть дети, процесс тебе не в новинку... — Он улыбнулся. — По моему, он везде довольно одинаков.

Щеки Торы почти горели. Ужас удвоился, когда неожиданно в ее сознании возникла Амелия Гунтлиб.

— Ты расскажешь об этом Гунтлибам?

Маттиас запрокинул голову и захохотал. Отсмеявшись, он посмотрел на нее и спокойно произнес:

— А как же иначе? Это условие моего контракта — в конце каждого месяца я должен представлять отчет о любовных связях.

Увидев, что Тора не понимает, шутка ли это, он смягчился.

— Ну конечно, нет. Как ты могла такое подумать?

— Не знаю... Просто не хочу, чтобы люди считали, будто я сплю с коллегами. Такого раньше не случалось.

При этом стоило учесть, что ее коллеги — это стареющий Брайи, Белла из преисподней и почти немой тихоня Тор.

— А я и не считаю. Я считаю, что ты просто захотела со мной переспать и не смогла противиться неодолимому влечению ко мне, — сказал Маттиас, игриво глядя на нее.

Тора в изнеможении закатила глаза. У нее не было сил отвечать, тем более что он до некоторой степени прав. Если память ее не подводила, она вчера начала первая.

— Головная боль меня добьет... Я не могу нормально думать.

Маттиас сел на постели.

— Сейчас дам «Алкозельцер». Выпьешь таблеточку, и сразу станет лучше.

Он вскочил на ноги и нагишом пошел в ванную. «Почему мужчины стесняются гораздо меньше, чем женщины?» Тора ухватилась за эту мысль, чтобы не пускать другую — о том, какой он ладный и сильный. Что сделано, то сделано, и, может быть, все не так ужасно и не так глупо. Услышав шум текущей из крана воды, она закрыла глаза — и открыла, только когда Маттиас вернулся под одеяло.

Он протянул ей шипящий стакан. Тора приготовилась, села и выпила залпом. Потом упала на подушку и стала ждать, когда отступит тошнота. Через несколько минут она почувствовала легкое щекотание на плече и открыла глаза.

— Послушай... — Маттиас лежал близко и смотрел ей в лицо. — Есть предложение...

— Что-что?.. — Тора почти совладала с голосом и чувствовала себя немного лучше.

— Может, пересмотрим твоё мнение, что всё было ошибкой? — Он улыбался. — Я даже надену свои чудесные ботинки, если захочешь.

Тора снова проснулась, на этот раз от звука льющейся в душе воды. Она выскочила из постели, подняла с пола и накинула на себя блузку, надела брюки. Никак не находился один носок, но всё остальное она собрала и крикнула в сторону ванной, что увидятся на завтраке. Дверь своей комнаты она закрыла с невероятным облегчением.

Долгий горячий душ привел в чувство и тело, и разум. Прежде чем уйти из номера, она позвонила подруге.

— Ты в курсе, который час? — сонно проворчала Лаувейя.

На часах уже почти десять. Тора громко пропела в трубку:

— Боженьки мои, ты себе не представляешь!..

— Ну, раз ты кричишь «боженьки», а звонишь так безбожно рано, то новости и впрямь экстренные... — В трубке послышался зевок.

— Я кое с кем переспала!

Реакция последовала незамедлительно. Лаувейя наверняка села и вытянулась в струнку, потому что не успели слова Торы слететь с ее уст, как послышался скрип кровати.

— Су-у-пер! С кем?.. Кто?.. Давай рассказывай!

— Маттиас, тот немец. Все потом, потом, мы сейчас встречаемся с ним на завтраке. Мы в гостинице.

— В гостинице?! Ну и ну! Задержись на секундочку, расскажи...

— Все потом. Я немного волнуюсь. Мне как-то надо ему объяснить: то, что между нами было, — это только один раз и больше не повторится. Отношения мне не нужны.

В телефоне послышался ехидный смех.

— Ну ты даешь! Ты смотришь с дочкой телепузиков и по ним изучаешь жизнь? Много ли ты встречала одиноких мужчин его возраста, страстно желающих длительных отношений? Расслабься, детка, по этому поводу можешь не беспокоиться.

Тора слегка рассердилась на подругу. Вообще-то она думала, что Лаувейя за нее порадует. До того как уйти на завтрак, Тора немного примяла постель — пусть персонал отеля не гадает, где она провела ночь, а то еще примут за одну «из этих»!

Маттиас сидел у окна за столиком на двоих и пил кофе. Тора отметила, что он очень привлекателен, хотя раньше себе в этом не признавалась. Ей всегда нравились грубоватые черты в мужских лицах: волевой подбородок, крупные зубы, четко очерченные скулы и глубоко посаженные глаза. Без сомнения, в ней играла кровь доисторических предков, и на генетическом уровне Тора тяготела к внешности, которая предполагала стойкость и решительность, — к внешности превосходного охотника.

— Сейчас поем, и мне станет лучше, — сказала она, чтобы сломать неловкость.

Маттиас налил ей кофе.

— Ты забыла в моей комнате носок. Как ни странно, он не шерстяной.

Ничто в их поведении не намекало на произошедшее, разве что Маттиас прикрыл ладонью руку Торы и заговорщически подмигнул. Она ему улыбнулась, но промолчала. Он быстро убрал руку и продолжил завтракать. Поев, они разошлись по своим комнатам — собираться.

Когда Тора стояла у стойки администратора и ждала Маттиаса, зазвонил ее телефон. Это Гильфи. Знал бы он, что выделявала его мамочка прошлой ночью.

— Здравствуй, сынок, — сказала она, стараясь говорить естественно.

— Привет, — сказал он грустно и на некоторое время замолк. — Ну, я насчет того, что собирался тебе сказать... А ты где?

— Я в отеле «Рангау». У меня тут была кое-какая работа, хоть и выходные. А ты что, уже дома?

— Ага... — Снова пауза. — Ты когда вернешься?

Тора посмотрела на часы. Почти одиннадцать.

— Примерно к часу.

— О'кей. Увидимся.

— А почему ты не у отца? И где Соулей? — быстро спросила Тора, пока Гильфи не выключил телефон.

— Она еще с ним. А я уехал.

— Почему? Вы поссорились?

— Да вроде. Он первый начал.

— То есть? — Тора едва не открыла рот от изумления. Обычно Ханнес мастерски избегал ссор и до сих пор хорошо ладил с сыном, хотя Гильфи и понимал, что его отец не прирожденный артист разговорного жанра.

Мальчик вздохнул.

— Он вел себя так, будто хочет со мной поговорить, ну я и рассказал ему кое-что — думал, поймет... А он вдруг психанул и стал кричать. Зачем мне его кульбиты: сначала просит, чтобы я с ним поделился, а потом орет... Я не стал все это выслушивать. Я думал, он поймет...

Мысли Торы бурлили. Наверняка Гильфи, описывая поведение отца, сильно преувеличивал. Но что же произошло на самом деле? Она пожалела, что убедила Ханнеса

поговорить с мальчиком, — похоже, он все испортил.

— Гильфи, из-за чего отец так взбесился? Из-за того же, о чем ты хотел поговорить со мной?

— Ага. — Дальнейшего объяснения не последовало. Что ж, остается только ждать, пока они увидятся; тогда она все наконец выяснит.

— Послушай, я уже еду. Обещаю, цирковых трюков не будет, поговорим спокойно. Никуда не уходи.

— Тебе надо вернуться до часу. Потом я должен уйти и встретиться с одними людьми. С одними людьми? Встретиться? Так! Его втянули в религиозную секту!

Тора почувствовала боль в груди.

— Гильфи, не уходи никуда, пока я не вернусь! Ты понял?!

— Вернись до часу, — сказал он. — Папа тоже приедет.

Он сказал «пока» и отсоединился.

У Торы заколотилось сердце, и она чуть не закричала. Трясущимися руками набрала номер Ханнеса, но он был или вне зоны доступа, или отключил телефон. Но Ханнес никогда не отключал свой мобильный и, отправляясь спать, клал его на тумбочку у кровати — на случай вызова. Если Ханнес ездил гулять верхом, то всегда туда, где связь работала. Она подозревала, что после покупки мобильного ее бывший вообще никогда не бывал в местах, куда не доходит сигнал. Она набрала его домашний номер, но никто не ответил. Что же мальчишка натворил? Начал курить? Едва ли. Или он наркозависимый и хочет излечиться? Нет, быть того не может! Она бы обязательно заметила. Или он узнал о своих особых наклонностях и примкнул к движению в защиту сексуальных меньшинств? Нет, из-за этого ее бывший вряд ли бы так неистовствовал. Надо отдать Ханнесу должное, он без предрассудков. Кроме того, у Торы было ощущение, что Гильфи влюбился — в ту самую девочку, имя которой она все никак не могла запомнить. Нет, это не то... Подозрения, которые приходили ей в голову, становились все более абсурдными. Ладно, будь что будет.

Она в нетерпении заглянула за угол посмотреть, не идет ли Маттиас. Он как раз вышел из своего номера. Едва Маттиас оплатил счет, Тора схватила его за руку и потащила к выходу.

— В чем дело? — недоуменно спросил он, когда Тора выгалкивала его за дверь.

— Семейные проблемы. Мне срочно надо вернуться домой.

Он поверил ей на слово, без дальнейших расспросов закинул в джип вещи и сел за руль. Они поехали в Рейкьявик напрямую — через Хедлу, Сельфосс и Хверагерди. Маттиас почти все время молчал, и только когда они подъехали к склонам Камбара, спросил, нужна ли его помощь. Тора объяснила, что сама не знает, в чем проблема, не говоря уже о том, как ее разрешить. Дело касается ее сына. До Хверагерди доехали быстро, но еле тащились в пригородной зоне Рейкьявика, где поток машин увеличился, а у озера Рейдаватн, уже почти в городе, прокололи шину.

— Ну что за... — ругнулся Маттиас и крепко вцепился в руль, пытаясь удержать завалившийся джип.

Они приткнулись к обочине.

— О нет, о нет, — причитала Тора, глядя на часы. Двадцать пять минут первого. Если б не колесо, они к часу были бы в Сельтьяднарнесе.

— Дешевка, а не шины, — бормотал Маттиас, снимая запаску с двери багажника.

Сосредоточенно и без лишних слов они приподняли машину на домкрат и поменяли

колесо. Маттиас швырнул проколотое в багажник, прямо на дорожную сумку Торы, но ей было все равно: время приближалось к часу.

Они прыгнули в машину, мотор взревел.

— Жди здесь, — крикнула Тора, едва джип резко затормозил перед ее домом, и побежала к двери, вытаскивая на ходу ключи. Лево́й рукой она набирала номер Гильфи, а правой вставляла ключ в замок и открывала дверь. — Гильфи!

— Привет, мамочка! — Соулей выбежала навстречу, лучась улыбкой. Если что и случилось, то она этого не заметила.

— Здравствуй, солнышко, а где Гильфи? — Тора протиснулась мимо дочки, высматривая сына.

— Он ушел. У меня для тебя записка, — сказала девочка, с важным видом вытаскивая из кармана сложенный клочок бумаги.

Тора выхватила ее и развернула.

— Когда он ушел? И куда?

— Только что. Час назад... — Соулей пока еще не разобралась в сложностях часов и минут, поэтому время оставалось для нее загадкой. У нее Гильфи мог уйти как несколько секунд назад, так и две недели назад. — Куда он ушел, написано вот тут... — Она ткнула пальчиком в записку, беспокоясь, чтобы ее не перепутали с другими бумажками.

— Пойдем-ка со мной. — Тора увидела, что адрес тоже в Сельтъяднарнесе, так что, слава, Богу, это близко. — Сейчас поедем на машине с хорошим дядей.

Она набросила на плечи Соулей одну из курток Гильфи, впихнула ее в какие-то ботинки и подтолкнула к выходу. Распахнув заднюю дверь джипа, Тора помогла дочери забраться в салон, прыгнула на сиденье и сказала Маттиасу ехать.

— Маттиас, это моя дочка, Соулей. Она говорит только по-исландски. Соулей, это Маттиас, он не говорит по-исландски, но я уверена, что вы подружитесь.

Маттиас обернулся и приветствовал девочку улыбкой.

— Хорошенькая, как и ее мама, — сказал он, поворачивая, куда показывала Тора. — И тот же вкус в одежде.

— Сюда — и сразу направо. Мне нужен номер сорок пять, — нервно сказала Тора.

Скоро показался нужный дом. Узнать его было нетрудно, потому что рядом туда-сюда ходил Гильфи.

— Вот, вот, — выдохнула Тора, показывая на сына.

Маттиас чуть прибавил скорость и потом остановился у тротуара рядом с домом — подъездная дорожка была забита машинами. Тора узнала автомобиль Ханнеса. Она распахнула дверцу джипа, не дожидаясь, пока Маттиас заглушит двигатель.

— Соулей, побудь с хорошим дядей Маттиасом.

Тора бежала к дому и окликнула Гильфи, который только что позвонил в дверь и теперь, ссутулившись, стоял перед ней.

— Привет, — произнес он мрачно.

— Я опоздала, — выпалила Тора и положила руку на плечо сына. — Дорогой мой, что случилось? Кто тут живет?

Гильфи посмотрел на нее в совершеннейшем отчаянии.

— Сигга беременна. Ей всего пятнадцать. А я отец. Здесь живут ее родители.

Едва он это сказал, как дверь распахнулась.

Тора застыла с открытым ртом. Почему-то ее взгляд приклеился к плею́ру на шее сына.

Наверное, потому, что именно на него она смотрела в тот момент, когда с окружающим миром случился коллапс. Если бы мужчина средних лет, открывший дверь, не был так взбешен, то наверняка посмеялся бы над идиотским выражением ее лица.

— Здравствуйте, — сказал он ей, а потом взглянул на Гильфи, презрительно сузил глаза и произнес: — Ты тоже.

Тора не заблуждалась насчет приветствия — оно не было похоже на «милости просим». Скорее на «пошел вон, ты, растлитель юных невинных дочерей честных граждан».

Однако вежливость победила в борьбе с характером, и Тора, сжав зубы, улыбнулась.

— Здравствуйте. Меня зовут Тора. Я мама Гильфи.

Мужчина хмыкнул и пригласил их войти. Стоя в дверях, он грозно следил, как они снимают обувь. Под его неусыпным взглядом у Торы сложилось впечатление, будто этот человек предполагает, что Гильфи не остановится на дочери, а заодно изнасилует и ее мать — для ровного счета.

— Спасибо, — сказала Тора никому конкретно и прошла мимо него, приобняв сына за плечи — на тот случай если мужчина попытается прокусить Гильфи сонную артерию.

Они прошли прямо в большую комнату открытой планировки, где уже сидели трое: Ханнес (Тора узнала его загрибок), женщина примерно ее лет, поднявшаяся при появлении гостей, и девушка в кресле, склонившая голову в позе полнейшей обреченности.

— Вот что ты натворил! — взвизгнула женщина.

«Боже милостивый, сделай так, чтобы еще не рожденное дитя унаследовало мое глубокое контральто», — взмолилась про себя Тора. Несколько секунд она пыталась выдавить улыбку. Ее руки по-прежнему лежали на плечах сына.

— Ханнес... — Тора выжидающе посмотрела на бывшего мужа, пытаясь дать ему понять, что сейчас надо выполнить отцовские обязанности: пригласить ее сесть рядом и быть с ней заодно. Вместо того чтобы просигнализировать, мол, сообщение принято, он ответил ей свирепым взглядом.

— Здравствуй, Сигга, — с дружелюбием и сочувствием обратилась она к девушке. Та подняла на Тору опухшие, полные слез глаза.

Гильфи вывернулся из пальцев Торы и подбежал к ней.

— Сигга! — простонал он, явно взволнованный плачевным состоянием своей возлюбленной.

— О-о, как трогательно! — злобно съязвила мать. — Просто Ромео и Джульетта! Меня сейчас стошнит.

Тору охватил гнев, и она резко обернулась к матери Сигги. Эти дети совершили ужасную ошибку, а эта дамочка хладнокровно насмехается над ними. Тора редко теряла самообладание, но сейчас это случилось.

— Извините меня, но все это и так несладко, так что не добавляйте перца своим сарказмом.

Ханнес вскочил и толкнул ее на диван. Мать Сигги ахнула, ее глаза метали молнии.

— Понятно, откуда у вашего сына такие манеры, — процедила она и тоже села, выпрямив спину почище балерины. Ее муж остался нависать над ними, стоя посреди комнаты.

— Мама! — всхлипнула Сигга. — Ну хватит уже!

Тора мгновенно почувствовала симпатию к своей предполагаемой невестке.

— Что за базар? — рывкнул отец Сигги. — Если мы не можем обсудить все как

цивилизированные люди, то лучше разойдемся и забудем. Мы здесь собрались, чтобы посмотреть в лицо этим ужасным фактам, и давайте этому следовать... — Слово «ужасным» он выделил весьма театрально.

Ханнес приосанился.

— Согласен. Постараемся успокоиться и решим, что делать, хотя все это нелегко.

Мать Сигги фыркнула.

— Что ж, тем не менее, — торжественно продолжил Ханнес. — Может быть, я начну? Хотел бы выразить свое разочарование и от лица моей семьи извиниться за поведение моего сына и за ту боль, которую он вам причинил.

Тора вздохнула поглубже, желая переварить слова Ханнеса, до того как его убьет. Потом повернулась к нему и совершенно спокойно сказала:

— Для начала уточним, кто есть кто. Мы с тобой не семья. Мой сын, моя дочь и я — вот семья. А ты — бракованный экземпляр воскресного отца, и в отличие от большинства из них даже не можешь встать на сторону сына, когда он в этом нуждается.

Она отвернулась от Ханнеса и заметила, что остальные не сводят с нее глаз. Сын смотрел с гордостью.

— Просто уточняю, кто есть кто, — повторила она для пущей убедительности.

Ханнес хотел что-то сказать, но мать Сигги не дала ему ответить.

— Как закономерно... Я хотела бы воспользоваться возможностью и обратить всеобщее внимание, что этот ваш сыночек, ваш дорогой принц... — Свой кудреватый стиль она подчеркнула напыщенно-театральным взмахом руки, а Тора подумала, что у этой семейки безграничный талант к лицедейству, — ...скоро станет таким же бракованным экземпляром воскресного отца, как и ваш бывший муж.

— Нет! — пламенно воскликнул Гильфи. — Я!.. То есть мы... Мы! Мы не расстанемся! Мы будем снимать квартиру и воспитывать ребенка!

Тора чуть не рассмеялась. Гильфи хочет «снимать квартиру»! Он ведь даже не задумывается, что все: отопление, электричество, телевидение, вода, вывоз мусора — не даром, а за деньги. Однако она смолчала, не желая расхолодить сына. Если он верит, что снимет квартиру, пусть верит.

— Да! — всхлипнула Сигга. — У нас все получится! И мне почти шестнадцать!

— Изнасилование! — завизжала ее мать. — Ну разумеется! Ей даже нет шестнадцати. Это изнасилование! — Она уставилась на Гильфи и возопила: — Насильник!

Тора не представляла, как подобными воплями можно улучшить положение. Она повернулась к Сигге:

— Какой срок, милая?

— Не знаю... Наверное, месяца три. У меня не было месячных три раза.

Ее отец покраснел до кончиков волос.

Гильфи исполнилось шестнадцать полтора месяца назад. Впрочем, значения это не имеет.

— Позвольте вам напомнить, что в подобных случаях возраст для вступления в брак или во внебрачные половые отношения устанавливается с четырнадцати, а не с шестнадцати лет. Кроме того, в момент зачатия моему сыну шестнадцати не было, и в случае сексуальных домогательств, а именно так это называется, закон не принимает во внимание половую принадлежность.

— Чушь, — хмыкнул отец. — Женщина не может изнасиловать мужчину. Тем более

такой ребенок, как моя дочь.

— И как мой сын, — ответила Тора, победно улыбаясь.

— А вам позвольте напомнить, что ваш сынок учится в школе второй ступени, меж тем как моя дочь — еще в первой. Думаю, что с точки зрения закона это что-то да значит, — заносчиво проговорил мужчина.

— Абсолютно ничего, — ответила Тора. — Уровень образования тут совершенно ни при чем, уверяю вас.

Он насупился.

— В этом парламенте — одни гомики...

— Да вы больные все! — закричала Сигга. — Это мой ребенок! И это я буду его вынашивать, ходить с огромным животом и уродскими грудями и даже не смогу пойти на выпускной вечер! — Она хотела сказать что-то еще, но слезы снова хлынули из глаз, и рыдания огласили комнату.

Гильфи посчитал своим долгом ее утешить.

— Это ничего, что у тебя будет огромный живот и ужасные груди. Я тебя не брошу, и никого другого на выпускной вечер не приглашу. Я пойду один. Потому что ты девушка, которую я люблю.

Сигга зарыдала еще сильнее, а взрослые уставились на Гильфи разинув рты. Однако это нелепое и выспренное объяснение в любви открыло им простую истину: все случившееся — всего-навсего ужасный просчет матери-природы. Перед ними два ребенка, ожидающие третьего, и разбираться, кто виноват, не имеет смысла.

Впрочем, коллективное осознание не касалось Ханнеса. Он повернулся к Торе с искаженным от ярости лицом.

— Это все ты! Сама ведешь дикую жизнь, спишь со всяким, кто проявит к тебе хоть малейший интерес, и сын туда же. Пока я с вами жил, мальчишка ничего подобного не вытворял, а теперь у него есть только один пример для подражания!

От неожиданности Тора не нашла что сказать. «Дикая жизнь»? Это один-то раз за два года? Ну два, если считать утренний повтор. И это называется «вести дикую жизнь»? Даже отец Торы, которому восемьдесят восемь, всегда настаивал, чтобы она чаще бывала в компаниях и больше развлекалась. Не говоря уже о подруге Лаувейе, хотя ее-то назвать проповедником морали довольно трудно.

— Я так и знала, что она потаскуха! — завизжала мамаша, и у всех едва не лопнули барабанные перепонки. — Сексоголики!.. Все, все начинается с семьи!.. — Она воззрилась на Тору с видом триумфатора.

Однако у Торы неожиданно появился союзник.

— Ну, дорогая, если уж говорить, что все идет из семьи, то тогда порадуемся, что твоя дочь не фригидна, как ее мать, — включился в сражение отец Сигги.

Так. Хватит. Тора достаточно наслушалась потенциальных родственничков. Впереди крестины, дни рождения, конфирмация и бог знает что еще. Не хотелось бы во время этих событий вспоминать подробности их интимной жизни. Она встала.

— Я не знаю, кому пришла в голову гениальная идея собраться здесь. Вот вам отец... — Она показала на Ханнеса. — Разговаривайте с ним хоть всю ночь. А с меня довольно. — Она двинулась к выходу, но спохватилась: надо забрать сына. — Гильфи, пойдём.

Сигга так и сидела, опустив голову и заливаясь слезами.

— Сигга, в моем доме ребенку всегда будут рады, так же как и вам обоим, можете у нас

жить, — сказала ей Тора и бросила присутствующим: — Всем пока.

Они с Гильфи вышли, захлопнули дверь и направились к джипу, который, слава Богу, стоял на своем месте. Тора, совершенно выжатая, молча забралась на переднее сиденье, Гильфи сел рядом с сестрой.

— Ханнес-ар-доттир, — тщательно выговаривала Соулей, тренируя Маттиаса правильно произносить ее патроним.^[8]

— Поехали, — сказала Тора Маттиасу и схватилась за голову. Хорошо, что Гильфи в немецком не силен, а Соулей совсем ничего не понимает. — Знаешь что? Я упала в цене. Ты переспал с бабушкой.

К ее удивлению, Маттиас расхохотался.

— Должен отметить, исландские бабушки несколько отличаются от немецких. — Он бросил взгляд на Гильфи, погруженного в размышления о собственной судьбе. Единственная соломинка, за которую мальчик сейчас может ухватиться, это его мать, а у нее еще не прошло похмелье. — Привет, сын Торы. Меня зовут Маттиас. — Он подмигнул Торе.

Она тоже посмотрела назад, готовая ответить сыну честностью на честность. Вот сейчас она скажет, что Маттиас для нее — несколько больше, чем просто друг или коллега... Но, наткнувшись глазами на плейер, по-прежнему свисающий с мальчишеской шеи, она передумала.

— Гильфи, это Маттиас. Мы вместе работаем. Я пригласила его на ужин. Мы все обсудим позже, когда он уйдет. — Она сглотнула ком, неожиданно вставший в горле. Она станет бабушкой в тридцать шесть лет! Иисус, Мария, Святой Дух и кто там еще в Троице, забыла, — пусть ребенок будет здоровым, а жизнь его родителей — безмятежной, несмотря на их ошибку. Тора загнала назад неожиданно подступившие слезы. А ведь была подсказка, которую она не разгадала: «С ним неинтересно. Он там прыгает на кровати, вопит и...»

— Тора... — Маттиас прервал ее мысли. — Мне только что позвонил директор музея колдовства. Кажется, есть объяснение, почему тело Гаральда было в таком состоянии.

Тора решила не отменять званый ужин и в полубессознательном состоянии вытаскивала из холодильника и морозилки все, что попадалось под руку. Маттиас удивленно наблюдал, как кухонный стол обрастает наполненными тарелками и мисками.

— Готово, — позвала Тора.

Когда все расселись, оказалось, что к ужину у них консервированный горошек, чипсы, рис, кускус, быстросуп, джем и традиционные исландские лепешки.

— Выглядит аппетитно, — вежливо сказал Маттиас и потянулся к горошку.

Тора обозрела стол и застонала.

— Я совсем забыла про горячее... — Она привстала, решив поискать замороженную лазанью, макароны, мясо или даже рыбу, хотя прекрасно знала, что ничего не найдет. Она собиралась зайти за продуктами, но из-за всех этих событий было не до магазина... Маттиас взял ее за руку и усадил на место.

— Все нормально. Конечно, ужин нестандартный, как и выбранное для него время, но это мелочи. — Он улыбнулся, глядя на детей, которые ковыряли странное ассорти в тарелках.

Тора взглянула на часы и увидела, что всего три пополудни — да, она явно слетела с катушек.

— Я все еще в шоке. — Она через силу улыбнулась. — Приглашу тебя на ужин в следующем году, если к тому времени оклемаюсь.

— Не нужно. Лучше я тебя куда-нибудь приглашу, — с улыбкой сказал Маттиас, отламывая кусочек исландской лепешки. — Какое изысканное блюдо!

Никто не доел, остатки импровизированной трапезы заполнили мусорное ведро. Соулей попросилась поиграть с подружкой Кристиной, и Тора без колебаний ей разрешила. Гильфи исчез в своей комнате, сказав, что посидит в Интернете. Тора надеялась, что он не станет изучать сайты, посвященные уходу за детьми. Увидев все без прикрас, он может запаниковать и отступить.

Оставшись одни, Тора и Маттиас перешли в гостиную. Перед этим Тора сварила кофе, и они взяли чашки с собой.

— Так-так, — сказал Маттиас, чувствуя неловкость. — Учитывая обстоятельства, я не буду у тебя расслаиваться. Кстати, а бабулям не полагается вздремнуть после еды?

— Бабуля жаждет джина с тоником, — хмыкнула она, хлебнув кофе. — Но мы оба знаем, какие могут быть последствия, так что на сей раз я пропущу. — Она улыбнулась и слегка покраснела. — Давай про новости из музея. — Тора откинулась на спинку дивана и скрестила ноги.

Маттиас вытащил клочок бумаги и развернул его на кофейном столике.

— Торgrimюр все-таки связался с ходячей энциклопедией по имени Паудль, а тот немедленно перезвонил мне и перечислил абсолютно все, что известно об этом символе. Догадываешься почему?

Тора покачала головой. Маттиас явно ожидал более детального ответа, поэтому она рискнула выдвинуть предположение:

— Потому что он ходячая энциклопедия?

— Нет. Или да. То есть наверняка поэтому. Видишь ли, ему запало в память, как

невероятно разволновался Гаральд, услышав об этом символе.

— То есть Гаральд разговаривал с ним конкретно об этом знаке?

— И да и нет. Поначалу они с Гаральдом обсуждали рунические символы в целом и те из них, сведений о которых нет в доступных источниках. Потом он задал вопрос об «Исландской книге колдовства». Паудль рассказал ему об описанных в ней магических формулах. Помнишь, Торgrimюр сказал, что там есть два любовных заклинания, и одно из них очень жестокое?

Тора кивнула.

— Именно этим заклинанием Гаральд и заинтересовался, — продолжил Маттиас. — Оказывается, разворот книги, который представлен в экспозиции, — это только вступительная часть, а все подробности ритуала на следующей странице, которую мы, естественно, видеть не могли. Угадай, в чем состоит ритуал?

— Берут глаза мертвеца и что-то с ними делают?

— Нет, но до глаз мы еще дойдем. — Маттиас заглянул в свои пометки. — Так вот, чтобы приворожить женщину, в полу, по которому она ходит, надо выкопать ямку, налить туда змеиную кровь и особым способом написать ее имя. Под конец необходимо произнести заклинание. То самое, которое прислали матери Гаральда! — Маттиас горделиво улыбнулся.

— Ты имеешь в виду стихотворение, которое ты перевел?

— Именно. Только это еще не все. Паудль сказал, что они с Гаральдом подробно обсуждали, направлено ли заклинание исключительно на предмет вожеления или подходит для всякой любви, обязательно ли отверстие должно быть в полу и так далее. А потом они заговорили про символ, начерченный на полях... — Маттиас сделал паузу.

— И?.. — нетерпеливо сказала Тора.

— Паудль сообщил ему, что среди исландских рунических знаков такого нет вообще, однако этот очень похож на скандинавский символ для заклятия на месть. Сути различия я так и не понял — якобы в каком-то из них не хватает одной линии. Символ был обнаружен в безымянном фрагменте старинной рукописи, но текста заклятия там не оказалось, только описание ритуала и первая строчка: «Я смотрю на тебя...»

— Начало письма к Амелии Гунтлиб! — ахнула Тора.

— Совершенно верно, начало то же, что и в любовном заклинании. Паудль высказал предположение, что этот символ рядом с заклинанием мог нарисовать владелец книги, потому что оно связано и с заклятием на месть, и с любовным приворотом. Есть и другая версия: поскольку «Исландская книга колдовства» составлена четырьмя разными людьми, трое из которых исландцы, а один — датчанин, то, возможно, последний и мог подставить этот символ. Еще Паудль сказал, что это заклятие на месть гораздо темнее известных и непонятого происхождения, хоть и написано на датском. Фрагмент находился в частной коллекции и датирован концом шестнадцатого века, в то время как «Исландская книга колдовства» появилась в середине семнадцатого.

— Что имеется в виду под «гораздо темнее»?

— Наверное, лучше сказать, оно чернокнижное, относится к черной магии. Более нечестивое, то есть создано специально, чтобы причинять зло. — Маттиас опять обратился к своей шпаргалке. — Человек, на теле которого после его смерти будет вырезан такой символ, станет преследовать того, кто обидел его при жизни. Иначе говоря, покойник следит из могилы и заставляет мучиться и раскаиваться того, кто при жизни поступал с ним жестоко или несправедливо. В итоге раскаяние приводит к гибели преследуемого. Чтобы

сотворить это заклятие, нужна определенная часть тела. Вот ты и дождалась. Какая?

— Глаза, — уверенно произнесла Тора.

Маттиас кивнул.

— Но это не все, терпи. Узнав о происхождении символа, Гаральд и пришел в то состояние, которое так поразило директора музея, а затем попросил Паудля изготовить копии этих документов. Паудль прислал ему отсканированные страницы из «Исландской книги колдовства» вместе с символом и своего рода инструкцию по заклятию на месть из фрагмента безымянного манускрипта.

— А что в инструкции? — не выдержала Тора.

В дело снова пошел листочек с записями.

— Это делается так: жаждущий мести заключает соглашение с кем-то, кто сотворит это заклятие после его смерти, — почти как со штанами мертвеца. На куске дубленой кожи сообщники вместе рисуют символ, смешивая свою кровь с кровью ворона. Тут несколькими каплями не обойдешься, поскольку этой же кровью под символом они должны написать, что Икс обещает сотворить заклятие для Игрека, и скрепить договор своими подписями. — Маттиас отхлебнул кофе и продолжил: — А дальше соль шутки: Игрек умирает, Икс вырезает на его теле этот же символ и берет у мертвого кровь — много, чтобы ею писать заклятие. И — спасибо тебе большущее за подсказку — извлекает глаза.

— Господи! — Тору передернуло. — Зачем же еще и это? Неужели мало кровавого договора и расковырянного тела?

Маттиас улыбнулся.

— Вероятно, мало. Паудль сказал, что вырезанный на теле символ служит также напоминанием мертвому, что его глаза извлечены по его же собственному требованию — иначе покойник восстанет из могилы, пойдет их искать и убьет того, кто их вытащил. Кстати, кровь для этого забытого обряда тоже нужно смешать с кровью ворона.

— Теперь понятно, почему анализ ДНК показал, что там есть кровь птицы из отряда воробьиных. «Ворон — самая крупная птица отряда воробьиных, которая водится в Исландии...» — процитировала Тора. Биологию в школе она любила.

— На этом этапе кровь живого пособника больше не нужна. Ему остается завернуть глаза во второй кусок кожи, предварительно написав на нем кровью мертвеца текст заклятия, и вручить тому, кто вредил умершему при его жизни, то есть объекту мести. И все. Жертва обречена. Мертвец будет ее неотступно преследовать, напоминая о совершенных злодеяниях, пока виновный не сойдет с ума и не умрет мучительной смертью.

— Значит, когда Гаральд послал матери проклятие... — невесело начала Тора, но не договорила, одолеваемая мыслями: «Как это страшно. В чем причина такой глубокой застарелой ненависти к собственной матери? Что, черт возьми, она ему сделала? Возможно, ее вина — только плод воображения Гаральда, и все его обвинения — чистой воды безумие...»

Неожиданная идея вывела ее из задумчивости.

— Минуточку! А разве глаза ей послали?

— Нет, — ответил Маттиас. — Их не приложили. Понятия не имею почему. Может, потеряли, а может, они испортились, я не в курсе.

Тора некоторое время размышляла.

— Халлдор, студент-медик. Скорее всего он и проделывал все эти манипуляции над телом. Он же и убил.

— Похоже на то, — согласился Маттиас. — Если только Гаральд не устроил собственную смерть, а Халлдор принял эстафету и доделал остальное.

— Но ведь Гаральда задушили! Неужели он сам...

— Может, эротическое удушение? По крайней мере не стоит сбрасывать такой вариант со счетов. Пока ясно одно: кто-то из компашки убил Гаральда или по меньшей мере заключил с ним контракт. Когда мы показали им символ, у всех были довольно глупые физиономии. Не исключено, что и Хюги к этому причастен.

— Надо еще раз поговорить с Халлдором. А лучше — со всеми. Если повезет, конечно и удастся снова их собрать.

Маттиас улыбнулся.

— Так что мы не полные идиоты. Мы далеко продвинулись. В общей картине не хватает только исчезнувших денег. Они-то куда испарились?

Тора пожала плечами:

— Может быть, Гаральду удалось купить этот неизвестный колдовской манускрипт. Вполне в его характере.

— Возможно, — задумчиво протянул Маттиас. — Но маловероятно. Директор музея сказал, что манускрипт хранится в Норвежской национальной библиотеке. Кстати, поэтому полиция не смогла идентифицировать символ — он совершенно неизвестен в Исландии. Паудль о нем знает только потому, что учился за границей, но с ним никто не консультировался насчет происхождения символа.

— Может быть, Гаральд просто обналичил эти деньги, заплатил Паудлю за информацию и потом попытался неофициально приобрести манускрипт у библиотеки, но его убил кто-то из так называемых друзей. Они же могли и деньги забрать. Убивают и за меньшее.

Маттиас кивнул, потом задумчиво посмотрел на часы:

— Самолет из Франкфурта приземлился в половине четвертого.

— Черт! — ругнулась Тора. — Я не могу сейчас разговаривать с его матерью, просто не могу. А если она меня спросит о моих детях? Что я скажу? «О да, фрау, мой сын развит не по годам — ах, неужели я вам не говорила, что он собирается стать отцом?»

— Поверь, твоими детьми она интересоваться не станет, — спокойно ответил Маттиас.

— А разговаривать о ее сыне не лучше. Я что, глядя ей в глаза, должна сообщить, что он заключил сделку с дьяволом в попытке превратить ее жизнь в ад крошечный и в результате убить? — Тора смотрела на Маттиаса, надеясь на конструктивный ответ.

— Я сам ей все расскажу, не волнуйся. В любом случае от встречи отказываться нельзя. Не можешь сегодня, тогда завтра. Вспомни, она проделала весь этот путь с единственной целью — поговорить с тобой. Знаешь, у нее был такой мягкий голос, когда она сказала об этом. Я никогда у нее такого не слышал. Тебе не о чем беспокоиться...

Слова Маттиаса Тору не слишком убедили.

— Они позвонят или как?

— Да, когда приедут в отель. Могу и сам им позвонить, если хочешь.

Уф-ф. Что же делать? Тора не могла решить.

— Хорошо, звони, — резко согласилась она и тут же закричала: — Нет, нет, не надо!..

Не успела она снова передумать, как зазвонил телефон Маттиаса. Он посмотрел на дисплей и объявил:

— Это они.

Тора застонала.

— Алло, Маттиас слушает. — Беседа казалась довольно поверхностной: «Вы хорошо долетели? — Какая жалость. — Название отеля помните?» — и так далее. Потом он попрощался с собеседницей, взглянул на Тору и улыбнулся. — Тебе везет, бабуся.

— Что? — с надеждой спросила Тора. — Она не приехала?

— Приехала. Но у нее мигрень и она просит отложить вашу встречу до завтра. Звонила Элиза. Они сейчас в такси, на пути к отелю «Борг», и она предлагает через полчаса там увидеться.

Миловидная брюнетка оказалась совершенно не похожей на мать. Судя по семейным фотографиям, она пошла в отца. Одета без вызова: черные элегантные брючки, блузка тоже черная, наверное, шелковая. Длинные прямые волосы собраны в хвост. Из украшений — только кольцо с камушком, то самое, которое было на снимке. Тора не ожидала, что девушка такая худенькая. Элиза пожала Торе руку, а с Маттиасом сердечно обнялась и расцеловала его в обе щеки.

— Как ты? — спросил он дружеским тоном.

По-видимому, он или очень близок этим людям, или занимает более высокое положение, чем предполагала Тора.

Элиза натянуто улыбнулась.

— Не очень. Всякие сложности, — сказала она и повернулась к Торе. — Я прилетела бы раньше, если бы знала, что могу быть хоть чем-то полезна. Я не подозревала, что мое пребывание у Гаральда так важно.

Торе показалось это странным, учитывая, что брата убили практически сразу после отъезда Элизы, но она сказала только:

— Что ж, сейчас вы здесь, и важно это.

— Да, я купила билет сразу же после звонка Маттиаса. Я хочу помочь, — сказала она искренне. — И мама тоже.

— Вот и замечательно, — произнес Маттиас нехарактерным для него громким голосом. Тора решила, что он боится, как бы она чего не ляпнула.

— Да, замечательно, — повторила она, давая ему понять, что у нее нет такого намерения.

— Сядем? — спросила Элиза. — Могу я предложить вам кофе? Или бокал вина?

Тора подумала, что выпитого ей хватит на всю жизнь, и согласилась на чашку кофе. А они заказали по бокалу вина. Маттиас откинулся на спинку кресла.

— Ну, что ты можешь рассказать нам о твоём прошлом приезде? — обратился он к Элизе.

— Давай подождем, пока принесут вино? — предложила она. — Я бы сначала выпила.

— Конечно, — ответил он и потрепал ее по руке, лежащей на подлокотнике дивана.

Извиняющимся взглядом Элиза посмотрела на Тору.

— Знаете, прошлый приезд я вспоминаю с неловкостью. Мои чувства в смятении, я пока сама в них не разобралась, но, оглядываясь назад, могу сказать, что была слишком сосредоточена на себе и говорила только о себе. Если б я знала, что вижу Гаральда в последний раз, я бы сказала, что люблю его... — Она прикусила нижнюю губу. — Но я этого не сделала и уже не сделаю никогда.

Официант принес напитки. Элиза и Маттиас просто пили ни за что конкретное. Глотнув кофе и глядя на них, Тора пожалела, что отказалась от вина. И тут же решила, что при первой возможности вернется к старой привычке.

— Может быть, стоит рассказать, зачем я приезжала к Гаральду? — сказала Элиза, поставив бокал. Тора кивнула. — Маттиас знает, что между мной и родителями есть некоторые сложности. Отец хочет, чтобы я занялась бизнесом и работала в банке. Мои друзья склоняют меня к тому же. Только Гаральд настаивал, чтобы я продолжала заниматься

музыкой. Все думают, что виолончель для меня — просто хобби, а вот брат все понимал, хоть сам и не был музыкантом. Он знал, что если ты достиг определенного уровня мастерства, то тут уж или-или.

— Понимаю, — сказала Тора, на самом деле ничего не понимая.

— Поэтому мы в основном говорили обо мне, — продолжила Элиза. — Я приехала за поддержкой и получила ее. Он посоветовал мне никому не подчиняться и совершенствовать мастерство. Он сказал, что безликих сотрудников в банках и офисах — пруд пруди, а блестящих музыкантов единицы. «Безликие костюмы» — это его слова.

— Можно узнать, что вы решили? — из любопытства спросила Тора.

— Я выбрала музыку, — ответила Элиза с горькой улыбкой. — Но отец уже оплатил для меня бизнес-курсы, и занятия вот-вот начнутся. Хочешь одно, а делаешь другое, так это обычно бывает.

— Теперь твой отец счастлив? — спросил Маттиас.

— Да, хотя лучше сказать, что он успокоился. В нашей семье счастливым быть трудно. Особенно сейчас.

— Элиза, я понимаю, совать нос в чужие семейные дела не очень удобно, но мы прочитали электронную переписку между Гаральдом и вашим отцом. Не похоже, что они были близки... — Тора сделала паузу. — Есть причины считать отношения Гаральда с вашей мамой тоже далеко не идеальными.

Элиза глотнула вина и посмотрела в глаза Торе.

— Гаральд был самым лучшим братом, какого только можно пожелать. Да, он вел себя странно, особенно в последнее время... — Она прикусила кончик языка, намекая на раздвоенный язык Гаральда. — Но я все равно на его стороне. Он поступал благородно, и не только по отношению ко мне. Как он жалел нашу несчастную сестренку, с какой добротой о ней заботился... — Элиза пристально разглядывала свой бокал. — Мама и папа, они просто... Я правда не знаю, что сказать. Мои первые воспоминания — это бесконечные объятия, любовь и забота родителей, но я никогда не видела, чтобы они уделяли внимание Гаральду. Казалось, ну, что он им не нравится... — Слова и эмоции мешали ходу мыслей Элизы. — Нет, с ним никогда не обращались плохо. Родители просто его не любили. Я не знаю почему, не знаю, была ли для этого какая-то особая причина...

Тора, конечно, не показала, какого невысокого мнения она о Гунтлибах, но ей еще сильнее захотелось найти убийцу Гаральда. Трудно представить более безотрадную судьбу, чем расти без родительской ласки. Детям нужны ощутимые проявления любви, лишать их этого преступно. Ничего удивительного, что Гаральд вырос странным. Неожиданно у Торы возникло желание встретиться с его матерью.

— Да, — произнесла она, нарушая молчание. — Должна сказать, это во многом объясняет характер и поведение Гаральда. Понимаю, что вам не слишком приятно обсуждать с посторонними свою семью, поэтому давайте вернемся к вашей последней встрече с ним.

Элиза благодарно улыбнулась.

— Как я уже говорила, в основном все вертелось вокруг моих проблем. Гаральд был замечательный, и нам просто хорошо было вместе. Мы съездили в ваш знаменитый геотермальный бассейн — «Голубая лагуна», так он называется? — а еще видели гейзеры, гуляли по городу или сидели дома, смотрели фильмы. В общем, отдыхали.

Тора попробовала представить Гаральда купающимся в геотермальных водах «Голубой

лагуны», но не смогла вызвать в воображении достаточно правдоподобный образ.

— Какие фильмы вы смотрели? — полюбопытствовала она.

Элиза усмехнулась.

— «Король Лев», как ни странно это звучит.

Маттиас подмигнул Торе. Выходит, не обманул насчет диска в плеере.

— Гаральд не рассказывал, чем занимается?

Девушка задумалась.

— Не много. Он был в невероятно приподнятом расположении духа, и его дела явно шли хорошо. Я редко видела его таким просветленным. Может быть, потому что он освободился от родителей, а может, из-за книги, которую нашел.

— Книги? Какой книги? — одновременно воскликнули Тора и Маттиас.

Их реакция встревожила Элизу.

— Гаральд нашел старинную книгу, — пояснила она. — «Молот ведьм». Разве ее нет в его квартире?

— О какой именно книге ты говоришь? — разволновался Маттиас. — Он тебе ее показывал?

Элиза покачала головой:

— Нет, он ее тогда еще не получил. Может быть, он не успел. Это было как раз перед тем, как его убили.

— Ты не помнишь, он должен был ее у кого-то забрать? — наседал Маттиас. — Гаральд никого не упоминал?

— Нет, — ответила Элиза. — Он не говорил, а я не спрашивала. Наверное, надо было...

— Ничего страшного, не волнуйся. Он хоть что-то тебе о ней рассказывал?

Лицо Элизы просветлело.

— Конечно, рассказывал! Очень запутанная история. Так, с чего начать... — Она на минутку задумалась и спросила Маттиаса: — Помнишь старинные письма из коллекции нашего деда?

Он кивнул. Тора не стала перебивать и уточнять, о каких письмах речь, но полагала, что о тех, из Инсбрука, — в кожаном портфельчике.

— Гаральд, как и дед, постоянно ими занимался, перечитывал снова и снова, анализировал. Он полагал, что их автор, чтобы отомстить Крамеру за свою жену, сделал что-то ужасное. — Элиза посмотрела на Тору. — Вы знаете, кто такой Крамер?

Настал черед Торы кивать.

— Да, один из двух сочинителей «Молота ведьм». Я даже имела несчастье прочитать этот так называемый шедевр.

— Я не удосужилась, но знаю о книге все — в нашей семье этого трудно избежать. Так вот, Гаральда захватило желание выяснить, как именно тот человек поквитался с Крамером. Я ему говорила, что невозможно восстановить события частной жизни пятисотлетней давности, но он не соглашался и утверждал, что, если существует хоть малюсенькая вероятность, нельзя от нее отказываться. Поскольку в эту историю была замешана церковь, Гаральд рассчитывал найти что-нибудь в церковных архивах: церковь тщательно хранит свои документы. Для этого он и поступил на исторический факультет, а для большей убедительности выбрал охоту на ведьм темой своей будущей диссертации. Конечно, с таким двойным наследством — коллекцией деда в руках и его же страстью в крови — он добивался блестящих успехов.

— А дед к нему хорошо относился? — спросила Тора, зная ответ, но все-таки желая это подтвердить.

— О да! — сказала Элиза. — Они много времени проводили вместе. Гаральд всегда к нему тянулся. Когда дедушка лежал при смерти, Гаральд не отходил от него в больнице. Дед любил его гораздо больше, чем всех нас. Наверное, чувствовал, что Гаральд такой странный из-за того, что родители от него... как бы... отреклись. Интерес к истории брат перенял от деда, и они вдвоем постоянно погружались в этот мир.

— А его поиски к чему-либо привели? — спросила Тора.

— С помощью университета ему удалось получить доступ к архивам Ватикана, — пояснила девушка, — и после второго года обучения Гаральд почти на все лето уехал в Рим, где обнаружил письмо Крамера к папе римскому. Инквизитор просил полномочий для новой охоты на ведьм, поскольку, как он пишет, колдуны украли его бесценную рукопись, содержащую наставление по разоблачению и судебному преследованию ведьм. Он боялся, что сведения, содержащиеся в ней, могут быть использованы колдунами и ведьмами для своей защиты и помешают их разоблачению. Поэтому рукопись во что бы то ни стало надо вернуть обратно. Ответа Ватикана на его запрос Гаральд не обнаружил, но, поскольку Крамер больше не появился в Инсбруке, надо полагать, что ему отказали. Гаральд был невероятно счастлив. Он считал, что совершил открытие, найдя, что «самое дорогое» украли у Крамера и послали, как говорится в письмах, «прямоком в ад». Очевидно, речь шла о первом, рукописном варианте «Молота ведьм», про существование которого ранее не было известно. Брат сказал, что эта книга не идентична изданию, появившемуся год спустя, и в ней, предположительно, должны быть рисунки. Шпренгер еще не стал соавтором Крамера, и этот факт особенно интересовал Гаральда. Подлинный рукописный текст пролил бы свет на то, кто в действительности написал книгу. Некоторые ученые предполагают, что Шпренгер вовсе не приложил к ней руку.

— Но ведь вор послал манускрипт прямоком в ад? — спросила Тора. — В письме есть эта фраза. По ней можно заключить, что украденное сожгли.

Элиза улыбнулась.

— В последнем письме к епископу Бриксенскому упоминается посланник, который готов совершить путешествие в ад, и испрашивается содействие церкви на его пути. Так что книгу не сожгли, по крайней мере не сразу.

Тора удивленно подняла брови.

— Посланник, путешествующий в ад. Ну конечно... Звучит как нечто само собой разумеющееся.

Маттиас улыбнулся и отхлебнул вина.

— Вот уж действительно!

— В те времена это звучало весьма серьезно, — пояснила Элиза. — Ад считался вполне реальным местом, расположенным в недрах земли. И даже предполагалось, что вход в него — здесь, в Исландии. В каком-то вулкане, название я забыла.

— Гекла! — подскочила Тора. Вот оно что... Вот, значит, для чего Гаральд приехал в Исландию. Он искал ад, и, отыскав, прошептал об этом на ухо Хюги, как тот и говорил.

— Да-да, Гекла, — вспомнила Элиза. — Предполагалось, что манускрипт отправлен туда. Так по крайней мере утверждал Гаральд.

— И что дальше? Рукопись туда попала? — спросила Тора.

— Гаральд пытался найти информацию о маршруте посланника, и даже обнаружил

запись в церковной хронике города Киль от 1486 года. По крайней мере он решил, что там говорится об этом. В хронике упоминается некий человек, направляющийся в Исландию с письмом епископа Бриксенского, в котором его преосвященство просит помогать путешественнику, давая ночлег и пищу. Путник вез ревностно охраняемый сверток, не спуская с него глаз. Он даже причащаться не мог, потому что сверток нельзя было вносить в церковь. Еще там сказано, что он останавливался в Киле на две ночи, а потом продолжил путь к северу.

— Нашел ли Гаральд какие-то сведения о том, чем закончилось путешествие? — спросил Маттиас.

— Нет, — ответила Элиза. — Во всяком случае, не сразу. Гаральд приехал в Исландию, потеряв следы путника на материке. Сначала поиски были безрезультатны, но затем к нему попало старинное письмо, где упоминался некий посланник, который умер в каком-то датском городе — названия не помню — на пути в Исландию. Шатаясь, он вошел ночью на двор тамошнего епископа, уже безнадежно больной, и умер несколько дней спустя. Перед смертью он вручил хозяину дома сверток, который надо было доставить в Исландию и бросить в кратер Геклы — с благословения епископа Бриксенского. Как высчитал Гаральд, датский священнослужитель хранил сверток почти двадцать лет. Вероятно, в старости он захотел доделать незавершенные дела и обратился к католическим властям Исландии с просьбой довести начатое до конца. Он писал, что передаст сверток человеку, который направляется в Исландию продавать папские индульгенции, чтобы финансировать строительство собора Святого Петра в Риме.

— Когда это было? — спросила Тора.

— Гаральд считал, что примерно в 1505-м.

— Итак, сверток попал в Исландию?..

— Мой брат был в этом твердо убежден, — ответила Элиза, проводя указательным пальцем по кромке своего бокала.

— Значит, рукопись должны были бросить в вулкан? — спросил Маттиас.

— Гаральд уверял, что никто в то время не отваживался взбираться на Геклу. Первое известное восхождение гораздо ближе к нашим дням. К тому же вулкан извергался. Вряд ли нашелся бы кандидат на эту работу.

— Ну и где же обрывается история манускрипта? — спросил Маттиас.

— В одной епископской резиденции. Мне сложно выговорить название. Помню, что начинается на «эс».

— Скаульхольт, — подсказала Тора.

— Да, похоже, — ответила Элиза. — Продавец индульгенций пришел именно туда.

— Ну и что из того? И Гаральд, и мы там все проверили. В Скаульхольте никогда не находили рукопись «Молота ведьм», — сказала Тора, наливая себе еще кофе.

— Гаральд полагал, что она там хранилась до тех пор, пока в Исландию не доставили первый печатный станок. После этого рукопись отвезли к другому епископу. Название места я не запомнила.

— Хоулар, — объявила Тора. В Исландии существовало всего два епископства, так что догадаться было несложно.

— Не помню, — сказала Элиза. — Наверное.

— Гаральд решил, что ее собирались там печатать?

— Да, у меня сложилось такое впечатление. В Европе того времени это была самая

известная книга после Библии, и вполне возможно, что ее собирались издать на исландском.

— Для этого нужно было развернуть сверток и увидеть, что внутри. Ну конечно! Они поддались искушению и любопытствовали! — воскликнул Маттиас. — Но что все-таки случилось с рукописью? Ее же никогда здесь не публиковали, так? — спросил он Тору.

— Никогда, насколько я знаю, — ответила она.

— Гаральд ее вычислил! — Элиза явно гордилась братом. — Сначала он пошел по ложному следу, когда искал печатный станок и это место, ну, вы его называли...

— Хоулар, — вставила Тора.

— Да, точно. Потом он подумал, что тот последний католический епископ, которого казнили, перед смертью отослал рукопись куда-то еще, но постепенно стал убеждаться, что она никогда не покидала пределов того епископства, которое на «эс»...

— Скаульхольт.

— Да. Короче говоря, как только Гаральд сузил область поиска, то быстро обнаружил местонахождение рукописи. Ее спрятали, чтобы оставить в Исландии.

— И где же она? — спросила Тора.

— Я спрашивала, но Гаральд не захотел мне говорить. Сказал, что оставшуюся часть истории расскажет не раньше, чем сможет показать мне трофей.

Тора и Маттиас разочарованно переглянулись.

— И вы его не стали расспрашивать? — настаивала Тора, не желая сдаваться. — Может, он все-таки намекнул?

— Мы проговорили за полночь, и мне хотелось спать. Вдобавок Гаральд так ликовал по поводу своей находки, что я решила не занудствовать и не нарушать его радость. — Элиза виновато улыбнулась. — А на следующий день мы беседовали о другом. Думаете, это связано с убийством?

— Не знаю, — ответила Тора. Неожиданно ей вспомнился Мал. Раз брат с сестрой были так близки, возможно, она знакома с друзьями Гаральда? У Мала как раз и может быть отсутствующая часть информации. — Элиза, вы знаете, кто такой Мал? Гаральд получил от него почту, из которой можно понять, что Мал что-то знал о поисках рукописи.

Элиза улыбнулась.

— Мал... Как же, знаю. Его полное имя Малькольм, они с Гаральдом познакомились в Риме. Он тоже историк. На днях он позвонил мне и сказал, что получил из Исландии странный e-мэйл про Гаральда. Я сообщила ему, что Гаральда убили.

— Как ты думаешь, есть ли у него неизвестные тебе сведения? — спросил Маттиас. — Можешь ли ты связать нас с ним?

— Нет, он ничего не знает. Он сам меня спрашивал. Гаральд ему тоже сообщил, что нашел рукопись, но без подробностей. Малькольм всегда считал, что Гаральд не там ищет, так что ему было интересно узнать результат.

В этот момент Торе позвонили из полиции. Поговорив, она посмотрела на Маттиаса.

— По делу Гаральда арестован Халлдор. Он хочет, чтобы я была его адвокатом.

В полицейском участке Тора чувствовала себя неудобно. Она размышляла, могут ли ее лишить адвокатской практики за злоупотребление своим положением и вопиющий конфликт интересов. Вряд ли подобное предусматривается законом, но если нет, то законодательство надо усовершенствовать. Как можно представлять семью убитого и в то же время стать адвокатом предполагаемого убийцы? Маттиас остался с Элизой. Он взял на себя задачу сообщить новость фрау Гунтлиб и обосновать их неожиданное решение. Возможно, он будет аргументировать тем, что это даст Торе шанс поговорить с убийцей напрямую и получить ответы на оставшиеся вопросы. Тора ему не завидовала и мысленно пожелала удачи. Трудно добиться понимания от страдающего мигренью.

— Здравствуйте. Задержанный вас ждет.

Тора не заметила, как к ней подошел сотрудник полиции.

— Спасибо, — сказала Тора и встала. — Мы с ним будем разговаривать наедине или предполагается, что я буду присутствовать при допросе?

— Он дал показания, но от присутствия адвоката отказался. Ситуация была затруднительной, поскольку при таких серьезных обвинениях мы обычно без адвоката не допрашиваем. Однако задержанный настаивал, и в конце концов мы вынуждены были принять его условия. После дачи показаний он попросил о встрече с адвокатом. С вами.

— Маркус Хельгасон здесь? — поинтересовалась она. — Можно переговорить с ним до того, как я увижу Халлдора?

Полицейский отвел ее в кабинет коллеги.

Тора поздоровалась с Маркусом, перед которым на столе стояла все та же кружка с эмблемой «Манчестер Юнайтед».

— Я надолго вас не отвлеку. Просто посчитала нужным встретиться, прежде чем пойду к Халлдору.

— Конечно, — ответил Маркус, но по его тону было очевидно, что он не слишком рад.

— Полагаю, вы не забыли, что я связана обязательствами с семьей Гаральда Гунтлиба?

Маркус отстраненно кивнул.

— Я оказалась в довольно щекотливом положении, — продолжила Тора, — и, если можно так сказать, сижу по обе стороны стола.

— Да, это именно так. По этой самой причине мы настойчиво уговаривали Халлдора изменить свое решение, но он не хотел и слушать. В его глазах вы вроде Робин Гуда. В убийстве он не сознался. Наверное, думает, что вы поможете ему выкрутиться. — Полицейский зло усмехнулся. — Предупреждаю, у вас ничего не выйдет.

Тора осталась безразлична к его пренебрежению.

— То есть вы считаете, что он виновен?

— Абсолютно. Его причастность подтверждают новые и неопровержимые данные. Они сделали это вместе. Друзья детства! Самое занятное, если уместно так выразиться, что доказательства мы получили в один и тот же день из двух независимых источников. А я всегда прислушиваюсь к совпадениям, — с довольной улыбкой заявил он.

— И это произошло недавно?

— Вчера днем. Нам позвонили двое, оба в связи с убитым, и оба предоставили сведения и улики, которые не только удостоверяют виновность Халлдора, но и реконструируют

общую сцену убийства.

— А кто эти люди, если не секрет?

— Вы узнаете их имена, но не сейчас, а попозже.

Тора пожала плечами.

— В общем помещении дома, где жил Гаральд, — продолжил Маркус, — обнаружили коробку со всякими мерзостями. В ней находился лоскут кожи с контр...

— С контрактом об изъятии его глаз, — спокойно перебила Тора. — Об этом я знала.

Лицо полицейского побагровело.

— И почему же вы не сообщили полиции? А что еще вы от нас скрываете?

— Сказать по правде, мы с Маттиасом выяснили это только сегодня, да и то лишь как подозрение. У нас нет доказательств, которые, похоже, есть у вас. — Тора уклонилась от ответа на второй вопрос.

— Вы обязаны были нас проинформировать! Закон еще никто не отменял, — возмутился Маркус.

— Мы бы непременно это сделали, — чуть раздраженно заметила Тора. — Сегодня воскресенье, ну зачем беспокоить вас в выходной из-за какой-то догадки. Мы хотели сделать это завтра. — Она изобразила самую милейшую из своих улыбок.

— Хорошо. Надеюсь, это правда. — Полицейский немного успокоился, однако смотрел на нее скептически.

— А какие еще мерзости вы нашли в коробке?

— Два пальца, кисть руки, ступню и ухо. — Он уставился на нее, почти готовый к объявлению, что Торе и об этом известно, но по выражению ее лица понял, что нет. — Мы считаем, они принадлежали разным людям, — произнес Маркус.

— Что?! — Тора испытала настоящее потрясение. Ей было известно только про палец, найденный в помещении факультета, но с Гаральдом не связанный. Что же это такое происходит?! — Вы намекаете на массовое убийство? Или на серийное? Маньяк коллекционировал части тел своих жертв?

— В настоящий момент мы не знаем. Ваш клиент тоже говорит, что ничего о содержимом коробки не знает. Но он лжет. Я всегда вижу, когда лгут.

— Хорошо, какие у вас есть доказательства? Только контракт, якобы подписанный Халлдором?

— Да, — ответил Маркус. — И еще стальная звездочка с ботинок Гаральда, которые были на нем в ночь убийства. Ее нашли в щели под порогом студенческой комнаты отдыха. Из этого можно сделать предположение, что тело тащили через дверь. Заметьте, Халлдор бывал в этой комнате. Так что убийство, несомненно, совершили там. Кроме того, там же обнаружена испачканная кровью чайная ложка. С нее сняли отпечатки, и оказалось, что пальчики принадлежат Халлдору. А кровь — Гаральда. По крайней мере по предварительным результатам.

— Чайная ложка... — удивленно повторила Тора. — С пятнами крови... И как вы это связываете с делом?

Маркус избежал прямого ответа.

— Смотритель здания, или кто он у них там, передал ложку декану факультета, и тот немедленно принес ее сюда. — Полицейский укоризненно посмотрел на Тору. — В отличие от некоторых он решил не ждать до понедельника.

— Я все-таки не понимаю, как сюда вписывается ложка, испачканная кровью, и почему

ее обнаружили только сейчас. Вы же обыскали здание полностью!

— Предполагается, что этой ложкой вынули глаза убитого. Что до зрителя... — Маркус запнулся, и Тора поняла, что попала в большое место. — Конечно, мы все обыскивали. Почему не нашли ложку — неизвестно. Но мы обязательно выясним причины.

— Итак, у вас есть контракт и чайная ложка с пятнами крови, — сказала Тора, наблюдая, как Маркус взад-вперед раскачивается на стуле. У него в загорелом явном есть что-то еще. — Честно говоря, вряд ли это доказывает виновность Халлдора. Насколько я помню, у него есть алиби.

— Вы про бармена? — презрительно усмехнулся Маркус. — Мы поговорим с ним повторно. Не падайте в обморок, если после небольшого давления его показания станут разваливаться. — Он посмотрел на нее свысока. — К тому же у нас есть еще одна улика против вашего клиента. Точнее, две улики.

— Две? — удивилась Тора.

— Да. Или одна пара, если вам так больше понравится. Сегодня утром улику обнаружили при обыске квартиры Халлдора. Поверьте, этого достаточно, чтобы даже родная мать не сомневалась в его виновности.

Лицо Маркуса стало таким самодовольным, что Тора подумала, а не зевнуть ли ей демонстративно и уйти без дальнейших вопросов — только ради того, чтобы поставить полицейского на место. Впрочем, любопытство победило — как всегда.

— Так что же вы нашли?

— Глаза Гаральда.

Халлдор молча сидел, уронив голову на грудь, и сверлил глазами дырку в полу с той самой минуты, как Тора вошла в комнату для допросов.

— Халлдор, — произнесла Тора с толикой нетерпения. — Я не буду тут вечно. Если не хочешь разговаривать, то мне есть на что потратить время.

Он взглянул на нее.

— Хочу сигарету.

— Нельзя, — сказала Тора. — Курение здесь запрещено. Ты опоздал на десять лет, если пришел сюда покурить.

— От этого меньше курить не хочется.

— Может быть, полиция и разрешит тебе сигарету — потом, где-нибудь в другом месте. Давай перейдем к делу. Согласен?

Он устало кивнул.

— Тебе известно, почему ты здесь?

— Да. Более-менее.

— Надеюсь, ты понимаешь, что у тебя неприятности. Серьезные неприятности.

— Я не убивал, — сказал Халлдор, глядя ей прямо в глаза и не мигая. Поскольку на нее это не произвело впечатления, он стал ковырять на коленке дырку, проделанную дизайнером и увеличившую цену джинсов вдвое.

— Прежде чем говорить по существу, давай кое-что сразу проясним... — Тора выдержала паузу. Она ждала от Дори полного внимания и не стала продолжать, пока он на нее не посмотрел. — Я работаю на семью Гаральда. Это означает, что твои и их интересы совсем не обязательно совпадают. Особенно теперь. Советую тебе найти другого адвоката. Эта наша встреча будет единственной, больше я ничего не намерена делать. Могу назвать имена нескольких квалифицированных юристов, которые обеспечат тебе нужную помощь.

Халлдор прищурился и секунду подумал.

— Не надо. Я хочу говорить только с вами. Копы мне не верят.

— Может быть, потому, что ты им лжешь? — сухо произнесла Тора.

— Я не лгу. Не в главном.

— А определяешь, что главное, а что второстепенное, конечно, ты сам?

Вспышка гнева исказила лицо Дори.

— Главное — что я его не убивал.

— А что у нас второстепенное? — поинтересовалась Тора.

— Разное... — сказал он, опуская голову.

— Если ты считаешь, что я могу быть чем-то тебе полезна, то сделай и для меня кое-что. — Тора наклонилась к Халлдору через разделяющий их стол. — Не лги мне. Я всегда вижу, когда лгут. — Она надеялась, что получилось так же убедительно, как у Маркуса.

Дори кивнул, но его лицо по-прежнему оставалось кислым.

— Хорошо. Но все, что я вам скажу, — между нами. О'кей?

— До некоторой степени. Я уже сказала, что не буду защищать тебя в суде, так что можешь рассказывать мне почти все. Конечно, за исключением тех преступлений, которые ты намерен совершить в будущем. На них даже не намекай.

— Я не собираюсь совершать преступления, — мрачно ответил Халлдор. — Вы

обещаете, что дальше вас это не пойдет?

— Я обещаю, что это не пойдет в полицию, даже если сможет улучшить твое положение. Ты уже в кутузке, намного хуже не будет. Впрочем, если тебе от этого полегчает, давай считать, что мы просто обсуждаем смягчающие обстоятельства. Это устраивает? Так ты получаешь помощь, фактически ничего не говоря.

— О'кей, — сказал он с ноткой сомнения в голосе и порывисто добавил: — Ладно, спрашивайте.

— Глаза Гаральда нашли в твоей квартире. Как ты можешь это объяснить?

Руки Халлдора судорожно дернулись. Он нервно почесывал тыльную сторону ладони. Тора спокойно ждала, пока он соображал, признаться ли во всем или отрицать, что имеет отношение к жуткой находке. Тора решила немедленно уйти, если он выберет последнее.

— Я... Я...

— Мы оба знаем, кто ты, — нетерпеливо сказала Тора. — Отвечай, или я уйду.

— Я не смог их послать, — выпалил он. — Не посмел. Тело нашли, и я боялся, что глаза обнаружат при пересылке. Я собирался сделать это потом, когда все утихнет. В то воскресенье я написал кровью заклятие и запечатал в конверт. А позже бросил письмо в почтовый ящик в городе.

Признавшись, он глубоко вздохнул и крепко сжал губы, как будто решил больше ничего не говорить.

— Это все из-за скрепленного кровью соглашения? Неужели ты и вправду старался выполнить этот дурацкий контракт на месть?

Халлдор в ярости посмотрел на нее.

— Да. Я поклялся Гаральду, и хотел сдержать слово. Для него это много значило. — Его лицо стало красным. — Его мать — полнейшая мразь.

— Ты понимаешь, что это абсолютное безумие? — недоумевала Тора. — Как же ты позволил себя втянуть, зачем поддерживал эту бредовую затею?

— Ну поддерживал и поддерживал, — глуповато ответил он. — Я его не убивал.

— Придержи коней, об убийстве мы еще поговорим, — сказала Тора. Дори действовал ей на нервы. — Это ведь ты извлек глаза, я правильно понимаю?

Халлдор неохотно кивнул.

— И унес их домой?

Он снова кивнул.

— А где, позволь спросить, ты их хранил?

— В холодильнике. Внутри буханки хлеба. Я засунул их в хлеб и положил в холодильник.

Тора отпрянула.

— Ну разумеется. В хлеб. Куда же еще? — Ей потребовалось значительное усилие, чтобы отогнать от себя этот образ. — Как ты это сделал? Я имею в виду саму операцию. Как ты вытащил глаза?

— Ничего особенного... — Дори пожал плечами. — Взял чайную ложку и... Вырезать символ было сложнее. Он плохо получался, а я был обкуренный и все время ходил к окну глотнуть свежего воздуха.

— Ничего особенного, — в замешательстве повторила Тора. — Позволь в этом усомниться.

— Да ладно, есть вещи и похуже. Думаете, приятно разрезать другу язык?

Тора не представляла, приятно это или нет, но полагала, что выковыривать чайной ложкой глаза мертвеца гораздо гаже. И вообще, с сегодняшнего дня она помешивает кофе исключительно столовой ложкой.

— Можешь говорить что угодно, но это вряд ли доставляет удовольствие.

— Конечно, нет! — закричал Халлдор. — Мы обкурились до потери рассудка, я же вам сказал.

— Мы?! — поразилась Тора. — Так ты был не один?

Халлдор замолчал, снова поковырял дырку на джинсах, потер ладонь.

Тора повторила вопрос.

— Нет, не один, — скрепя сердце ответил Дори. — Мы все там были: я, Марта Мист Бриет, Андри и Бряудн. Мы возвращались из «Каффибреннслан» и хотели развлекаться дальше. Марта требовала еще наркоты, Бриет сказала, что у Гаральда кое-что припрятано в студенческой комнате отдыха.

— А Хюги был с вами?

— Нет. Я в тот день вообще его не видел. Ни его, ни Гаральда. Живого, разумеется.

— Вы проникли в здание факультета? — удивилась Тора. — Как вы вошли? Сигнализация не сработала?

— Она и не работала. Такое впечатление, что она никогда не работает. Вы же не думаете, что кто-то и в самом деле марширует ночью по всему зданию и проверяет, не остался ли там кто? Ага, сейчас...

— Торбьёрн Оулафссон, куратор Гаральда, утверждает, что включил систему охраны, — сказала Тора. — Он на этом настаивает.

— Ну, не знаю... Когда мы сунулись, она была отключена. Наверное, ее отключил убийца.

— Чтобы войти в запертое здание, нужен код доступа. В компьютере все фиксируется, и записи показывают, что в дверь никто не входил. — Распечатка с охранного пульта была среди материалов, которые прислали из полиции, и Тора видела ее собственными глазами.

— Мы залезли через окно с противоположной от входа стороны. Оно всегда открыто — какой-то дебил вечно забывает его закрывать. Так по крайней мере объясняет Бриет. Мы и ушли через него. Ни у Бриет, ни у Бряудна магнитного ключа с собой не было.

— А дальше что? — спросила Тора. — Гаральд там был? В отключке? Мертв?

— Ну, мы зашли в студенческую, а он там лежит на полу. Не в отрубоне. Мертвый. Охеренно мертвый. С синим лицом и языком наружу. Без патологоанатома ясно, что его удавили... — Дрожь в голосе Халлдора подсказывала, что его хладнокровие напускное.

— А вдруг он задохнулся во время сексуальных действий? Сам знаешь каких... Вы ничего оттуда не забирали, что могло бы на это указать?

— Нет. Ничего. На шее ничего не было — только мерзкий кровоподтек.

Тора задумалась. Возможно, Дори беззастенчиво ей врет, но если так, то он чертовски талантливый лжец.

— Когда это случилось?

— Около пяти утра. Может быть, полшестого или в шесть. Не знаю. Помню, что вышли из бара примерно в четыре. Сколько мы болтались, сказать не могу. Время нам было по фигу.

Тора глубоко вдохнула.

— А что потом? Ты начал прямо там выковыривать ему глаза и вырезать символ? А как

тело оказалось в ксероксной?

— Разумеется, я не бросился немедленно его кромсать. Мы стояли как кучка идиотов. Не знали, что делать. Даже Марта Мист впала в истерику, а она всегда суперхладнокровна. Мы все пьяные, обкуренные, крыша едет, а тут такое... Вдруг ни с того ни с сего Бриет заговорила о договоре кровью, прицепилась ко мне, что я должен его выполнить, иначе Гаральд станет мне являться. Мы с Гаральдом его подписали на одном из наших сборищ в присутствии всех остальных — подписывали вроде напоказ, для прикола, но Гаральд отнесся к этому серьезно. Единственный, кто не знал о контракте, это Хюги. Гаральд всегда говорил, что Хюги не врубается в колдовство.

— Контракт был только о заклитии на месть? — спросила Тора.

— Письменный — да, — ответил Халлдор. — А еще мы договорились о заклинании на любовь, чтобы усилить эффект от первого и вызвать у матери Гаральда запоздалую любовь к сыну. И тем самым превратить ее страдания в еще более мучительные. Этот договор был устный. По нему я должен сделать отверстие на краю могилы Гаральда, нарисовать символы и написать имя его матери. Затем налить в отверстие кровь змеи. Гаральд даже змею купил. За неделю до своей смерти он попросил меня присмотреть за ней, и эта гадина теперь живет у меня. И бесит. Ее надо кормить живыми хомяками и мышами, а меня от этого тошнит.

«Вот, значит, для чего Гаральд покупал хомяков — змею кормить. Ну конечно», — подумала Тора и спросила:

— А он что, ждал, что умрет?

Халлдор пожал плечами и оставил вопрос открытым.

— Я только исполнил свой долг. Помню, Марту Мист и Бриет рвало, когда я начал работать с телом. Потом Андри сказал, что надо вынести Гаральда из комнаты, иначе мы окажемся под подозрением — мол, слишком часто здесь тусуемся. Все решили, что это правильная мысль, и заволокли его в комнату с ксероксом. Положить его на пол не удалось, он не влезал. Пришлось изрядно повозиться, еле-еле пристроили его стоймя. В общем, та еще заморочка. Потом мы ушли к Андри, он живет близко. Марта Мист все утро блевала в ванной. Остальные просто сидели как в параличе, а потом все вырубались, прямо в гостиной.

— Где вы взяли кровь ворона?

Лицо Халлдора потемнело от стыда.

— Мы его подстрелили, на побережье. Иного способа не было. Мы сначала пытались раздобыть ворона в зоопарке — надеялись, что кто-нибудь нам его даст или продаст, спрашивали во всех зоомагазинах, да только ничего не вышло. А нам для контракта требовалась его кровь.

— Оружие откуда?

— У меня отец увлекается охотой, я украл его ружье. Он даже не заметил.

Торе нечего было сказать. Потом она вспомнила коробку с частями тела.

— Халлдор, — произнесла она спокойно, — а что насчет частей тела в квартире Гаральда? Вы вдвоем их как-то использовали, или они принадлежали Гаральду?

Словосочетание «принадлежали Гаральду» в контексте общей ситуации звучало довольно двусмысленно, зато передавало суть.

Халлдор кашлянул, потом потер нос тыльной стороной ладони.

— Мм... да, те... — произнес он смущенно. — Они не от трупов, если вы об этом думаете.

— Думаю?! Я уже ничего не думаю! — рывкнула Тора. — Я давно поняла, что надо ожидать чего угодно! Если ты сейчас скажешь, что выкапываешь гробы, я приму это как должное!

Халлдор ее прервал.

— Это с работы, всякое барахло... Хлам, который обычно выбрасывают.

Тора издала нервный смешок.

— Знаешь что? Я больше не играю в презумпцию невиновности. Это уже чересчур: «хлам, который выбрасывают»! — Она сделала вид, что поднимает что-то с пола и изучает с недовольным лицом. — Это что за ступня тут валяется? Раскидали, понимаешь, всякий окровавленный хлам! Выбросить немедленно! — Она отшвырнула воображаемую ступню. — Чего ты такой безмозглый? Говори, откуда это все взялось?

Халлдор уставился на Тору и от ярости пошел пятнами.

— Я не безмозглый! Их выбрасывают! Ну, не в буквальном смысле выбрасывают, а сжигают. Полиция наверняка пошлет их на исследование, и тогда они увидят, что все эти части тела чем-нибудь поражены и отрезаны хирургическим путем, в результате операции. В мои обязанности входит сжигать остатки, а вместо этого я их домой уносил.

— Точнее сказать, это входило в твои обязанности, дружок. Сомневаюсь, что ты получишь в больнице еще хоть одну смену. — Тора попыталась собраться с мыслями, которые, как и многочисленные вопросы, беспорядочно роились в ее голове. — Как ты мог хранить ступню и палец столько... Кстати, сколько? Плоть же разлагается... Или ты их тоже в холодильнике держал?

— Нет, я их запек, — ответил Халлдор, как будто это вполне естественно.

Тора снова нервно засмеялась.

— Ты запек части тела? Ха-ха. Кем ты себя возомнил, Суинни Тоддом? Боже правый, ну и бедняга твой будущий адвокат.

— Ха-ха. Очень смешно. Я же не буквально их запек, — нахмурился Халлдор. — Просто подсушил в духовке при небольшом нагреве. Это предотвращает гниение. Или по крайней мере оно происходит намного медленнее. И кстати, плоть гниет, а не «разлагается»! — Он сердито откинулся на спинку стула. — Мы использовали их для заклинаний — с ними было гораздо круче.

— Значит, палец, найденный в здании факультета, — тоже из твоих кулинарных опытов?

— Это самый первый. Я хотел поприкалываться над Бриет и засунул его в капюшон ее парки, ну, смеха ради. Я думал, она шарахнется, когда палец свалится ей на лицо, а она даже не заметила. К счастью, факультетские с нами это не связали, но я такого больше не подстраивал, а то нарвались бы на неприятности.

Тора решила немного сменить курс. Ей за глаза хватило этого анатомического театра. Тьфу ты господи, опять глаза...

— Почему ты скрыл от нас ваши совместные поездки в Хаульмавик и в отель «Рангау»? Мы знаем, что ты там был вместе с Гаральдом.

— Я не хотел, чтобы меня связывали с музеем колдовства. Именно там Гаральд получил заклинание для нашего контракта. Я ждал снаружи, на скамейке, пока он разговаривал с экскурсоводом. Они нашли общий язык, это точно. А у меня было чудовищное похмелье, я чувствовал себя препогано, поэтому не захотел идти внутрь. Ручной ворон составил мне компанию.

— А что насчет отеля «Рангау»? Зачем Гаральд туда поехал? Я знаю, ты был с ним.

Халлдор покраснел.

— Понятия не имею, что он там делал. Ясно одно — не на рыбалку приехал. Больше ничего не знаю. Мы остановились в отеле, и Гаральд куда-то ушел, а я сидел в номере и читал учебники.

— Почему ты не пошел с ним?

— Он не хотел, — ответил Халлдор. — Он взял меня с собой, потому что я говорил ему про свою засаду с учебкой, и он сказал, что знает одно местечко, где больше нечем заниматься, и он меня там запрет с книгами на все выходные. Вот он и сдержал слово. Не в буквальном смысле, конечно, но не взял меня с собой. Я не знаю, где он был, но ведь Скаульхольт там рядом...

— Вы же проводили время вместе? Неужели не разговаривали о его делах?

— Разумеется, мы вечером встретились, поужинали и пошли в бар, — произнес Халлдор, глядя на нее и улыбаясь. — И, знаете ли, обсуждали там совершенно иное...

— Так почему же ты отпирался, что туда ездил? — недоумевала Тора. — И почему зарегистрировался как Гарри Поттер?

— Для смеха, — раздраженно ответил Дори. — Гаральд записал меня под этим именем. Ему нравились всякие прозвища, и я был постоянной мишенью для его фантазий. Кстати, с чего это я должен вам все рассказывать? Я солгал просто так, ну и что? — вызывающе спросил он.

— А то, что полиция, пожалуй, не ошибается и Гаральда убил действительно Хюги, а ты довершил, возможно, сам того не осознавая. Вы ведь конченные извращенцы, и скорее всего он такой же чокнутый, как остальные, поэтому убил Гаральда из-за чего-нибудь дурацкого, чего никто, кроме него, не поймет.

— Нет! — Гнев Халлдора уступил место отчаянию. — Хюги и подавно его не убивал!

— В его шкафу нашли футболку, испачканную кровью Гаральда. Хюги не смог объяснить, как она туда попала. Полиция считает, что ей, как тряпкой, вытерли кровь. — Тора посмотрела на Халлдора. — Футболка, кстати, такая же, в которой был некто, когда Гаральду делали операцию по разрезанию языка. На ней написано «100 % силикон».

Халлдор с рвением кивнул.

— В этой футболке был Хюги. На нее попала кровь, и он ее снял. А после операции — да, я воспользовался ею как тряпкой. Я не хотел, чтобы Хюги об этом знал. Просто засунул футболку в его шкаф. Хюги не убивал Гаральда.

— А кто же его убил?! — вскричала Тора. — Вот увидишь, в этом обвинят Хюги вне зависимости от того, что произойдет с тобой и твоими друзьями за надругательство над телом.

— Бриет, — неожиданно сказал Халлдор. — Наверняка его убила Бриет.

Тора задумалась. Бриет, миниатюрная блондинка с большой грудью.

— И почему ты так думаешь? — спокойно спросила она.

— Просто так, — невнятно ответил Халлдор.

— Нет уж, давай говори. Если ты называешь конкретно ее, значит, у тебя есть основания. Почему? — решительно требовала Тора.

— Потому. Когда мы были в городе, она тихонько выскользнула из бара. А потом сказала, что потеряла нас, но мы-то с места не сходили, по крайней мере некоторые.

— Этого недостаточно. — Тора даже не стала спрашивать, почему он не сообщил об

этом полиции. В своих показаниях они все твердили, что оставались вместе.

— Чайная ложка, — вдруг тихо занял Халлдор. — Марта Мист избавилась от ножа — и все, его нет. А Бриет поручили избавиться от ложки. Теперь я понял, как она ни с того ни с сего материализовалась. Она ее не выбросила, а вернулась и сунула ложку в буфет, где полиция ее и нашла...

— А зачем ей это понадобилось? Что-то я не вижу здесь логики.

— Еще какая! Она хотела меня подставить. Она никогда не дотрагивалась до ложки голой рукой, как я. На ней были варежки. Все из-за того, что я ее бросил. Не знаю... — Дори заерзал на стуле. — Вообще в ту ночь она вела себя странно. Когда мы нашли тело, она единственная не завопила и не заорала. Другие совершенно обезумели, а она вела себя спокойно. Просто смотрела, не говоря ни слова, а потом неожиданно напомнила мне о контракте. Специально все подстроила. Если не верите, спросите остальных. — Он потянулся через стол и схватил Тору за руку. — Она знала об окне. Может быть, в тот вечер она влезла туда раньше? Она психовала из-за того, что Гаральд не разговаривал с ней всю предыдущую неделю. Он ни с кем тогда не общался, но не это важно. Может, она взбесилась, или что-то в этом роде, или у нее было с Гаральдом свидание, а он ее кинул... Да мало ли. Я об этом столько думал... Проверьте, поговорите с ней — ради меня.

Тора высвободила руку.

— У людей разные реакции на шок. Может быть, Бриет впала в транс. Нет, я не хочу с ней говорить. Предоставим это полиции.

— Если вы не верите мне, что она ненормальная, поспрашивайте в университете. У нее с Гаральдом был какой-то совместный проект, так она изгадила все. Поговорите там, спросите... — Он смотрел на нее умоляюще.

— Что за проект и что с ним не так? — медленно спросила Тора.

— Что-то связанное с епископом Бриньольвом Свейнссоном. Они занимались подборкой всего, что есть о нем в разных архивах. Ей вдруг втемяшилось, что какие-то документы украдены. Случился адский скандал. А потом выяснилось, что все ерунда. Она просто псих, а я раньше этого не замечал. Поспрашивайте в университете — сделайте хотя бы это.

— Кто руководил проектом? — спросила Тора и тут же пожалела об этом. Вышло так, будто она начала соглашаться с его версией, под которой не было никаких оснований.

— Я не знаю. Должно быть, тот же профессор, Торбьёрн. В университете знают. Пойдите и спросите, пожалуйста! Не пожалеете.

Она встала.

— Пока, юный пекарь. Я найду тебе адвоката, если хочешь.

Он покачал головой и устался на свои коленки.

— Я думал, вы поймете... Вы хотели помочь Хюги, и я решил, что вы поможете и мне.

Внезапно Тора его пожалела. Сработал материнский инстинкт. Или это уже инстинкт бабушки?

— Кто сказал, что я не собираюсь тебе помочь? — произнесла она. — Зависит от того, что я выясню. Защищать тебя я не стану и под дулом пистолета, но в суд пойду. Ни за какие коврижки не пропущу этот процесс.

Он посмотрел на нее и вяло улыбнулся. Тора постучала в дверь, и ее выпустили. Судя по всему, дело идет к развязке.

12 декабря 2005 года

Тора ритмично стучала карандашом по краю стола.

— Я слышал, старичкам из «Роллинг Стоунз» требуется ударник, — заметил Маттиас. — Поскольку ты недавно стала бабушкой и умеешь барабанить, тебя возьмут без вопросов.

— Очень смешно. — Тора отложила карандаш. — И главное — помогает мне думать.

— Думать? Зачем тебе сейчас думать?

Накануне Тора рассказала ему об отчаянных попытках Халлдора перевести стрелки на Бриет, и Маттиас высмеял эту версию. Тора тоже считала ее притянутой за уши, но, проворочавшись всю ночь без сна, утром встала уже не столь уверенной.

— Кажется, все встает на свои места, — продолжил Маттиас, — за исключением нескольких болтающихся концов. Поверь, когда полиция поработает с Халлдором, то и деньги всплывут, и манускрипт появится, если он вообще существует. — Он выглянул в окно. — Пойдем в ресторан, съедем поздний завтрак.

Маттиас проспал и только что приехал к Торе в офис.

— Не получится. Сегодня профсоюз работников кафе и ресторанов празднует юбилей, — соврала Тора. — Все закрыто до обеда.

Маттиас застонал.

— Но ты выживешь, у нас есть печенье. — Она потянулась к телефону и позвонила секретарше. — Белла, ты не могла бы принести печенье? Там пачка за кофеваркой. — Почувствовав, как в воздухе повисает секретарское «нет», Тора быстро добавила: — Это для Маттиаса, не для меня. Спасибо. — Она вернулась к разговору. — Ты не думаешь, что все-таки стоит к нему прислушаться и проверить Бриет? Вдруг там что-то есть?

Маттиас запрокинул голову и уставился в потолок.

— Ты же понимаешь, что Халлдор загнан в угол?

Тора кивнула.

— Во всем, что мы видели и слышали, нет и намека на виновность Бриет, если не считать, что она немного чокнутая и принимала участие в диких ритуалах с печеными частями тел.

— Может быть, мы что-то проглядели, — сказала Тора, но не очень убежденно.

— Например?.. К несчастью, все выглядит так, что убил Гаральда все же Хюги, а дальше эстафету принял его друг детства. Осталось лишь установить, действовали они сообща или поодиночке и кто прикарманил деньги. Они вполне могли наврать Гаральду про рукопись и убедить, что знают, где она. Разъезжая с Гаральдом и переводя для него тексты, Халлдор находился в весьма выгодном положении. Они могли сочинить историю и даже назначить цену, за которую манускрипт якобы можно выкупить. А потом присвоили деньги. Когда же пришло время отдавать рукопись, то приняли меры, чтобы Гаральд не задавал вопросов. Объяснение Халлдора про футболку наверняка выдумка.

— Но...

В кабинет ворвалась Белла с печеньем, аккуратно разложенным на тарелке, и чашкой кофе. С одной чашкой кофе. У Торы родилось подозрение, что если бы печенье предназначалось для нее, то Белла швырнула бы нераспечатанную пачку ей в голову.

— Спасибо громадное, — провозгласил Маттиас, беря угощение. — Некоторые не понимают важность завтрака... — Он подмигнул Белле. Секретарша хмуро посмотрела на Тору, потом широко улыбнулась Маттиасу и вышла.

— Ты ей подмигнул, — изумленно сказала Тора.

Маттиас дважды подмигнул Торе.

— И тебе два раза. Довольна? — Театральным движением он отправил печеньице в рот.

— Осторожнее, она незамужняя, а я возьму и скажу ей, в каком отеле ты остановился.

На столе зазвонил телефон.

— Здравствуйте, это Тора Гудмундсдоттир? — спросил женский голос, который показался Торе немного знакомым.

— Да, здравствуйте.

— Это Гвюдрун, я сдавала Гаральду квартиру...

— А, да, здравствуйте. — Тора быстро нацарапала на бумажке, кто звонит, и показала Маттиасу. Рядом она поставила два вопросительных знака — мол, не знаю, что ей надо.

— Я не уверена, правильно ли разговаривать по этому поводу именно с вами, но у меня ваша визитная карточка и... Словом, в эти выходные я обнаружила коробку, принадлежащую Гаральду, со всякими... предметами.

— Да, я знаю, что вы в ней нашли, — сказала Тора, чтобы избавить женщину от перечисления частей тела.

— Знаете? — В голосе послышалось ощутимое облегчение. — Я пережила страшное потрясение! Вы себе не представляете! Это чудовищно... И только сейчас я вспомнила, что, выбегая из бытовой комнаты, случайно унесла с собой какой-то лист старой бумаги...

— Он до сих пор у вас? — Тора чувствовала, что Гвюдрун надо помочь сосредоточиться.

— Да, случайно. Понимаете, я держала его в руке, когда бежала звонить в полицию, и вот только что обнаружила его рядом с телефоном.

— Этот лист принадлежал Гаральду?

— Ну, не знаю. Он из коробки. Это какое-то старое письмо. Точнее, старинное. Я вспомнила, что вы спрашивали о чем-то подобном, и подумала, что лучше сказать вам, а не полиции. — Гвюдрун глубоко вздохнула и продолжила: — У них и так дел по горло... И едва ли оно связано с этим случаем.

Тора написала на клочке бумаги: «Старое письмо?» Маттиас вопросительно на нее посмотрел и взял еще одно печенье.

— Хорошо бы нам на него взглянуть, — сказала Тора. — Можно ли приехать к вам сейчас?

— Да, конечно. Я дома. Только, знаете...

— Что такое? — забеспокоилась Тора.

— Боюсь, письмо несколько помято... Я так переволновалась, в совершеннейшем шоке... Оно вообще-то целое... — Она перешла на шепот: — Поэтому я не стала рассказывать полицейским. Я не хотела, чтобы меня донимали, не специально ли я его испортила. Вы, надеюсь, понимаете, все произошло случайно...

— Не волнуйтесь, пожалуйста, мы сейчас будем. — Тора положила трубку и встала. — Поехали. Печенье можешь взять с собой. Не исключено, что обнаружено потерянное письмо из Дании.

Маттиас схватил две печеньюшки и напоследок хлебнул кофе.

— То самое, которое ищет профессор?

— Надеюсь. — Тора подхватила сумку на локоть и пошла к двери. — Если это оно, мы вернем его Гуннару и заодно выясним подробности истории с Бриет, о которой говорил Халлдор. — Она победно улыбалась, довольная удачей и представившейся возможностью. — Если даже оно не то, мы сделаем вид, будто думали, что то.

— Вздумала подшутить над стариком, — сказал Маттиас. — Жалко беднягу, на него столько свалилось...

Выходя из офиса, Тора с улыбкой взглянула через плечо.

— Единственный способ выяснить, то ли это письмо, — отнести его Гуннару. Он страшно обрадуется, если это оно, и с благодарностью ответит на два-три вопроса о Бриет.

На кухне у Гвюдрун улыбка Торы увяла. Нет, Гуннар не обрадуется, увидев документ в таком состоянии, а возможно, и пожалеет, что его вообще нашли.

— Вы уверены, что когда достали письмо из коробки, оно не было таким? — спросила Тора, осторожно разглаживая плотный лист, весь в трещинах и заломах, и стараясь не повредить уже почти оторванный кусочек.

Гвюдрун бросила на письмо виноватый взгляд.

— Уверена. Похоже, я его смяла в состоянии аффекта... — Она сконфуженно улыбнулась. — Его можно склеить. Можно ведь? Попробовать прогладить утюгом?

— Не сомневайтесь, его восстановят, — подбодрила ее Тора, убежденная, что реставрация будет сложной, если вообще возможной. — Спасибо большое, что нам позвонили. Вы правильно сделали — вероятно, это тот самый документ, который мы ищем, и он действительно не имеет отношения к полицейскому расследованию. Мы вернем его законному владельцу.

— Хорошо. Я хочу избавиться от всего, что может напоминать о случившемся. Чем быстрее ужасные события останутся позади, тем лучше. Все происходящее крайне болезненно для моего мужа и меня. Кстати, я настоятельно прошу вас сообщить Гунтлибам, что надо срочно освободить квартиру. Чем быстрее я все забуду, тем скорее приду в себя. — Она опустила руки на стол и рассматривала кольца на своих тонких пальцах. — Не то чтобы я неприязненно относилась к Гаральду. Поймите меня правильно...

— Понимаю, — дружелюбно произнесла Тора. — И представляю, как все это было неприятно для вас. Разрешите последний вопрос: вы знаете друзей Гаральда? Видели их, что-нибудь слышали?

— Вы что, смеетесь? — Тон квартирной хозяйки неожиданно стал холодным и жестким. — Слышала ли я их? Да шум подчас был такой, будто они не у Гаральда, а у меня в квартире.

— А что за шум? — мягко спросила Тора. — Ссоры? Крики?

Гвюдрун хмыкнула.

— В основном громкая музыка. Если это вообще музыка. И вечный глухой стук, будто они топают или прыгают. Станные завывания, крики, уханье... Порой казалось: если бы у меня жил дрессировщик, и то было бы спокойнее.

— Зачем же вы продолжали сдавать квартиру Гаральду? — спросил Маттиас, который до сих пор не участвовал в разговоре. — Я помню, в договоре есть пункт о праве на расторжение, если поведение жильца несоответствующее.

Гвюдрун покраснела.

— Несмотря ни на что, он мне нравился. Полагаю, это объяснение. Платил исправно и сам по себе был хорошим квартирантом.

— То есть шумели в основном его друзья? — спросила Тора.

— Можно сказать и так. Когда Гаральд был один, у него тоже играла громкая музыка, и он иногда топал, но если приходили друзья, все становилось невыносимо.

— Вы когда-нибудь наблюдали споры или ссоры между Гаральдом и его приятелями? — продолжала Тора.

— Нет, пожалуй. Полиция, кстати, меня об этом спрашивала. Только однажды слышала очень горячий спор в хозяйственной комнате между Гаральдом и какой-то девицей. Я не вмешивалась, занята была, просто случайно услышала, проходя мимо... — Краска снова залила ее щеки.

До этого Гвюдрун, объясняя, как она нашла коробку, показала им комнату для стирки, расположенную так, что совершенно невозможно случайно пройти мимо. Ясное дело, Гюрра подслушивала. Тора придумывала, как помочь ей выкрутиться и рассказать все, не признаваясь, что она банально прижалась ухом к двери.

— Ох, — вздохнула Тора, изображая понимание. — Я когда-то снимала квартиру, и там бытовая комната была сразу за моей. С этим приходилось мириться, но как же это неудобно! То дребезжит стиральный барабан, то кто-то разговаривает, а слышно каждое слово!

— Да, — нерешительно произнесла Гвюдрун. — Обычно Гаральд следил за стиральной машиной сам. К счастью. Я не знаю, помогала ли ему эта девушка со стиркой или просто составляла компанию, но они очень возбужденно беседовали. Кажется, разговор касался пропавшего письма. Наверное, этого. — Она подбородком показала на стол. — Гаральд просил ее о чем-то забыть, сначала спокойно, потом он завелся, а она настаивала, говорила, что это... это... а, вспомнила! «Потрясающий рычаг влияния». Вот все, что я слышала, я ведь только проходила мимо.

— А вы голос узнали? Невысокая блондинка, да? — с надеждой спросила Тора.

— В основном сюда приходили две. — В голосе Гюрры вновь появилась презрение. — Высокая рыжая и блондинка. Обе выглядели как шлюхи, которых внезапно призвали в армию. Не макияж, а боевая раскраска, и эти мешковатые штаны камуфляжной расцветки... Чудовищно непривлекательные и грубые, обе. Мы друг с другом сталкивались часто, но со мной они ни разу не поздоровались. Так что их голосов я не слышала и кто с Гаральдом разговаривал — не знаю.

Тора тоже считала, что Бриет и Марта грубы, но не сказала бы, что они непривлекательные, тем более чудовищно. У нее возникло подозрение, что квартирная хозяйка имела на девушек зуб, потому что сама неровно дышала к Гаральду. Что ж, и не такое случается. Тора постаралась скрыть свою догадку.

— Разумеется, все это никак не связано с убийством. — Она встала и взяла письмо. — Еще раз спасибо большое. Я обязательно передам Гунтлибам вашу просьбу об освобождении квартиры.

Маттиас тоже поднялся и пожал женщине руку. Она ему улыбнулась, и он ответил выразительной улыбкой.

— А почему бы вам самому не снять эти апартаменты? — спросила она, придерживая левой рукой их соединенные ладони.

— Видите ли... я не собираюсь долго оставаться в Исландии, — с запинкой произнес он, пытаясь высвободить руку.

— Кстати, мог бы переехать сюда с Беллой, — вставила шпильку Тора.

Маттиас зло на нее зыркнул, но его лицо чуть-чуть смягчилось, когда Гвюдрун с явным разочарованием отпустила его руку.

— Отдаешь ты. — Тора пыталась всунуть Маттиасу большой конверт, который Гвюдрун дала, чтобы предохранить письмо от дальнейшей порчи. Как будто в этом был хоть малейший смысл!

— Ни за что! — произнес Маттиас, скрестив руки на груди. — Это твоя идея, так что я сяду и буду смотреть. Может быть, подам ему носовой платок, если он разразится слезами, увидев эти обрывки.

— Последний раз я себя так чувствовала, когда сдала на водительские права и тут же задом въехала в соседскую машину.

Они сидели в коридоре и ждали. Им сказали, что Гуннар придет, как только закончится его семинар. Тора воспользовалась тем, что кругом никого, и вытянулась в кресле.

— Можно подумать, это я изуродовала письмо...

— Нет, конечно. Но новость ему все равно сообщишь ты, — произнес Маттиас, глядя на часы. — Сколько длятся эти семинары? Я должен нормально поесть до того, как мы пойдем на встречу с Амелией. Ты уверена, что ресторанчики празднуют только до полудня?

— Мы быстро, не волнуйся. Не успеешь оглянуться, уже будешь сыт.

Она повернула голову на звук шагов. Декан приближался, держа на руках внушительную стопку бумаг, поверх которых лежали еще и книги. Он очень удивился, увидев их.

— Здравствуйте, — произнес он, толкая ногой дверь кабинета. — Вы ко мне?

Маттиас и Тора встали.

— Да. Здравствуйте, — сказала Тора и помахала конвертом. — В выходные обнаружилось какое-то письмо, и мы его принесли — на случай если это то самое, которое вы искали.

Гуннар просиял.

— Неужели?! — воскликнул он, распахивая дверь. — Входите же! Какие замечательные новости! — Он подошел к столу, освободился от ноши, занял свое место и жестом пригласил сесть их. — И где его нашли?

Тора положила конверт перед ним.

— Как вы и предполагали, в квартире Гаральда. Оно было спрятано вместе со всякими странными штуками. Должна вас предупредить, письмо не в очень хорошем состоянии. — Она сконфуженно улыбнулась. — У человека, который его нашел, случился легкий припадок.

— Легкий припадок? — машинально повторил Гуннар, взял конверт и осторожно его открыл. По мере того как до него доходило, он становился все мрачнее и мрачнее. — Ради всего святого, что с ним произошло?! — Он опустил письмо на стол и смотрел на него отсутствующим взглядом.

— Видите ли, женщина, которая все это нашла... В общем, там еще были всякого рода... э-э-э... предметы, которые и вывели ее из душевного равновесия, — выговорила Тора. — У нее очень веские оправдания, поверьте. Она попросила нас вернуть документ, потому что сама ужасно расстроена, приносит извинения и надеется, что письмо можно восстановить. — Тора улыбнулась еще более сконфуженно.

Гуннар молчал. Маттиас уже собирался доставать платок, когда декан неожиданно

рассмеялся. Его смех отчего-то тревожил.

— Господи... — вздохнул он, когда приступ истерики кончился. — Как же расвирепееет Мария! — Короткая судорога прошла по его телу. Он разгладил документ, поднял его и внимательно рассмотрел. — Да, это именно то письмо, и надо радоваться хотя бы этому. — Он снова гоготнул.

— Мария? — переспросила Тора. — Кто такая Мария?

— Директор института рукописей, — вяло ответил Гуннар. — Она очень нервничает из-за этого письма.

— Передайте ей, пожалуйста, извинения той женщины, — сказала Тора. — И объясните причину.

Гуннар посмотрел на них поверх письма. Выражение его лица говорило о том, что эффект будет незначительный.

— Да, разумеется.

— И еще, профессор. Пользуясь возможностью, я хотела спросить вас об одной студентке из друзей Гаральда. Она учится на вашем факультете, некая Бриет.

Гуннар сузил глаза.

— А в чем дело?

— По нашим сведениям, они с Гаральдом крупно поссорились. Спор возник из-за пропавшего документа, связанного с Бриньольвом Свейнссоном. Вы что-нибудь об этом знаете?

За креслом декана, на стене Тора заметила картину, изображавшую священнослужителя.

— Это он? — осведомилась она, указывая на портрет.

Гуннар сидел в глубоком раздумье и ответил не сразу.

Он не оглянулся, поскольку хорошо знал, что висит у него за спиной.

— Нет, это не Бриньольв Свейнссон. Это мой прадед, в честь которого я назван, преподобный Гуннар Хардарсон. На нем сутана священника, а не мантия епископа семнадцатого века.

Тора покраснела и решила не спрашивать про многочисленные фотографии на стене. Ей показалось, что на одной из них запечатлен Гуннар и фермер из Хедлы, с которым Тора и Маттиас встречались в пещерах ирландских монахов. Видя замешательство Торы, декан несколько воспрял духом, наклонился вперед и прошипел:

— Знаете, у меня никогда не было менее приятных посетителей, чем вы.

Тора совершенно растерялась.

— Простите, но я прошу вас о сущей мелочи. Дело почти закончено, и нам надо, так сказать, подчистить хвосты, а Бриет — один из них. Если вам неприятно это обсуждать, скажите, кто руководил этим проектом, и мы все выясним у него.

— При чем здесь проект... У вас какой-то невероятный талант откапывать болезненные для меня темы, которые, казалось бы, давно закрыты.

— Да ну? — удивилась Тора. — А я думала, что болезненным это может стать для Бриет. На наш взгляд, она ведет себя довольно странно, поэтому мы и спрашиваем.

— Бриет, да... Абсолютно верно, ее поведение дикое. Собственно, только благодаря Гаральду нам удалось ее обуздать, иначе факультет оказался бы в очень щекотливом положении. — Гуннар ослабил галстук.

— А что произошло? — спрашивая, Тора обратила внимание на его булавку для галстука. Она что-то ей напомнила, но Тора не могла определить, что именно.

Гуннар заметил, что Тора смотрит на его галстук, тоже скосил на него глаза и отряхнул — вдруг что-то случайно прицепилось? — но укололся о булавку и отдернул руку.

— Что произошло? Да ничего особенного. Гаральд неожиданно увлекся Бриньольвом Свейнссоном, а Бриет, по своему обыкновению, к нему прилипла. За неимением своих идей она всегда липнет к чужим проектам.

— Это как-то связано с его диссертацией? — спросила Тора. На самом деле она понимала, что Гаральд пытался выяснить, был ли у епископа экземпляр «Молота ведьм».

— Ни в малейшей степени, — подтвердил Гуннар ее сомнения. — Я уже говорил вам, что Гаральд постоянно разбрасывался. Вместо того чтобы использовать курсовые программы для работы над диссертацией, он все время метался из стороны в сторону, увлекаясь темами, которые не имели ничего общего с историей охоты на ведьм. В случае с Бриньольвом Свейнссоном это особенно наглядно — к преследованиям он никакого отношения не имел.

— Кто был куратором проекта? — спросила Тора.

— Кажется, Торбьёрн Оулафссон. Могу проверить, если хотите. — Гуннар показал на экран компьютера на своем столе.

Тора отклонила предложение.

— В этом нет необходимости. Нас вполне удовлетворит, если вы расскажете нам, что произошло. Да и время поджимает.

Гуннар посмотрел на часы.

— Меня тоже — надо передать письмо Марии. — По лицу профессора читалось, что миссия для него крайне неприятна. — Они решили составить каталог всех документов и писем, касающихся епископа Бриньольва Свейнссона. Работали в главном архиве Рейкьявика, потом в отделе рукописей национальной библиотеки, наконец, в национальном архиве. И тут эта Бриет приходит и радостно заявляет, что обнаружила в архиве пропажу одного важного письма.

— Разве нельзя такое представить? — спросила Тора и взглянула на рваное письмо на столе. — Я хочу сказать, такое случается.

— Да, такое вполне может быть, но в данном случае произошла техническая ошибка, а она поспешила обвинить в воровстве конкретного человека, который априори выше подозрений.

— Кого? — спросила Тора.

— Вашего покорного слугу, — сказал декан и сердито замолчал. Он смотрел на них открыто, но что-то в этих глазах заставляло сомневаться в его искренности.

Тора в упор взглянула на него.

— Простите, что спрашиваю, но почему она обвинила именно вас?

— Я уже сказал: произошла техническая ошибка. По регистрационным записям выходило, что последний, кто работал с этим письмом, был я, но это заведомый абсурд. Я специалист по заселению Исландии, у меня не было нужды интересоваться Бриньольвом Свейнссоном. Я тут же подумал, что или некто воспользовался моим именем, или сотрудники архива, что действительно бывает, перепутали регистрационные номера. Самое неприятное, что эта девица попыталась меня шантажировать. Она так и заявила, что будет молчать, если я протяну ей руку помощи, как она «изящно» выразилась, в успешном завершении ее учебы. Я встретился с Гаральдом, мы поговорили, и он пообещал ее образумить. Кроме того, я немедленно связался с руководством национального архива и

потребовал тщательного расследования. Впрочем, они ничего не смогли выяснить, поскольку этот документ если и пропал, то давно, лет десять назад или около того. В конце концов они решили, что, вероятней всего, письмо заархивировали вместе с каким-нибудь другим документом, близким ему по теме. Надеюсь, со временем оно обнаружится. На этом все. У Бриет хватило здравого смысла больше не напоминать мне об этом.

— А что все-таки это было за письмо? — спросила Тора. — Я имею в виду его содержание?

— Оно датировано 1702 годом, написано одним из священников Скаульхольта и адресовано Арне Магнуссону. В нем содержится ответ на вопрос, что случилось с коллекцией иностранных рукописей, принадлежащей Бриньольву Свейнссону, который скончался в 1675 году. Это давно изученное письмо, которое, несомненно, до сих пор находится в архиве. Так что не из-за чего было шум поднимать.

— И это все? — наседала Тора. — Говорится ли в нем, например, о спрятанных манускриптах или попытках похитить их из Скаульхольта?

Гуннар изучал ее лицо.

— Вы спрашиваете так, будто знаете ответ.

— Что вы имеете в виду?! — воскликнула Тора. — Я знаю о письме ровно столько, сколько вы мне сейчас рассказали... — Ее глаза снова и снова возвращались к галстучной булавке Гуннара. Почему же, черт возьми, она ее так беспокоит? И куда клонит декан?

— Тогда вы поразительно догадливы, — холодно сказал Гуннар. Похоже, он думал, что они с Маттиасом знают о письме гораздо больше. — Мы, конечно, можем продолжать говорить обиняками, если желаете. Действительно, в письме содержится загадочный пассаж, что все наиболее ценное из коллекции Бриньольва Свейнссона надежно укрыто от глаз датчан и хранится около древнего креста. Полагают, что это отсылка к святому кресту церкви в Кадданесе. Его убрали во времена Реформации, когда места для богослужений очищали от предметов культа.

— Для человека, который в глаза не видел письма, вы знаете о нем чрезвычайно много, — впервые за все время вмешался Маттиас.

— Надо же мне было выяснить, в каком преступлении обвинила своего профессора студентка. Разумеется, я ознакомился с его содержанием, — огрызнулся Гуннар. — Это несложно, сведения о нем содержатся во множестве научных докладов.

Тора все глядела на его галстук будто в трансе. Булавка была необычной, неровная по форме и, вероятно, серебряная.

— Откуда у вас эта галстучная булавка? — неожиданно спросила она.

Гуннар и Маттиас ошарашенно на нее посмотрели. Декан схватился за галстук, уставился на булавку, потом перевел взгляд на Тору.

— Должен признаться, я не понимаю, какое направление принимает наш разговор. Но поскольку вы так интересуетесь, то это подарок на пятидесятилетие. — Он поднялся из-за стола. — Пожалуй, нам нет смысла беседовать дальше — я не настроен обсуждать свой внешний вид. Мне предстоит неприятная встреча с директором института рукописей, и я не могу больше заставлять ее ждать, тратя время на подобную чепуху. Желаю вам всего наилучшего в окончании расследования и советую сосредоточиться на настоящем, поскольку прошлое не имеет никакого отношения к убийству Гаральда, — заявил декан и проводил их до двери.

В факультетском вестибюле Маттиас пристально посмотрел на Тору.

— Ну вы даете, фрау Гудмундс...

— Ты заметил его булавку? — перебила Тора. — У нее серебряная основа, и на ней серебряный меч поперек галстука. Ты обратил внимание?

— Допустим. И что?

— Вспомни отметину на шее Гаральда! Патологоанатом так и объяснил: мол, присмотритесь, пятно напоминает кинжал или крест.

— А, да, — сообразил Маттиас. — Теперь понимаю, куда ты клонишь. Вряд ли это тот самый предмет. По фотографиям трудно определить. — Он вздохнул. — Этот человек — историк, занимается эпохой колонизации Исландии, и меч викинга на его галстучной булавке вполне логичен. Я бы не выискивал того, чего нет. Мне, например, пятно на шее Гаральда больше напоминает крест. Может быть, его убил сумасшедший викарий, — улыбнулся он.

Размышляя, Тора потянулась за телефоном:

— Все равно поговорю с Бриет.

Маттиас с досадой покачал головой. Он зверски хотел есть, однако Тора шла напролом. Бриет ответила только на четвертый звонок. Она была раздражена, но когда Тора рассказала ей новости об аресте Халлдора, несколько поостыла и согласилась на встречу в студенческом книжном магазине через пятнадцать минут. Маттиас запротестовал, но сдался, услышав, что там есть кафе, а профсоюз работников книжной торговли ничего сегодня не празднует. Когда появилась Бриет, он с аппетитом доедал вторую пиццу.

— Что Дори наболтал полиции? — садясь к столу, спросила девушка дрожащим голосом.

— Ничего, — ответила Тора. — А вот со мной он поделился диковинной историей о той ночи, в том числе и о твоём участии. Я не слишком удивлюсь, если в скором времени он расскажет кому-то еще. Халлдор утверждает, что Гаральда убила ты.

Кровь отхлынула от лица Бриет.

— Я?! — пискнула она. — При чем тут я?! Я не имею отношения к его смерти!

— Он сказал, что в ту ночь ты исчезла из компании, а когда вы нашли тело, вела себя странно.

У Бриет в буквальном смысле отвисла челюсть, и она некоторое время сидела с разинутым ртом.

— Я выскочила минут на двадцать. Максимум. А когда мы нашли тело, то была в полнейшем шоке. Я даже думать не могла, не то что связать слова в предложение.

— И куда ты выскакивала? — спросил Маттиас.

Бриет непристойно ему улыбнулась.

— Я? Недалеко. Встречалась с одним старым другом. Он может это подтвердить.

— На двадцать минут? — усомнился Маттиас.

— Да. Что? Вы хотите знать, для чего?

— Нет, спасибо, — перебила Тора. — Мы догадываемся.

— А что тогда вы от меня хотите? Я не убивала Гаральда. Я всего лишь стояла рядом, пока Дори возился с телом. И если он расскажет копам, то в дерьме будет только Андри. Он

помогал. Я даже не прикасалась. — Бриет безуспешно старалась убедить саму себя, что бояться ей нечего.

— Так, теперь напрягись и вспомни: вы с Гаральдом занимались епископом Бриньольвом Свейнссоном... Дори говорит, вы поцапались из-за какого-то пропавшего письма. Это правда?

Бриет захлопала глазами.

— А при чем тут эта срань?

— Не знаю, потому и спрашиваю.

— Да просто Гаральд скурвился... — Неожиданно для Торы Бриет не стала упираться. — Я Гуннара почти взяла за яйца — пришла к нему и выложила, что он украл письмо из архива. Он жутко забздел, потому что точно это сделал, кто бы что ни говорил.

— В каком смысле Гаральд скурвился?

— Это же он подбил меня наехать на Гуннара. А когда старый козел выгнал меня из кабинета, мы с Гаральдом решили сами поискать письмо. Это был полный атас. Мы залезли к декану в кабинет, стали шарить везде, и вдруг Гаральд резко передумал. Вместо письма он наткнулся на какую-то давнишнюю статью про ирландских монахов, и его как подменили. Забыл, для чего мы там оказались...

— Давай-ка с этого места поподробнее, — попросила Тора.

Бриет пожала плечами.

— На одной из полок лежала научная статья Гуннара с иллюстрациями. Гаральд ее увидел и пристал ко мне — дескать, переведи надписи под фотографиями, и вдруг страшно завелся. На одном снимке был крест, а на другом какая-то дурацкая дырка. Потом ему понадобилось узнать еще об одном помещенном там рисунке. Я чуть не обоссалась от страха, что Гуннар вот-вот войдет. И я не нанималась ему переводить. В общем, Гаральд сунул статью в карман, и больше мы ничего не искали. Свалили оттуда.

— А по поводу чего он завелся? Попробуй вспомнить.

— Это вряд ли... Мы пошли в студенческую, и он стал меня доставать, чтобы я все ему прочитала об этой дырке на фотографии. А там про какую-то пещеру и следы от очага. И еще крест. Он там вырезан на стене. Что-то типа алтаря.

— А рисунок? — спросил Маттиас. — Что на нем изображено?

— Уф... Короче, план пещеры со значками — что есть что. Вроде один рядом с крестом, другой у отверстия в крыше — похоже на дымоход, — ну и третий у дырки, которая, наверное, была очагом. — Бриет посмотрела на Маттиаса. — А, вспомнила: Гаральд показал конкретно на третий знак и спросил, как я думаю, могли ли монахи готовить пищу на алтаре. Я сказала, что понятия не имею. Потом он спросил, не кажется ли мне, что очаг должен находиться под дымоходом. А на рисунке было не так — очаг у алтаря, а дымоход ближе к входу. В общем, все занудно и не похоже на Гаральда. Неясно, с чего он так завелся.

— А что потом? — спросил Маттиас.

— Потом он зачем-то пошел к Гуннару. А после этого велел мне больше никому не говорить о пропавшем письме. — Бриет сердито взглянула на Маттиаса. — Он же первый науськивал меня на декана, сам говорил, что хренов Гастбухт у нас в руках.

— Гастбухт?! — чуть не подпрыгнула Тора.

— Он так называл Гуннара... Гаральд всех переводил на немецкий. Например, Марту Мист он дразнил Небель...

В голове у Тора завертелось. «Gastbuch» в записях Гаральда рядом с крестом? Она это тогда поняла как «книга посетителей креста». Но рядом со словом стоял не крест, а отлетевшая буква «t»! И это — прозвище, которое Гаральд дал Гуннару по его патрониму. По-исландски «Гествик» — «гостевая бухта», что по-немецки звучит как «Гастбухт»!

Тора и Маттиас мчались обратно в университет. На ходу Тора позвонила в полицейский участок и поделилась с Маркусом возникшими по поводу декана соображениями. Маркус немедленно стал насмехаться, но, поскольку Тора настаивала, все же согласился проверить банковский счет профессора.

Гествика в кабинете не было. Ждать в коридоре они не стали — вошли и сели, зная, что Гуннар в данный момент возвращает письмо директору института рукописей.

Маттиас посмотрел на часы:

— Сейчас придет.

Тут же открылась дверь и вошел Гуннар. Увидев их, он отпрянул от неожиданности.

— Кто позволил вам войти?!

— Никто. Было открыто, — спокойно ответила Тора.

Гествик шагнул к столу.

— Кажется, мы уже попрощались? — Он сел за стол и уставился на них. — Я не в лучшем настроении. Мария не обрадовалась, получив письмо в таком виде.

— Мы быстро, — произнес Маттиас. — Так уж вышло, что наш разговор остался незаконченным...

— Да ну? — огрызнулся Гуннар. — А мне вам больше нечего сказать.

— Остались совершеннейшие пустяки, о которых мы хотели бы вас спросить, — не отступала Тора.

Декан воздел глаза к потолку и какое-то время его разглядывал, потом застонал и снова перевел взгляд на них.

— Ладно. Что еще вы хотите знать?

Тора сперва посмотрела на Маттиаса, затем на Гуннара и спросила:

— Не может ли древний крест, упомянутый в пропавшем письме к Арне Магнуссону, быть тем, что находится в пещере неподалеку от Хедлы? Надо полагать, что это самый древний крест в Исландии, появившийся здесь еще до того, как началось заселение. Вы же специалист как раз по этому периоду.

Гуннара бросило в краску.

— А что, по-вашему, я должен о нем знать?

Тора пожала плечами:

— Я-то думала, что все. Кстати, разве это не вы вот на том снимке, вместе с фермером, которому принадлежит земля с пещерами? С пещерами ирландских монахов.

— Да, я. Но не вижу связи. А также считаю ваши вопросы неуместными. Почему вы вдруг заинтересовались историей? Если хотите поступить к нам на факультет, то бланки заявлений в канцелярии.

Тора невозмутимо продолжила:

— Думаю, вы прекрасно видите связь. В ночь убийства Гаральда вы были на праздновании, которое, как известно, длилось до полуночи. — Декан промолчал, и Тора добавила: — Может быть, после празднования вы виделись с Гаральдом? Заранее договорились с ним о встрече или случайно столкнулись?

— Что за чушь?! Все мои показания — в полиции. Я имел несчастье обнаружить тело, но во всем остальном его смерть ко мне отношения не имеет! Убирайтесь отсюда! — Трясущимся пальцем он указал им на дверь.

— Полиция обязательно перепроверит ваши показания, особенно теперь, когда стало ясно, кто и что сделал с Гаральдом, — сказала Тора, ядовито улыбаясь.

— На что вы намекаете? — обеспокоенно спросил Гуннар. — Уж не на то ли, что это я изуродовал его тело?

— Нет, что вы! Человек, который извлек глаза и вырезал на теле символ, найден и признался. Тем не менее ваша истерическая реакция при обнаружении тела нисколько не гарантирует, что полиция и дальше будет прикасаться к вам только в шелковых перчатках. Вы же понимаете, о чем я говорю?

Казалось, Гуннару стало трудно дышать.

— Вы занятые люди. Я тоже. Крайне не хотелось бы вас задерживать. Хватит, давайте это прекратим.

— Вы задушили его своим галстуком, — бесстрастно произнесла Тора. — Ваша булавка — тому подтверждение. Мотив еще предстоит выявить, но нам абсолютно ясно, что убили его вы. — Она встала и смотрела ему прямо в глаза, испытывая одновременно отвращение, жалость и охотничий азарт. — Не Хюги, не Халлдор и не Бриет. Вы.

Гуннар вздрогнул всем телом. Маттиас поднялся и стал подталкивать Тору к двери, будто испугавшись, что вот сейчас Гуннар вскочит, перемахнет через стол, потрясая галстуком, и набросится на Тору, чтобы и ее задушить.

Гуннар вскочил. Но не бросился, а лишь заорал:

— Ты сумасшедшая?! Тебе срочно нужна помощь!

— Я не сумасшедшая. Гаральда убили вы. У нас есть улики, доказывающие вашу вину. Не сомневайтесь: когда они попадут в полицию, вам придется поломать голову над защитой.

— Это бред, я его не убивал, — умоляюще зывал Гуннар к Маттиасу в надежде хотя бы на мужскую солидарность.

— Скажите это полиции. Они привыкли к отпирательствам и знают, как на них реагировать. А нам это неинтересно. — На каменном лице Маттиаса не дрогнул ни один мускул.

— Возможно, в ходе обыска обнаружатся дополнительные аргументы, если булавки для галстука окажется недостаточно.

У Торы зазвонил телефон. Во время короткого разговора она не сводила с профессора глаз. Он нервничал и прислушивался, но не улавливал суть. Тора убрала телефон обратно в карман.

— Это звонили из полиции.

— И?.. — Кадык декана дернулся.

— Проверили ваш банковский счет, на котором обнаружилось нечто любопытное. Они просят, чтобы мы с Маттиасом разъяснили подробности. Похоже, полиция уже взяла вас в оборот.

Гуннар в смятении поглядел на Тору и Маттиаса, потом приподнял свой галстук и уставился на булавку. Он дважды открыл рот, намереваясь что-то сказать, и дважды передумал. Наконец сдался и покорно опустил голову.

— Вам деньги нужны? — невнятно пробормотал он. — Я потратил не много. — Он взглянул на них, но ответа не получил. — Книга тоже у меня, но я ни за что ее не отдам. Она

моя. Моя. Я ее нашел. — В отчаянии он схватился за голову. — Зачем? Почему? Кроме нее, у меня нет ничего! А у Гаральда было все, и куча денег в придачу. Ну почему ему захотелось получить именно ее?!

— Гуннар, нам надо позвонить в полицию, — мягко сказала Тора. — Не рассказывайте ничего, поберегите силы.

Маттиас достал телефон и приготовился набрать номер.

— Один-один-два, — тихо подсказала Тора.

Маттиас вышел из кабинета. Гуннар не заметил.

— Сначала я ждал, что полиция вот-вот предъявит мне обвинение в убийстве, — продолжил Гествик. — Они спрашивали, почему в то утро я так рано приехал, зачем заглянул в ксероксную, как обнаружил тело, а я подозревал, что они попросту со мной играют и только делают вид, будто не знают, что это я его убил. А потом оказалось, что я даже не подозреваемый. — Он приподнял голову и слабо улыбнулся. — Когда тело на меня упало, я не притворялся, я испытал настоящий ужас. Я же оставил его лежащим на полу в студенческой комнате. В ту секунду мне даже показалось, что он восстал из мертвых и пришел отомстить.

— За что вы его убили? — спросила Тора. — Неужели только за то, что он хотел купить у вас рукопись «Молота ведьм»? Она ведь у вас?

Гуннар кивнул.

— Я нашел ее в пещере. Двадцать лет назад. Я тогда взял короткий отпуск для сбора материалов об ирландских монахах и отправился к пещерам. Большинство из них раньше исследовали, но весьма поверхностно. Были и совершенно неизученные, поскольку там содержали домашний скот. Фермер разрешил провести на его земле раскопки, и я надеялся найти остатки древней культуры и тем самым подтвердить или опровергнуть то, что пещеры действительно вырыты ирландскими монахами. Я первым провел там раскопки, но вместо древностей обнаружил небольшой сундук, зарытый рядом с алтарем. В нем лежал этот манускрипт, рукописная Библия на датском, псалтырь и две прекрасные книги по естественным наукам на норвежском. — Он заглянул Торе в глаза. — Я не устоял. Пока фермер не видел, я схватил сундук и оттащил в свою машину, и никогда ни одной живой душе об этом не рассказывал. До меня не сразу дошло, какими сокровищами я владею — исчезнувшими манускриптами Скаульхольта. Две книги были помечены инициалами Бриньольва Свейнссона — «LL». Однако до появления Гаральда я не знал, почему этот необыкновенный экземпляр «Молота ведьм» находился именно там. Неизвестна мне была и его истинная ценность.

— А как Гаральд его разыскал? — спросила Тора. — Впрочем, если не хотите, не рассказывайте.

Декан пренебрег ее замечанием и ответил:

— Новичкам везет. Хотя какое уж тут везение, скорее несчастье. Да и не такой уж Гаральд был новичок, раз приехал в Исландию только ради этого манускрипта. Он вывернул наизнанку все источники, перелопатил все архивы, пока не вышел на верную дорогу — или на то, что ему показалось верной дорогой. Он посчитал, что епископ Йоун Арасон решил напечатать эту книгу, но не успел, а когда из-за перехода к лютеранству его власть близилась к концу, то он спрятал ее вместе с другими ценными книгами. Если бы я понимал, что именно ищет Гаральд, я бы уже тогда постарался ему помешать. Он поехал в Скаульхольт, где казнили Арасона, пытаюсь отыскать следы рукописи, и там, по чистой

случайности, ему рассказали об исчезнувшей коллекции иностранных манускриптов. Тогда он стал изучать все архивные материалы по Бриньольву Свейнссону. Потом Бриет случайно обнаружила пропажу письма из национального архива, а Гаральд сделал из этого верный вывод и пришел ко мне. Я сам указал ему на себя.

Он опустил глаза, затем снова взглянул на Тору.

— Конечно же, я специально изъясил это письмо из архива. Мне показалось, что оно может привести к пещерам и другим. Я опасался, что кто-нибудь сообразит, какой именно древний крест в нем упоминается. Эта ошибка мне дорого стоила. Заткнуть рот Бриет было легко, но за ней явился Гаральд. Он уже все понял и с порога заявил, что я должен отдать ему «Молот ведьм». До этого Гаральд выкрал из кабинета мою старую статью об ирландских монахах, в которой упоминались пещеры, — я написал ее, чтобы отчитаться за взятый для исследований отпуск. Статью опубликовали в одном малозаметном журнале, который вскоре вообще перестал выходить. Там я тоже допустил ошибку, приложив фотографию углубления, оставшегося на том месте, где я выкопал сундук. В статье я сказал, что это след древнего очага. Никто не опротестовал мое утверждение, потому что вряд ли хоть один человек дочитал статью до конца. Гаральд сложил два и два... А я-то думал, что статью взяла какая-нибудь уборщица...

Гуннар немного помолчал.

— Он потребовал отдать ему «Молот ведьм». Сказал, что другие находки ему безразличны, но эта книга должна быть у него. Я ему сначала отказал, и тогда он предложил купить ее у меня и назвал невероятную сумму, гораздо большую, чем можно выручить за манускрипт на черном рынке... Знать бы еще, где этот рынок находится. Вот я и спасовал. Поддался искушению, соблазнился деньгами. Кроме того, я совершенно не догадывался, насколько это выдающееся историческое открытие. Гаральд не раскрыл мне всей правды, пока не заплатил. Как только я уразумел, что рукопись бесценна, то передумал. Но, естественно, ему об этом не сообщил. — Профессор вздохнул. — Вам не понять, но когда всю свою жизнь посвящаешь изучению истории, то буквально околдовываешься тем, что случайно уцелело и продолжает существовать через века. Вот этими руками я прикасался к удивительному и абсолютно уникальному сокровищу!

— То есть вы убили Гаральда, чтобы оставить манускрипт у себя, и даже не попробовали вернуть ему деньги или хотя бы поинтересоваться, а вдруг он готов отступить? — спросила Тора. — Мне почему-то кажется, что смерти он предпочел бы жизнь без манускрипта.

Гествик горько рассмеялся.

— Нет, я пробовал. Он только посмеялся и ответил, что лучше мне иметь дело с ним, чем с властями, потому что если я стану двурушничать, он не постесняется на меня донести. Не мне вам говорить, что по закону найденное в чужой земле принадлежит хозяину земли, а ценности, имеющие историческое значение, — государству.

Он вздохнул и после паузы продолжил:

— Я ехал на машине домой, а Гаральд на велосипеде к кампусу. Я повернул назад и остановил его у входа. Он был сильно пьян и под действием наркотиков. У него носом шла кровь, вся рука в крови. Отвратительно... — Гуннар закрыл глаза. — Он бросил велосипед, и мы вместе вошли. Гаральд открыл дверь своим пин-кодом и направился в комнату отдыха. Я пошел за ним, пытался его уговорить, умолял о понимании... А он надо мной потешался. В студенческой он порывался в буфете, нашел белую таблетку и проглотил. И стал совсем

невменяемым, упал в кресло и потребовал массировать ему плечи. Я подумал, что он сошел с ума, но позже узнал, что экстази усиливает потребность в физическом контакте. Я был готов на все, лишь бы он не забирал у меня книгу. Он только смеялся. Внезапно меня охватила безумная ярость. Я сорвал с себя галстук, обмотал вокруг его горла... И затянул. Он сопротивлялся. Но борьбы не было. Потом он умер. И медленно соскользнул с кресла на пол. А я ушел.

Гуннар вглядывался в Тору, пытаясь вычислить ее реакцию. Похоже, про Маттиаса он совсем забыл.

С улицы послышался звук сирен.

— Это за вами, — сказала Тора.

Гествик посмотрел в окно.

— Я собирался стать ректором, — печально сказал он.

13 декабря 2005 года

Амелия Гунтлиб смотрела на стоящую перед ней чашечку кофе и молчала. Торе тоже было нечего сказать. Маттиас только что отчитался обо всем связанном с трагической смертью Гаральда и предположил, что вряд ли вскроется еще хоть что-то мало-мальски важное. Слушая Маттиаса, Тора внутренне восхищалась, как он сглаживает те моменты, которые могли бы ранить мать Гаральда. Несмотря на все его старания, история по-прежнему выглядела отталкивающей и труднопереносимой даже для Торы, знающей ее от и до.

— Полиция установила местонахождение рукописи «Молота ведьм» и других книг, которые Гуннар откопал в пещере, — негромко сказал Маттиас. — И деньги нашлись. Гествик потратил крупницы. Остальное в банке.

Вчера, после того как полиция арестовала Гуннара, Тора с Маттиасом несколько часов просидели в полицейском участке, давая показания, и у Торы уже не было сил встречаться с Амелией Гунтлиб. Она уехала домой и, до того как поговорить с Гильфи о ребенке и Сигге, долго обсуждала свои семейные обстоятельства с подругой. Лаувейя посоветовала помочь Гильфи персонифицировать ребенка — к примеру, вместе с ним придумать младенцу имя. Тогда Гильфи яснее представит себе, что происходит. Вдобавок это его подбодрит.

А сегодня Тора с Маттиасом сидят в безлюдном кафетерии муниципалитета вместе с Элизой и Амелией Гунтлиб. Девушка поплакала во время рассказа Маттиаса, а ее мать хранила гробовое молчание. Она смотрела то на край своего подола, то на стоящую перед ней чашечку кофе. Потом подняла голову и глубоко вздохнула. Все молча ждали, что она заговорит, заплачет или как-то по-другому выразит свои чувства, но этого не случилось. Амелия Гунтлиб остановившимся взглядом смотрела сквозь большую стеклянную стену на озеро, наблюдая, как плавают по нему утки и прилетевшие с севера полярные гуси. Ветер поднимал рябь на поверхности воды, и птиц мягко покачивало на волнах. Неожиданно в середину спикировала чайка и разогнала пернатую компанию.

— Посмотрим на Исландию? — неожиданно предложил Элизе Маттиас. — Она в том зале.

Элиза рассеянно кивнула, они поднялись и прошли в примыкающий к кафетерии зал, где экспонировалась знаменитая объемная карта Исландии. Тора и мать Гаральда остались вдвоем.

Амелия будто и не заметила, что кто-то встал из-за стола. Тора вежливо кашлянула, но безрезультатно. Она подождала еще немного и сообразила, что фрау Гунтлиб надо помочь.

— У меня нет опыта в подобного рода делах и трудно подобрать слова соболезнования, но я хочу, чтобы вы знали — я испытываю к вам и вашей семье глубочайшее сочувствие.

Женщина гневно сверкнула глазами.

— Я не заслужила сочувствие. Ни от вас, ни от кого-либо другого. — Она отвернулась от окна и взглянула на Тору. Гнев еще отражался на ее лице, но затем оно смягчилось. — Извините. Я не в себе.

Фрау Гунтлиб положила руки на стол и начала крутить свои кольца.

— Сама не знаю, отчего во мне возникло желание поговорить с вами. — Она оставила украшения в покое и посмотрела на Тору. — Может быть потому, что я больше никогда вас

не увижу. Или мне нужен повод оправдать свои поступки, после того как они привели к таким непредсказуемым последствиям.

«Неужели смерть сына для нее всего лишь „непредсказуемое последствие“?» — подумала Тора.

— Вы не обязаны передо мной объясняться или оправдываться, — произнесла она. — Я не вчера родилась, и знаю, что в жизни все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Амелия неопределенно улыбнулась. Тора отметила, что, несмотря на трагические события, она очень хорошо выглядит. Мать Гаральда по-прежнему великолепа, хотя возраст уже начал проявляться и красота постепенно уступала место эlegantности. Это впечатление усиливал темного цвета ансамбль из платья и пальто, который явно стоил дороже, чем все траты Торы на одежду за год.

— Гаральд был замечательным ребенком, — погружаясь в прошлое, произнесла фрау Гунтлиб. — Мы были очень счастливы, когда он родился. Нашему первенцу, Бернду, едва исполнилось два года, и тут этот чудесный младенец. Люди по-разному представляют себе рай, для меня же он те несколько лет от рождения Гаральда и до рождения Амелии. Ничто не омрачало ни одного мгновения нашей жизни.

— Девочка была инвалидом с рождения? — спросила Тора.

Амелия Гунтлиб мгновенно перестала улыбаться.

— Нет. Она не была больна. Совершенно здоровая девочка, точная копия меня в этом возрасте, по фотографиям заметно. Все мои дети в младенчестве хорошо спали и редко плакали, ни у кого не болели животики или ушки. Прекрасные детки.

Тора только кивала, не зная, что сказать. Она вдруг заметила, что глаза ее собеседницы увлажнились.

— Гаральд... — Голос Амелии надорвался. Она умолкла, но тут же взяла себя в руки и быстрым движением смахнула слезу. — Я никогда не обсуждала это ни с кем, кроме мужа и наших докторов. Муж сказал только своим родителям, и больше никому. Мы семья закрытая, делиться проблемами с чужими людьми нам сложно, да и не в наших правилах, и мы не умеем принимать сочувствие от посторонних. Не привыкли. Полагаю, это может служить объяснением.

— Да, это нелегко, — сказала Тора, хотя понятия не имела, каково это. К счастью, до сих пор ей не требовалось много сочувствия.

— Гаральд обожал свою младшую сестренку. Но и ревновал. Три года он был моим любимым малышом, и теперь с трудом принимал нового члена семьи. Мы не относились к этому серьезно — думали, со временем пройдет... — Слезы покатались по ее щекам. — Он ее выронил. Бросил на пол.

Она замолчала, отвернулась к озеру и снова стала смотреть на птиц.

— Гаральд бросил сестренку на пол?! — не поверила Тора. Она сохранила внешнее спокойствие, но по ее спине пробежала дрожь.

— Малышке было четыре месяца, она спала в машине, в своем креслице — мы ездили по магазинам и только что вернулись домой. Я пошла снять пальто, оборачиваюсь, а он стоит в прихожей и держит ее в руках. Нет, не на руках... За ножки, вниз головой, как тряпичную куклу. Конечно, она проснулась и захныкала. Он прикрикнул на нее и затряс. Я бросилась к нему, но не успела... Он посмотрел на меня, улыбнулся и отпустил ее. На кафельный пол.

Слезы одна за другой катились по ее щекам, оставляя на лице серебристые дорожки.

— Я не могу вычеркнуть это из памяти. Каждый раз, глядя на Гаральда, я видела выражение его лица в ту минуту...

Амелия замолчала, собираясь с силами.

— У малютки случился перелом черепа, в больнице она впала в кому, и в результате развилась энцефалопатия.

— Вас должны были обвинить в жестоком обращении с детьми и забрать ребенка на время расследования обстоятельств.

По взгляду фрау Гунтлиб Тора поняла свою наивность.

— Через все это проходить не пришлось. Нам помог семейный доктор. Да и другие врачи, которые за ней наблюдали, проявили исключительное понимание. Гаральда направили к психиатру, но признаков психического расстройства не обнаружили. Он был просто маленьким ревнивым ребенком, совершившим чудовищную ошибку.

Тора не могла назвать этот случай поведением нормального ребенка, но ничем не выдала своих сомнений. Да и откуда ей об этом знать?

— Гаральд все помнил или через какое-то время забыл? — спросила она.

— Если честно, не знаю. С тех пор я с ним почти не разговаривала. Думаю, что скорее всего он осознал. По крайней мере он после этого был по-особенному добр к Амелии Марии. До самой ее смерти... Как будто пытался возместить то, что сделал.

— Значит, именно так испортились ваши отношения?

— Не было больше никаких отношений. Я не могла даже смотреть на него, находиться рядом с ним. Я всячески избегала собственного сына. Мой муж тоже. Поначалу Гаральд по-детски бунтовал и не понимал, почему мама больше не хочет его видеть возле себя, а потом привык и замкнулся. — Она больше не плакала, ее лицо посуровело. — Я должна была его простить... Но не смогла. Возможно, мне самой стоило пойти к психиатру, и тогда все бы было иначе. Гаральд вырос бы другим, а не таким, каким стал.

— Но разве он рос злым или мстительным? — спросила Тора, вспомнив рассказ его сестры, единственной из всех детей Амелии, оставшейся в живых. — Мне показалось, что Элиза говорила о нем, как о хорошем человеке и замечательном брате.

— Он рос, словно балансировал на грани. Назовем это так. Он все время добивался любви отца, но так и не завоевал ее. На меня он махнул рукой еще раньше. Его спасала только привязанность к деду, который был бесконечно добр к нему. Со смертью деда Гаральд потерял единственную опору. Он отделился от нас, начал употреблять наркотики и играть в игры со смертью. Один из его друзей и вправду умер. Собственно, из-за этого случая мы обо всем и узнали.

— А вы не пробовали наладить отношения? — спросила Тора, хотя ответ знала заранее.

— Нет, — отрезала Амелия и продолжила: — Еще в нем развился этот зловещий интерес к черной магии. Дед его приобщил. Когда Амелия Мария умерла, он пошел в армию. Мы не пытались его останавливать. Оказалось, зря — я не буду вдаваться в подробности, но его выдворили через год. Денег у него было предостаточно, дед ему оставил наследство, и мы почти не виделись. Лишь когда он решил поехать сюда, то позвонил нам, поставил нас в известность.

Тора задумчиво смотрела на мать Гаральда.

— Если вы просите меня о понимании — нет, я не понимаю... Но действительно вам сочувствую. Я не знаю, как бы я себя повела... Возможно, так же, хотя надеюсь, что нет.

— Мне бы хотелось стать другим человеком, восстановить отношения с Гаральдом...

Однако сейчас уже слишком поздно. Надо смириться.

Тора усмотрела в ее ответе насмешку судьбы. Или это действует заклинание?

— Я не хочу причинять вам еще больших страданий, но должна сказать, что трагедия вашей семьи коснулась и других людей. Сейчас в тюрьме держат одного студента-медика. Подружившись с вашим сыном, он стал изгоем, общество его оттолкнет.

Амелия посмотрела на озеро.

— Что с ним будет?

Тора пожала плечами:

— Вероятно, его обвинят в сокрытии информации о найденном трупе, а еще — в надругательстве над телом. Какое-то время он проведет в заключении и, по-видимому, не сможет дальше учиться: обратно в университет его не примут. Мне кажется, он взял на себя всю вину, спасая остальных приятелей, но это лишь предположение. Кстати, Гаральд упомянул его в завещании. Хоть какая-то компенсация.

— По-вашему, он был хорошим другом Гаральду? — спросила Амелия, уже не та надменная женщина, что неделю назад позвонила ей в офис.

— Как ни странно, да. По крайней мере он сдержал данное Гаральду обещание, каким бы отвратительным и глупым оно нам ни представлялось. Ваш сын был волен выбирать себе друзей по собственным меркам, а не по тому, насколько они нормальны.

— Я о нем позабочусь, — прошептала Амелия. — Будет изучать медицину за границей. Нам это не составит труда. — Она вытянула вперед ладони, сжала кулаки, будто почувствовав приступ артрита. — Мне станет легче, если я хоть что-то сделаю. Это немного ослабит боль.

— Маттиас все организует, если вы действительно искренне желаете помочь. — Тора приготовилась встать. — Полагаю, мы закончили, — сказала она, очень надеясь, что это именно так. С нее достаточно.

Амелия сняла сумку со спинки стула и повесила на плечо. Потом встала, застегнула пальто и пожала Торе руку.

— Пришлите счет, мы его оплатим без промедления.

Они попрощались, и Тора стремительно пошла к выходу. Надо срочно глотнуть свежего воздуха.

Проходя мимо зала с чудо-картой, она остановилась, глядя, как Маттиас и Элиза гуляют вокруг Исландии. Маттиас заметил ее, тронул Элизу и показал на Тору. Они что-то сказали друг другу, и Маттиас подбежал к Торе.

— Ну как? — спросил он, когда они проходили по фойе мэрии мимо окон с поэтическими строками о Рейкьявике, выгравированными на стекле.

— Худо-бедно, — ответила Тора. — А если честно, то не знаю.

— Вчера мы так и не пообедали, так что ты задолжала мне ленч, — сказал он, открывая перед ней дверь. — Но поскольку я человек порядочный и совсем не голодный, то готов принять его натурой.

— Ты о чем? — спросила Тора, прекрасно понимая, как дальше будет развиваться сценарий.

Они направились к отелю «Борг».

Два часа спустя Тора выскользнула из постели и оделась. Маттиас не пошевелился. Она нашла на столе лист бумаги и ручку, начеркала записку и положила на прикроватную

тумбочку.

Не разбудив Маттиаса Райха, она вышла из комнаты, а еще через минуту выпорхнула на улицу и зашагала в направлении Скоулавёрдустигур, за машиной с логотипом «Мастерская Бибби» во всю длину. Остаток дня принадлежит ей, она это заслужила.

В кармане пальто зазвонил телефон.

— Привет, мам, — весело сказал сын.

— Здравствуй, родной, — ответила Тора. — Как дела? Ты уже дома?

— Да, мы тут с Сиггой, — сконфуженно произнес он. — Обсуждаем имена, как ты советовала. Как думаешь, Пепси — больше подходит для девочки или для мальчика?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

В Институте исландских рукописей им. Арне Магнуссона хранятся саги и книги религиозного содержания XII–XIV вв. Арне Магнуссон (1663–1730) — исландский ученый профессор Копенгагенского университета, собрал и спас множество рукописей, документов и редких книг по истории острова, которые затем пожертвовал датской Королевской библиотеке. В 1971 г. большая часть древних исландских рукописей, хранившихся в Копенгагене, была возвращена на родину.

Халлдор Кильян Лакснесс (1902–1998), исландский романист и эссеист, лауреат Нобелевской премии.

Северо-восточный пригород Рейкьявика.

Nebel (*нем.*) — туман, мгла, соответствует исландскому *mist*. «Мист» в имени девушки — т. н. «среднее» имя.

Сэмунд Мудрый (1056–1133) — исландский священник, писатель и ученый. Со временем стал героем легенд и сказок. Скульптура Аусмунда Свейнссона «Сэмунд, побивающий книгой дьявола» установлена перед главным зданием Исландского университета как символ победы знания над тьмой и невежеством.

Парламент Исландии (альтинг) — один из старейших в Европе: датой его учреждения считается 930 г.

Бриньольв Свейнссон прославился как собиратель древних исландских саг — скальдических песен о богах и героях, наиболее известную из которых впоследствии стали называть «Старшей Эддой».

Исландцы вместо фамилии используют патронимы, которые образуются от имени отца (реже — матери) с добавлением «-доттир» (дочь) для женщин и «-сон» (сын) для мужчин.